

Юрий Поминов

Г 2017

600 к

БЛЁСКИ

Юрий Поминов

Блёстки

Издание второе, дополненное

**Книга издана на грант акима
Павлодарской области**

Павлодар, 2014

УДК 821 (574)-3 821.16.1 (574)
ББК 84 (5 Каз-Рус)-4

Поминов Ю.Д.

П 552 «Блёстки»: Юрий Поминов. Изд. 2-е, дополненное. Павлодар, ТОО «Дом печати», 2014 – 242 стр.

ISBN 978-601-7112-76-9

Юрий Поминов – автор книг «Крупяной клин» (1990 г.), «Помню и люблю» (1993 г.), «Характеры» (1997 г.), «Живу» (1998 г.), «Мои современники» (1999 г.), «Между прошлым и будущим» (2002 г.), «Блестки» (2003 г.), «Хроника смутного времени» (книга первая – 2007 г.), «Хроника смутного времени» (книга вторая – 2009 г.), «Хроника смутного времени» (книга третья – 2010 г.), «Избранное» (2011 г.), «Свет отчего дома» (2011 г.), «Просто жизнь... Записки редактора» (2013 г.), «Друзей моих прекрасные черты» (2013 г.). Печатался в казахстанских и российских журналах «Простор», «Нива», «Аманат», «Журналист», «Огонек», в альманахе Ростовской писательской организации «Южная звезда», коллективных сборниках «Лик земли», «Талант владеть землей», «Отцовское поле», «Книга надежд» («Новая проза Казахстана»), «Был случай».

«Блёстки» Юрия Поминова – короткие лирические миниатюры и новеллы, создающие яркую палитру жизни.

УДК 821 (574)-3
ББК 84 (5 Каз-Рус)-4

ISBN 978-601-7112-76-9

© Юрий Поминов, 2014

© Павлодар, ТОО «Дом печати», 2014

Блёстки

Это чувство возникает у меня всякий раз, когда я время от времени начинаю ворошить свои старые бумаги. В «отработанном» журналистском блокноте (где-нибудь прямо на обложке – чтобы позаметнее), на обрывке замызганного тетрадного листа или потёртой сигаретной пачки, на украшенной замысловатыми вензелями старой визитке нет-нет да и встретишь короткую, сделанную второпях запись... За ней чем-то захватившая тебя когда-то житейская ситуация, картинка с натуры, понравившийся образ, а то и вовсе одна единственная фраза.

Что-то теперь воспринимаешь равнодушно, уже не помнишь – зачем писал и по какому поводу, а что-то по-прежнему обжигает, рождает цепь воспоминаний, будоражит душу... И почти всякий раз охватывает досада: сколько слов отправлено в белый свет, а вот эти, куда более сочные, искренние, томятся взаперти. В «правильные» журналистские материалы они не вписались, поскольку не могли не нарушить привычный строй мысли, рассказами тоже не стали... Мне кажется, пришла пора выпустить их на волю. И я это делаю с неожиданным для самого себя волнением.

Я называю их «Блёстки» и пишу уже без малого 40 лет.

Блѣстки

Эрудит

Одну из своих публичных речей в колхозном клубе Иван Секретарев (а выступал он практически на каждом собрании) начал так:

– Уважаемое аудиторное присутствие!

На собрании в очередной раз утверждали на должность старого председателя. Иван высказался против и обосновал свою позицию:

– Да будь у него хоть семь пятен во лбу, я все равно скажу «нет»: разве можно доверять колхоз человеку, который полностью атрофировался от коллектива.

В зале смешки, легкий шум. Уставшие от долгого сидения, надоевшей всем процедуры, люди не прочь отвлечься... Однако председательствующий требует порядка, урезонивает Ивана:

– Не носи ахинею, а то лишу слова!

– Может, еще скажешь – галиматню, – парирует Иван и, перекрывая хохот в зале, громогласно заканчивает:

– Ну, нет, теперь-то уж я точно в принцип встану!

Ультиматум

Недавний выпускник зооветеринарного института, назначенный техником-осеменатором, через несколько недель самостоятельной работы приходит к председателю колхоза:

– Выбирайте в конце концов: или я – или бык!

Непосредственность

В совхозном клубе идет собрание, посвященное итогам уборки урожая. Чествуют комбайнеров-победителей. Директор объявляет фамилию механизатора, занявшего третье место, и сообщает о том, что ему полагается ценный подарок – стиральная машина. Называется второй призёр и причитающийся ему приз – телевизор. В зале гремят аплодисменты. Розовые от смущения героини жатвы принимают подарки.

Доходит очередь и до победителя. Ему, единственному из всех, директор вручает почетную грамоту и, не успевая сообщить, что к ней еще полагается мотоцикл, слышит вместе со всем залом его раздосадованный рокочущий бас:

– Так это что ж... получается? Мне, выходит, почти что ни хрена?

Психология очереди

За многие годы Советской власти, особенно за последнее время, у наших людей, а у номенклатурной верхушки в еще большей степени, сформировалась устойчивая психология очереди: ненавидеть тех, кто впереди, презирать тех, кто сзади, и по возможности расталкивать локтями тех, кто рядом...

Приходится констатировать: новые времена в этом смысле мало что изменили.

Почём Россия?

Ходил в воскресенье на барахолку. Вот уж куда не зарастает народная тропа: не только все торговые ряды, но и все мало-мальски свободные места заняты торговцами. Их едва ли не больше, чем покупателей. Новые «предприниматели» хорошо знают друг друга, в случае нужды подстраховывают, обмениваются информацией.

Вот одна из «коммерсанток» кричит – через торговый ряд – своей знакомой:

– Вер, а Вер, почём у нас сегодня Россия?

– Да по 57, – тут же откликается та.

Сразу никак не пойму – о чем говорят, о каком товаре речь... Оказывается, это сегодняшней курс валют – российского рубля по отношению к нашему казахстанскому тенге.

И грустно, и смешно.

Какой теперь блат

Представления о блате, как о таковом, в наши смутные времена сильно поменялись. Недавно не без труда удалось устроить близкого мне человека – тетку – на работу в контору, которой руководит мой приятель. Работает тетка-пенсионерка уборщицей – моет полы в служебных кабинетах.

В чем же блат, спросите? А в том, что в этой конторе вовремя дают деньги. В перерасчёте на доллары выходит около полсотни в месяц. Не разбогатеешь. Но тетка довольна, почти счастлива: на прежней работе ей не платили по году-полтора, пенсию приносят с двух-трёхмесячной задержкой, а тут – зарплата день в день.

(1995 г.)

Стабилизация

Когда я в очередной раз слышу из уст политиков – российских ли, наших ли, казахстанских – утверждения о том, что в экономике началась долгожданная стабилизация, мне приходит в голову такое сравнение. Лежит в больнице тяжёлый больной, состояние его нестабильное, критическое – как говорят, между жизнью и смертью. И вот он, к несчастью, умер. Это ведь тоже своего рода стабилизация, теперь-то его состояние ухудшиться больше не может.

Мне кажется, стабилизация, о которой твердят политики, выдавая желаемое за действительное, из разряда подобных...

(1997 г.)

Из жизни денег

Было время, когда наличные деньги стали страшным дефицитом. И поскольку людям как-то надо было жить, из этой ситуации находили самые невероятные выходы.

На Ермаковском заводе ферросплавов, например, ввели свои собственные деньги – напечатали бумажки разного достоинства, которые выдавались его работникам и принимались в качестве платёжного средства в столовых, заводских магазинах и т.д. Инициаторами новшества были коммерческий директор Мухин и генеральный директор завода Донской. Заводские юмористы тут же окрестили местную валюту МУДОНами – по начальным буквам фамилий их изобретателей.

Правда жизни

Бабы-соседки обсуждают своих мужей. И так выходит, что ни одного путнего: тот пьяница, тот неумеха, тот любитель сходить налево...

Вдовая немка Фрида, обычно в подобных разговорах не участвующая, неожиданно вставляет одну-единственную фразу:

– Лучше без хлеб, чем без мужик!

Бабы умолкают и быстро расходятся.

Сюжет для небольшого романа о семейной жизни

Когда-то им нравились даже недостатки друг друга, а теперь и достоинства раздражают... Между «когда-то» и «теперь» – их совместная жизнь. Вот о ней и надо рассказать.

Образ любимой

Друг отца, дядя Саша Агеев, звал жену – «моя опасна».

Беспечность

Бабы, собравшиеся вечером посудачить, сочувствуют соседке:

– А твоего-то, Настёна, опять под утро у Верки видели. Настёна (она не выговаривает «ч») беззаботно машет рукой:

– А сёрт с им, небось не сотрется...

Одиночество

Зимний вечер. Пригородная электричка. Несколько припозднившихся пассажиров скучились на сиденьях в центре пустого вагона. Холодно, неудобно, тоскливо. Все молчат.

Вдруг с визгом отодвигается дверь, и в вагон вваливается мужик – в унтах, шубе, мохнатой шапке, огромный – во весь проем... Решительно направляется к сидящим. У них и вовсе душа в пятки.

– Не возражаете, если посижу с вами, – утробно басит он и, не дожидаясь ответа, сконфуженно оправдывается: «А то сижу один на весь вагон – жутко...»

Оптимизм

– Не смотрите, что я худой и кашляю, – горячил-ся старик, – у меня все почки в сале.

Характер

Богатый сосед нанял тетю Веру Шарубину сажать картошку. А когда она все сделала, вдвое урезал обговоренную плату. В ту же ночь (благо, она была лунной) тетя Вера всю накануне посаженную картошку выкопала.

Несправедливость

Парень смолоду был мал ростом и получил обидную кличку – Окурочок. Вырос, стал мужиком, детей завёл – кличка осталась. Состарился, умер... Так и схоронили – Окурочком.

Любовь

Когда дядя Коля Хухорев стал ухаживать за моей теткой Ниной, своей будущей женой, она отпилила каблуки на своих туфлях, чтобы не так заметна была их разница в росте.

И какая же прекрасная получилась у них пара — на всю жизнь.

В гостях

Молодой человек, желая произвести впечатление, в гостях разговаривает с собакой по-немецки. Хозяйка, мать пригласившей его девушки, простодушно советует:

— Да вы с ней лучше по-нашему, она иностранным языкам необученная.

Припел

(История одного знакомства)

— Мы жили с ним в одном поселке, мельком встречались, но не были знакомы. Надо было наточить коньки, посоветовали — пойди к Василию. Пошла... А он вместо этого четыре часа играл мне на баяне и пел. Так познакомились, а потом поженились...

Других привораживают, а он меня припел!

Бог — не щепочка

(Из рассказа матери)

— Мне от отца часто доставалось — и за дело, и просто так. Один раз, уже не помню по какому поводу, за столом вырвалось: «Пап, ну ей Богу!» А он меня выпорол. Я стерпела, потом спрашиваю: «За

что?» — «А не божись, не подумав... Тебе Бог что, щепочка?»

Между прочим, в Бога он не верил.

Обида

Прадед, муж моей прабабки по отцу, любил выпить. Во хмелю он бывал буен и как-то, взяв квашню с мукой, вышел на улицу и развеял ее по ветру.

Прабабушка пожаловалась местному начальству (дело было до революции). Супруга привели в участок и высыпали ему 30 розог. Она уже жалела, что так вышло, и все пыталась взять мужа под руку, когда они отправились домой. Он ее руку отталкивал и повизгивал:

— Иуда-христородавец! Христа продала!

Так и не простил, до самой смерти поминал:

— Иуда-христородавец! Христа продала!

Учёба

Иван Кузьмин, мой двоюродный дядька по материнской линии, рассказывал, как дед Тимофей, материн отец, отучал его от курения.

— Я курить рано начал — лет в восемь. Тайком, конечно. Как-то сижу за сараем возле таганка, он дымит, и я потихоньку дым пускаю, чтобы незаметно было. А дед Тимофей меня застукал... Весь зад оббил хворостиной...

— Потом я уже из Армии пришёл, родня собралась — гуляем. Тут дед заходит, а я с сигаретой. Как увидел его — у меня зад сразу заныл... Я одной рукой за зад, а другой сигарету в пепельницу... А он сразу все понял, смеется: «Чего уж теперь, кури — раз куришь, анчихрист...»

Верующий человек

Один из моих дядьев очень своеобразно верил в Бога. Крестился, когда другие крестились, при этом приговаривая:

– Слава тебе, Господи, что я не хохол!

Откуда берутся клички

Бабушка рассказывала, как на всю жизнь получил кличку один из ее дядьев – Григорий. Он чуть не загнал свою лошадедку, догоняя загулявшего купчишку, который спяну обронил сумку с деньгами. Тот сумку принял, заглянул внутрь, покряхтел и выдал награду – 20 копеек.

В сумке было целое состояние. А к дядьке в деревне намертво приклеилась кличка – Гришка-дурачок.

Новое время – новые песни

Старший сын пришёл из школы.

– Как успехи, – интересуюсь я, – что получил?

– Твикс, – мрачно отвечает он, сбрасывая с плеча сумку с книгами.

– Не понял...

– А что тут непонятного, – встречается в разговор младший, второклассник, – ты что, рекламу не смотришь:

«Твикс» – сладкая парочка».

Все ясно – двойка. У нас говорили – «пара», бывали еще и «колы». А у них – «твикс».

Проза жизни

Рабочая столовая. Обед закончился, работницы столовой поели сами и допивают чай. Посудомойка Валида, сорокалетняя татарка, встает из-за стола первой – идет звонить сыну. Все остальные вслушиваются в разговор.

– Линарик! Из школы пришел? Пришел... Костюм в шкаф повесил?. Повесил... Ой, молодец (звучит – как «молодесс»). Пообедал? Пообедал... И посуду помыл?. Уй ты моя умница (у нее выходит – «умнисса»).

Короткая пауза. Снова ее голос – с тревогой и надеждой:

– Линарик, а по математике спрашивали?. Спрашивали... Как двойка, Линарик? А по контрольной... Свольшь ты, а не Линарик, билят ты...

Валида кладет трубку, сморкается в передник и, плача, идет мыть посуду.

Отчего человеку хорошо?

Говорили о женах и мужьях, семейной жизни, разводах, и женщина 45 лет мечтательно сказала:

– Я до сих пор помню те свои чувства. Поздняя осень, но еще тепло... Тротуар весь в палых листьях... Я в новом сером пальто, в туфлях на шпильках... Иду из суда, где нас только что развели... Все мое существо, каждая клеточка поет: «Все, его больше не будет в моей жизни, мне не надо больше его видеть... Я свободна... Я не иду, а лечу... Я счастлива, как в детстве...»

Заноза из детства

Бывают в жизни события, как будто мелкие, второстепенные, которые сидят в памяти, словно занозы. И саднят...

Вот одна такая заноза – из детства.

Мы крепко поругались с соседом Колькой Шарубиным, моим одноклассником. Дошло до горячего – сошлись грудь в грудь, как петухи. Вот-вот должны пойти в дело и кулаки.

Я знаю, что Колька после операции, у него недавно вырезали аппендицит, и думаю: как врежу ему в живот – посмотрим, как запоёт.

Что-то удержало – не ударил.

Было это в классе в седьмом-восьмом, тридцать лет прошло. А до сих пор стыдно, как вспомню, что хотел сделать...

Стандарт

Секретарь обкома партии по сельскому хозяйству, приезжая в хлебный район на уборку, качество работы проверял так. Ставил «на попа» спичечный коробок, и если, не дай Бог, стерня скрывала его, тут же устраивал разнос всем присутствующим, начиная от бригадира и кончая первым секретарем райкома.

Комбайнеров, как ни странно, он никогда не трогал.

Гротеск

Позвонил знакомому председателю колхоза – узнать, как дела, какие виды на урожай.

– Веришь – нет – заливают дожди: сено в валках сопрело, боюсь – хлеб сгниет.

– Так уж и сгниет, – усомнился я, зная его страсть к преувеличениям.

– А ты приезжай, – тут же нашёлся он, – оставлю тебя на сутки в поле – точно яйца мохом обростут.

Диагноз

Из выступления оратора-антикоммуниста на демократическом митинге:

– Фундамента капитализма в Казахстане не было, стены социалистического здания возводились на песке. В результате коммунистическая крыша и поехала...

Логика

Старшина-сверхсрочник проводит воспитательную беседу с личным составом вверенного ему подразделения:

– Лежите на кроватях в ботинках – а отсюда недисциплинированность на боевом дежурстве!

– Беспорядок в тумбочках – а отсюда двойки на политзанятиях!

– В самоволки бегаете – а отсюда женитесь!

Фольклор

Часть деревни находилась за лесом и звалась Прицепиловкой, а другая, располагавшаяся на задворках, по сути, единственной, а потому главной улицы – Зажопинкой.

Так и говорили: живу в Прицепиловке или на Зажопинке...

Стиль жизни

Один мой знакомый холостяк, страшный неряха и разгильдяй, чистил зубы и ботинки в двух случаях – когда его вызывали в райком партии и когда он шел ночевать к знакомой женщине. В общей сложности получалось раза два в месяц.

Производительность труда

Помощник большого начальника, переживший уже не одного своего шефа, после очередного вызова к нему сокрушённо вздыхает:

– Тяжело работать с молодым руководителем, очень высокая производительность – слишком много решений в единицу времени.

Нарушил субординацию

Сын наших знакомых после долгих мытарств устроился на работу – возит теперь на машине начальника средней руки.

Рассказывает, что тот отличается редким самодурством. Однажды прямо из машины начинает распекать по сотовому телефону кого-то из подчинённых. Его собеседник, похоже, не согласен с шефом, пытается ему возражать. Начальника это приводит в бешенство:

– Вы что, не понимаете, с кем говорите? Может, вы еще и сидите?

Афоризм

Любимое выражение председателя колхоза-ветерана:

– Хозяйство вести – не яйцами трясти.

Сын своего отца

Пилим с братом дрова для бабушки. Нам помогает сын ее соседа – семилетний Сашка: крутится рядом, что-то поддерживает, что-то подаёт. Он весь в отца: такой же круглый, розовощекий и обстоятельный.

У него и топор свой – принёс из дому.

Дрова перепилены – надо колоть.

Спрашиваем:

– Сашка, а у тебя топор-то острый?

Он – степенно:

– Ну да: папка гостри́л-гостри́л, потом я.

Оценка

Долго подступался к «Запискам об отце» – делал наброски, говорил с матерью и братьями, другими людьми, хорошо его знавшими. Потом в сомнениях писал...

Не зная, что из этого вышло, три экземпляра переплёл – на память братьям и себе. Прочитала жена – ей понравилось. Средний сын, присутствующий при разговоре, не преминул встрять:

– Хорошая книга – комаров бить удобно, я пробовал.

Я не обиделся – оценил иронию. Придёт время, прочтает и, может, скажет иначе.

Признание

Вечер. Семья у телевизора: бабушка, ее сын с женой, трое их детей-школьников. Только что закончилась телепередача «Песни прежних лет». Глава семьи, ни к кому конкретно не обращаясь, с досадой сказал:

- Какую страну профукали!
Подумал, вздохнул и добавил:
– И я в этом принимал участие...

Плоды просвещения

Мой друг женат на гречанке. Они живут душа в душу, имеют двоих детей. Друг воспитывает их в духе уважения к родителям – отца они зовут исключительно на «вы». Много сил он уделяет просвещению детей, рассказывая об исторической родине их матери. И вот, наконец, первый блестящий результат. Вернувшаяся из школы дочь радостно заявляет с порога:

– Папа! Я сегодня сказала на уроке: первыми на земле появились динозавры и греки, но греки все равно раньше! Ты ведь так меня учил?

О чем думает утопающий

Познакомился в дороге с мужиком. Разговорились. Он рассказал мне, как недавно тонул.

– Поехал первый раз в жизни на рыбалку – друзья вытащили. Сел в резиновую лодку, оттолкнули меня от берега, отплыл... Потом неудачно повернулся – и лодка опрокинулась. Конечно, тонуть стал – плавать же не умею... И вот что в это время в голове вертится: «Как все глупо! Зачем поехал? Теперь жене столько хлопот будет – похороны, это ж такая круговерть...» В общем, не страх, а досада. Вытащили меня ребята... Воды, правда, нахлебался...

Шляпа

На большом тое довелось стать свидетелем такого разговора. Один почтенный аксакал, разглядывая велюровую шляпу другого, спрашивает:

– Как вам удалось ее сохранить? Такие уже лет двадцать не носят...

– Так и людей таких давно нет, – сразу нашелся его собеседник.

Философия жизни

Когда односельчане укоряли нашего соседа дядю Яшу Кукарекина за беспутный образ жизни, он беспечно отмахивался:

– Не вам жить – а мне. Бог даст день, Бог даст поллитру.

И, вправду, дня не было, чтобы он остался трезвым.

Контраргумент

– За хорошим-то мужем и свинка – господинка! – поджав губы, всякий раз говорила наша соседка тетя Нюра, когда хвалили ее невестку.

Неожиданное сравнение

Встретил приятеля – «нового русского». Спрашиваю – как дела.

– Да уж лучше, чем у государства! – неожиданно с вызовом отвечает он.

Консенсус

Приятель делится секретами своей семейной жизни:

– У нас с моей благоверной такие отношения: я ее иногда запускаю в свой карман, а она меня – в свою постель...

Диетик

Знакомый казах-начальник говаривал в преддверии зимы:

– Ну все, согым заготовил, перехожу на диетическое питание – теперь никаких овощей и фруктов – буду есть только мясо.

Метаморфоза

Когда они только поженились, он говорил о своей жене – маленькой и хрупкой как тростинка:

– Моя четвертинка!

Затем, по мере того, как она набирала габариты:

– Моя половина!

А когда та сравнялась с мужем объемами – просто:

– Моя!

Откровенность

Смазливая студентка пытается заигрывать с профессором в расчёте на его благосклонность на экзамене.

– Милая моя, – слегка гнусавя, замечает он в ответ на эту маленькую уловку, – я уже в таком возрасте, когда согласие пугает больше, чем отказ...

Отношение к жизни

Для одного весна – сплошной праздник: скворцы прилетели, распускаются листья, зазеленела трава.

Для другого – одни раздражающие хлопоты: снег надо от дома отбрасывать, огород копать, грязь кругом...

Господа-товарищи

Идет сессия областного маслихата. Прослушали доклад, начинаются прения. Слово берет депутат из впервые избранных. Говорит, слегка волнуясь от осознания своей собственной значимости.

– Я вам хочу сказать, товарищи... – Тут же сбился, будто произнёс что-то не то. – Я извиняюсь, конечно, господа...

В зале смешки, и сразу не поймешь, кого тут больше: бывших товарищей или нынешних господ.

Жила-была бабушка

Любовь Ивановна Кравцова много лет проработала звукорежиссером на областном радио. Я давно знаком с ней, но не знал, какая она удивительная рассказчица. Попытаюсь воспроизвести несколько эпизодов из ее воспоминаний о своей бабушке.

* * *

– Меня бабушка воспитывала, донская казачка. Бывало, обидится на меня и выговаривает: «Любка ты Любка, я ж тебя с самой пупинки выходила!»

* * *

– Классе в восьмом я задружила с одноклассником Ванькой. А приходиться домой было строго-

настроено велено до темноты. Один раз я подзадержалась – дверь уже закрыта. Стучу, а бабушка мне: «У нас все дома, а ты иди сучкуй дальше!» Понятно, от какого слова – «сучкуй»?

* * *

– Иной раз выдавала такое, что и не сразу поймешь. Вот, например: «Бьюсь я с тобой, Любка, бьюсь, а все никакого лизуртату».

* * *

– Собирается к местному фельдшеру и говорит: «Ты мне, Любка, набери денег – чтобы помельче были...» – «Зачем, бабушка?» – «Та знаю я того Полупана – ему надо зараз свои лекарства сбыть. А я ему сразу скажу: у меня денег трошки, вот усе в жменьке».

* * *

– А умерла моя баба вот как. Вышла в 83 года во двор кур покормить, охнула, присела на завалинку и умерла.

После похорон

У знакомой умерла мать. Похоронили. Едем с кладбища. Вдруг она говорит:

– Что же это я ей кофту не надела – мороз ведь какой...

Аналогия

Вскоре после того, как в нашем городе появились первые легковые машины престижной шведской фирмы «Вольво», у водителей персональных «Волг» вошла в обиход присказка: «Век «Вольво» не видать»...

Родственные души

Удивительно, как часто шоферы становятся похожи на своих начальников, которых им приходится долго возить. Еще подобное случается с супругами по прошествии многих лет совместной жизни.

Хитроумная няня

Детсадовские дети очень разные: кто-то привыкает к новому образу жизни быстро, кто-то с трудом, кто-то не привыкает никогда. Вот один из таких «неприспособляемых» плачет в раздевалке, зовет маму.

– Ну где я тебе ее возьму? – возмущается грубоватая няня, – нарисую, что ли...

– Нарисуй! – еще пуце заливается он.

Няня, недолго думая, черкает на первом попавшемся листке нечто совершенно невообразимое и сует рисунок мальчишке:

– На тебе твою маму!

И происходит удивительное: тот мигом успокаивается, всюду носит листок с собой, в «тихий час» прячет под подушку... И больше у этой няни проблем с воспитанником нет.

* * *

Той же самой няне предстоит кормить детей. Она знает, что манную кашу они не едят, и пускает в ход «домашнюю заготовку»:

– Дети, что я принесла?

– Ка-а-су! – отвечает нестройный хор.

– А помните стишок, который я вам в прошлый раз рассказывала?

– По-о-о-мним!

– Кто расскажет – тому и каша, – объявляет она.

Это уже игра, это интересно. Все наперебой тянут руки.

— Ну, давай ты, — выбирает она одного из самых бойких, зная, что после него и другие смогут повторить.

— Каса манная, ночь туманная, посулила — не дала, окаянная, — заученно, как на уроке, выдаёт тот.

— Молодец, получай кашу... Кто следующий?.

Детям от двух до трех лет, многие толком еще говорить не научились. Им совершенно неведом смысл прибаутки. Но это в данном случае и неважно. Главное, дело сделано — ненавистная каша будет съедена.

Оптимист

Когда нашего соседа Серегу Хвостова укоряли маленьким ростом, он хладнокровно парировал:

— Это ничего: маленькие, они в хрен растут!

Характеристика

О вредном человеке:

— Такие рождаются не для того, чтобы жить, а назло другим.

Строители

В нашем дощатом дачном туалете провалился от старости пол. Неприятность, конечно... По строительной части я не мастак, надо кого-то просить, искать доски... Походил кругом, разобрал все гнилье, нашёл несколько подходящих отрезков доски. Позвал в помощники младшего сына Пашку. Уже

вдвоем вымеряли, пилили, перестилали, по очереди прибывали... Когда закончили и попрыгали на пару для проверки настила на прочность, чувство было такое – будто дом построили.

Хорошая закуска – капуста

Видя, как гости за столом охотно уплетают хрусткую, мастерски поквашенную капусту, хозяин дважды посылал жену за добавкой, приговаривая:

– Хорошая закуска – капуста: и на столе не пусто, и подать не жалко.

Секрет успеха

Владимир Иванович Чужба – мой давний знакомый, пчеловод с почти полувековым стажем. Его ульи в любой год с медом. Я все выпытываю секреты его успеха.

– Да какие там секреты, – досадливо отмахивается он, – просто пчелу надо любить больше, чем жену!

– А почему наши пчелы злые, кусучие, а на юге – нет?

– Ну, спросил тоже... – сердится он. – Южная почта всю зиму летает, а нашу как запрут в конце октября и в конце марта выпускают на белый свет... Почти полгода не какашки – это кто ж такое выдержит? Тут сам себя укусишь!

Способ защиты

Пошутив неудачно (что поделаешь – бывает), А.М. обычно замечал:

– Каждый шутит, как может.

Иногда это срабатывало. Иногда – нет. Тогда он добавлял:

– Если не может, все равно шутит!

Последнее срабатывает почти всегда.

Реклама – это искусство!

Пришёл на базар покупать шиповник. Сухонь-кая, разбитная старушка агитирует:

– Бери у меня – не пожалеешь: сухой, чистый, ядерный.

И, видя, что я почти созрел, добивает:

– Не шиповник, а коровьи титьки!

Ну, как тут не возьмёшь!

Когда умирать человеку

Подруга матери тетя Шура Горлова несколько раз собиралась помирать, а потом откладывала это дело. И всегда по уважительной причине. По такой, например:

– Как же я умру, если ничего вам не наказала – кому что достанется, – объясняет сыну свое выздоровление.

В очередной раз говорит моей матери:

– Никак мне сейчас нельзя помирать.

– А теперь что? – уже зная эту ее особенность, деловито спрашивает мать.

– Да как же? Денег дома нету... Дочери не платят, зять не работает. На мою пенсию живем... Так что погожу еще.

Спустя какое-то время тетя Шура опять за свое: пора мне, пора, зажила на этом свете. И снова раздумала. На этот раз по такой причине:

– А ка́жут, у двухтысячном годе конец света буде. Так что уже немного ждать. Я уж тогда вместе со всеми.

Когда тетя Шура умерла, её дочь говорила мне:

– Я не верю, я все жду, что она еще что-нибудь придумает...

Превратности любви

Он и она – хорошая пара. Когда они вместе, ими любят. Им завидуют. По всему видно – дело идет к свадьбе. И вдруг, совершенно неожиданно для всех, они расстаются...

– Что случилось? Почему? – спрашивают у него друзья.

– Вы понимаете, у нее мечты нет, – объясняет он.

* * *

Парень и девушка долго дружили, уже представили друга друга своим родителям. Потом – размолвка и расставание. Подруги допытываются: «В чем дело, чем он тебе не хорош?»

Она объясняет: «Мы встретились, я ему говорю: «Ты знаешь, Индиру Ганди убили?» Он спрашивает: «А кто такой, этот Индира Ганди?» Ну, как, скажите, я потом буду жить с таким человеком?»

Не оправдал...

У друга в семье разлад. Он пытается объяснить мне суть конфликта:

– Ты понимаешь, у нее все на мне сошлось. Я должен быть для нее подружкой и товарищем, мужем и любовником, матерью и отцом... А я обычный человек, мне этот груз не по силам... Понимаешь, она все на меня поставила, а я не оправдал...

Натюрморт

Молодые с вечера поссорились и даже спать легли порознь. А утром, когда супруг вышел на кухню, на столе его ждал сюрприз: два вареных яйца — одно к одному, а сверху сосиска. Натюрморт был столь живописен, что он, не удержавшись, улыбнулся.

И мир в семье был восстановлен.

Из неопубликованного романа однокурсника

Женщины начали оголяться, ибо наступила весна.

* * *

И жизнь вновь показалась отнюдь немаловажной.

«Курвычут журавли...»

Петь он любил, и голос у него был приятный. Но был и дефект речи. И когда, случилось, в компании он заводил проникновенно свою любимую: «А где-то там, вдали, курвычут журавли, они о родине заснеженной курвычут...» — остальные изо всех сил пытались сохранить серьёзность, хотя не всем это удавалось.

Кому достанется велосипед

Отец с сыном-младшеклассником пошли на рыбалку. Сына отец оставил на берегу, велел ждать до 12 часов дня, а сам уплыл на резиновой лодке рыбачить в заросли. И увлёкся... Когда проходящие мужики сказали пацану, что уже не двенадцать, а

час, он отправился домой, где и объявил, что отец скорее всего утонул, поскольку к объявленному времени не вернулся.

Мать побежала на поиски супруга, а бабушка, накормив внука, вместе с ним – вслед.

Внук по дороге – рассудительно:

– Бабушка, если папа утонул, значит, его велосипед теперь мой? Не будете же вы с мамой на нем ездить!

К счастью, навстречу им уже двигались его отец с матерью.

Подслушанное

В автобусе оказался случайным свидетелем разговора двух женщин среднего возраста. Кажется, они говорили о своем общем знакомом.

Первая:

– А ты знаешь, такой-то опять женился.

Вторая:

– Да знаю я его, пообтёрся уже по чужим подушкам.

Боялись не успеть на войну

Однажды мы пригласили в редакцию фронтовиков. Один из них рассказал, как некоторые павлодарцы встретили известие о войне.

– 22 июня пришлось на воскресенье. Жаркий день, масса народа была на пляже... И как только прозвучало сообщение о том, что Германия напала на нас, многие прямо с пляжа, даже не одеваясь, отправились в военкомат – он ведь был совсем рядом, на берегу... Мы очень спешили, боялись, что не успеем, что война без нас кончится...

«Бодрост ушёл...»

– Добрый утр! – энергично приветствовал меня каждое утро на Набережной сосед-аксакал, когда я шел на работу.

Теперь я его встречаю здесь все реже и реже.

– Бодрост ушёл! – с грустью объясняет он произошедшую с ним перемену.

Акцент

– Дак вот именно что! – говаривала одна моя знакомая, желая что-то подчеркнуть в разговоре.

Нашёлся!

Бывший редактор манглышлакской областной газеты Владимир Иванович Вова как-то встречал в аэропорту Олжаса Сулейменова. Были и другие встречающие – от обкома. Они представились первыми, за ними – он:

– Вова!

Сулейменов тут же отреагировал:

– Олжасик!

Критерий

Заговорили о прошлом, его преимуществах и недостатках, и старый приятель признался:

– А ты знаешь, мы бывало заспорим с братом о чем-то, чуть не за грудки хватаем друг друга – не сходимся во мнениях. Потом он – старший – мне вот так, прямо в лоб: «Тогда скажи – ты за советскую власть или против?» И я тут же отвечал: ну ты, мол, и спрашиваешь тоже... Да я сам за советскую власть любого... Вот так мы к ней тогда относились...

Но и не меньше!

Мой друг – поэт, редактор журнала «Нива» Владимир Гундарев перенёс инфаркт. Лежал в больнице, лечился...

Врачи рекомендовали ему поберечься, жить поспокойнее, ограничить употребление спиртного.

– Даже норму мне установили, – рассказывает он, – до ста граммов в день.

Теперь Гундарев всегда носит с собой специальную рюмку-мерку – для контроля. И каждый день выпивает свою законную норму, не больше... Но и не меньше.

(2002 г.)

Образная речь

Большой любитель ненормативной лексики, он мог изъясняться, например, и так:

– Да этот, как его, Иван-блядь – Николаевич – на хер, что ли...

Присказка

– Да что ж ты, едрит-твою в Дарданеллы мать, делаешь!

Памятка холостяка

Бумажка лежит на столе. На ней «План жизни» телеоператора местной студии телевидения на субботу – всего три пункта, именно в такой последовательности:

1. Постирать носки.
2. Поиметь Райку.
3. И еще – этот блядский фестиваль культуры.

История одного имени, или Послание к аллаху

Ее зовут мужским именем Ермек Темешевна. Почему?

– Отец мечтал о сыне, а родилась первой старшая сестра, потом – я. Он сказал: «Видно, Аллах не слышит моих молитв, поэтому я должен назвать свою дочь мужским именем». Так я стала Ермек.

– И что, помогло?

– Еще как: у меня семь братьев.

Пусть знают

Н.Г. Шафер учился в КазГУна одном курсе с Анатолием Ананьевым, который впоследствии стал известным писателем, редактором журнала «Октябрь». Отношения у них в пору учебы сложились нормальные, ровные, но особо близкими не были никогда.

И вот, много лет спустя, они случайно встретились в Москве, в редакции «Нового мира». Ананьев тут же, при всех, бросился обнимать Шафера.

– Что это ты вдруг так? – удивлённый столь необычным поведением всегда сдержанного Ананьева, спросил Шафер, когда они остались вдвоем.

– На всякий случай, – серьёзно отвечал тот. – Мало ли что... Пусть знают, что ты мой друг.

Девизом – по цели!

Серёга – подводник рассказывал:

– У нас на базе, где стоят в перерывах между походами подводные лодки, висел огромный лозунг: «Наша цель – коммунизм!». А чуть дальше другой: «Девиз подводника: все торпеды – в цель!».

Результат

Анекдот, родившийся после перестройки:

– Что вам дала перестройка?

– Правду, одну только правду и ничего, кроме правды.

Вывод

Знакомая привела сына в детский сад – у них годоводный утренник. Его воспитательница уже наряжена снегурочкой. Няня ей – восхищённо:

– Ой, Ленка, ты такая красивая! Я бы на твоём месте ни с кем не здоровалась...

Наставление

Менеджер наставляет группу новичков, решивших попробовать себя в сетевом бизнесе:

– Будьте всегда активны, помните: под сидячий зад доллар не подсунешь!

Доллар... без штанов

Преподавательница ассоциации деловых женщин, уже кое-чего достигнувшая в бизнесе, делится опытом со своими менее опытными коллегами:

– Когда я захожу в кабинет к мужчине-начальнику, то всегда улыбаюсь, представляя, что передо мной – доллар... А потом, чтобы не бояться, представляю себе этого начальника без штанов... И мне сразу становится легче, я чувствую себя увереннее.

Акт высочайшего доверия

Н.Н. очень дорожит благосклонным отношением к нему нового шефа. С гордостью рассказывает мне:

– В район вместе ездили... Весь день были вместе – ни на шаг меня не отпускал... Обедали вместе...

И после паузы – с особой гордостью:

– Отливать вместе ходили!

Из афоризмов брата Петра

– То, что отцы не доделали, это мы и есть!

Берись – доводи до конца

Обсуждали с большим начальником деликатную проблему. Я предложил половинчатое решение: мол, часть сделаем, а потом – как-нибудь, как получится...

– Ну ты это брось, – обиделся он, – знаешь, что говорил в таких случаях мой предок-кержак? Он говорил: «Самим-то недоима́шь – яйцами не дошлёпашь!»

Желание

Зимой в нашем университетском студенческом общежитии бывало очень холодно. Особенно страдал из-за этого Серега Ли – самый худой из нас.

– Щас бы бабу, – мечтательно говорил Серёга, – большую-большую и теплую-теплую...

Мы заинтересованно поворачивали к нему головы. И он заканчивал:

– Прижался бы к ней – и спал, спал, спал...

Самооценка

Один мой знакомый говорил о себе так:

– Я шустрый – как сперматозоид.

Хорошая должность

Пришёл к знакомым в гости. Садимся за стол. Хозяин распределяет обязанности:

– Я буду наливать, – тут же говорит один из гостей, – у меня должность такая – диспетчер по наливу.

Я подумал – шутка. Оказалось, нет: работает он на нефтеперерабатывающем заводе, и должность его именно так и называется...

Словотворчество

В Павлодар, на открытие нового кафедрального собора приезжал Архиепископ Астанайский и Алма-Атинский Алексей – высшее должностное лицо православной церкви в Казахстане.

В своей речи по случаю знаменательного события он назвал акима области – путевождь.

Оказывается, и специфическому языку священнослужителей свойственно словотворчество.

* * *

У знакомого руководителя крестьянского хозяйства дела идут в гору: прибавилось скота, техники, увеличились посевные площади, иномарку себе завёл...

– Мне бы еще ошцебениться, – говорит, встретившись со мной.

– То есть? – спрашиваю я.

– Ну, дорогу от трассы до села щебнем засыпать...

На все случаи жизни

Побывал в офисе у одной знакомой, которая занялась бизнесом. В ее кабинете – прямо напротив рабочего стола – лозунг: «Так будет не всегда!»

Знакомая говорит, что он помогает ей жить: когда дела плохи – утешает, а когда хороши – предостерегает от эйфории.

Где наше время?

Брат Петька однажды сказал:

– Мы выросли в тени отцов и как-то очень быстро оказались в тени детей... А нашего собственного времени вроде и не было...

Первое впечатление

Второй или третий день находимся в Америке. Что-то уже увидели, обмениваемся первыми впечатлениями.

Миша из Чимкента – как бы недовольно:

– Машины у них не дымят, в туалетах не воняет – чего им не жить...

Леня из Семипалатинска – восторженно:

– Никогда не видел столько негров сразу. Не думал, что они такие здоровые и упитанные. Ни за что теперь не поверю, что их тут угнетают!

Пожелание

Подруга матери тетя Шура Горлова делилась своими воспоминаниями – из военного детства:

– Идем, бывало, работать в поле, зовем ссыльных из Западной Украины – помогите. Отвечают: «Хай вам Господь помогае, а нас мѣлуе».

Раньше и теперь

Женщина средних лет жалуется подруге на мужа:

– Раньше, когда выдел меня с утра непричёсанной, говорил: «У тебя голова – как хризантема». А теперь – причёску сделаю, а он: «У тебя на голове – черте что, копна сена какая-то».

Оля

Она появилась у нас в четвёртом классе, сидела за партой передо мной, и я всегда мог сколько угодно любоваться этим чудом...

Она была так хороша, просто прелесть, что казалась пришлицей из неведомого мира. Нежное, чуть бледное личико с большими голубыми глазами, светлые волосы, разделённые на пробор и заплетённые в крохотные косички с двумя пышными белыми бантами. Белый же, всегда отутюженный фартучек поверх коричневой школьной формы... Изящные лакированные башмачки...

И портфель для тетрадок и книжек у неё был такой, какого не было ни у кого: красивый, изящный, с привязанной к его ручке чернильницей-непроливайкой в специальном матерчатом чехольчике.

Она была не просто, а божественно красива, в её облике было что-то неземное, ангельское.

Любил ли я её? Какая любовь может быть в четвёртом классе! Но, может, именно тогда я впервые, сам того не понимая, ощутил: какое это чудо – женщина, даже если она – маленькая девочка. И этот дивный образ до сих пор живёт во мне. Наверное, потому ещё, что она проучилась с нами недолго, уехав с родителями в другое место.

Выбор

– Родня не хотела, чтобы я шла за него. Мать, тётки, старшие сёстры говорили: «Дура ты, Дашка, дура!». А я отвечала: «Ну и пусть! И никогда потом не пожалела...».

Не совпали...

Она прибежала в нашу комнату в студенческом общежитии, брала его несвежую рубашку, зарывалась в неё лицом и исступлённо шептала: «Я так люблю его! Если бы он только знал – как я его люблю!».

Он это знал и старательно её избегал...

Кино и записка

Близкий человек рассказывал:

– Я влюбился в неё в седьмом классе. И самыми счастливыми, благостными минутами в моей жизни были полтора-два часа сеансы кино в нашем совхозном клубе. Я бы, конечно, никогда не позволил себе сесть с ней рядом... Я занимал место позади неё в следующем ряду и всё время, пока шло кино, смотрел не на экран, а на её «под мальчика» стриженную голову, тонкую шею с пушком золотистых волос. Хорошо, что в зале был полумрак, и никто не видел, как я люблю её.

Однажды я осмелился и написал ей письмо с предложением дружить – писал втайне от всех, на чердаке нашего дома. Я написал его красными чернилами, долго-долго думал, как же мне его передать, и, наконец, на перемене, последним выходя из класса, сунул записку в один из её учебников, оставленный на парте.

Она мне не ответила...

Школу, так вышло, я заканчивал уже в городе, и увиделись мы через десять лет, на вечере встречи выпускников. Передо мной была зрелая, красивая, уверенная в себе женщина... Но ничто в ней не напоминало ту девочку, по которой я страдал... И я не стал ей ничего говорить ни о тогдашних своих чувствах, ни о записке с призывом дружить...

Парадокс

Странная вещь: в старых советских фильмах нет не только постельных сцен, но и вообще ничего «такого», кроме, может быть, поцелуев, и то лишь обозначенных... А чувства есть... В нынешних же всё «про это» показывают – во всех видах и позах, а чаще всего не трогает – скорее, неудобно становится, особенно если смотришь не один...

Читательница

Иду домой, впереди молодая женщина с книгой в руках, незнакомая. В подъезд входим вместе, я вызываю лифт и, пока он идёт сверху, говорю:

– Теперь не часто встретишь человека с книгой...
Интересно – какая у вас?

– Не скажу, – как-то уж очень решительно отвечает она.

– Ну, тогда извините, – примирительно говорю я.

Заходим в лифт...

– Ладно, скажу, – вдруг говорит она, отчего-то смущаясь... – Это «Камасутра» – я столько всего о ней слышала и вот решила почитать...

– Вас ждёт увлекательное чтение, – соглашаюсь я, хотя сам «Камасутру» не читал, но, правда, тоже много слышал о ней...

Прозрение

Одноклассница рассказывала:

– В восьмом и девятом классах я была буквально без ума от Васьки М. Он казался мне таким значительным, мужественным... Я с ума сходила, а он меня не жаловал...

И вот мы школу закончили, я поехала поступать в институт, сдала экзамены, ещё не зная, буду ли зачислена... И вдруг он приезжает ко мне, мы всю ночь вдвоём бродим по городу, говорим... И у меня будто пелена с глаз падает: «Какая же я дура! Как могла влюбиться в этого недалёкого, неотёсанного, самовлюблённого индюка...».

Он стал мне не только безразличен – я его презирала. И он навсегда ушёл из моей жизни. А я стала иначе к себе самой относиться – как будто, наконец, цену себе узнала...

Склероз

Немолодая одинокая женщина вечером, готовясь ко сну, уже в ночной рубашке, накручивает перед зеркалом бигуди на ночь... Выходит босиком в коридор и забывает – зачем... Какое-то время стоит в раздумье, потом опять подходит к зеркалу, красит губы и ложится спать...

А в коридор она выходила, чтобы закрыть на цепочку входную дверь...

В очереди...

С.П. Шевченко рассказывал мне, как влюбился в девочку, стоя в бесконечной очереди за хлебом (случилось это в военные годы). Заговорить, познакомиться с ней было просто невыносимо... Счастьем было стоять рядом с ней в этой очереди, в которой, казалось ему тогда, он был готов простоять всю жизнь...

Страшная месть

– Когда она отвергла меня на втором курсе, я невероятно страдал... И мечтал... Пройдут годы, и я стану не просто известным, а знаменитым... И приеду в их посёлок на огромной чёрной лакированной машине. Мы встретимся, конечно, и будем идти по улице... Я скажу ей, что у меня мало времени, и машина, на которой я приеду, будет медленно и почти бесшумно ехать за нами. И тогда она, наконец, поймёт – кого потеряла...

Наивность и глупость несусветная – скажите вы. Почему она будет жить именно там? С чего я решил, что буду успешным и знаменитым, а она – наоборот. При чём здесь машина – у кого их и каких только сегодня нет?

Пусть так, пусть глупость и наивность... Но тогда я именно так представлял себе эту страшную месть...

Тайное признание

Летний вечер у неяркого костра. Они двое – чуть-чуть поодаль от всех: она сидела, а он полулежал, опершись на ствол сваленного недавней бурей тополя.

Девчонки пели:

– Ты у меня одна – словно в ночи луна,
Словно в степи сосна, словно в году весна.

Нету другой такой ни за какой рекой,
Ни за туманами, дальними странами...

И вдруг он почувствовал на своей голове её маленькую, лёгкую, совсем ещё девчоночью руку, которая стала медленно перебирать пальцами его волосы... Он сразу даже не понял, что это – она...

– В инее провода, в сумерках города,

Вот и взопла звезда, чтобы светить всегда... –
пели девчонки...

А она всё не убирала руку, и ему стало трудно дышать от нахлынувшего и прежде ни разу ещё не испытанного чувства. И ему так хотелось взять её руку, прижать к губам...

Но девчонки уже почти допели песню...

Рецепт счастья

Друг, у которого были затянувшиеся семейные нелады, однажды с отчаянием сказал:

– Знаешь, сколько супружеских пар стало бы счастливыми, если бы муж и жена боролись не друг с другом, а друг за друга!

Жили-нежили

Она первой призналась ему в своих чувствах и дождалась из армии, хотя вокруг неё – красивой,

обаятельной, умной – всегда столько парней вилось... Вышла за него замуж, закончила институт, родила двоих дочерей, состоялась в профессии, даже небольшой собственный бизнес создала... Она всегда тянулась вверх...

Он же привык довольствоваться малым: делал ту работу, которая ему подворачивалась, любил посидеть с приятелями, друзей так и не завёл... По пятницам – пиво, по выходным – рыбалка... Он плыл в жизни по течению, и это его вполне устраивало...

В начале их супружества она пыталась тянуть его за собой, вперёд – готовила к поступлению в институт, искала для него работу поинтересней... Со временем поняла – ничего этого ему не надо и его уже не изменишь...

Их супружеские отношения начали охладевать, но его и это не трогало: тебе не надо и мне не надо...

К концу жизни она его почти возненавидела, но жить они продолжали вместе – уже из-за детей и внуков... Хотя давно были по сути чужими людьми...

Что есть телевидение?

Есть много определений современного телевидения. Мне больше других понравилось такое: это фабрика по производству товара принудительного потребления.

Проколотся

Директор совхоза «Жосалинский» Баянаульского района Капен Тулеубеков отправил на мясокомбинат очередную партию скота и с ней сопрово-

ждающего, чтобы ускорить приемку живности на месте.

День проходит, другой – из Экибастуза никаких известий. Тулеубеков находит своего представителя по телефону, начинает отчитывать. Тот клянется-божится, что делает все возможное...

– Да вы, наверное, пьете там? – Возмущается директор.

– Что вы, Капен Тулеубекович...

– А ну дыхни, – неожиданно командует Тулеубеков.

– Да мы и выпили всего по сто грамм, – доносится из телефонной трубки.

Урожайность по Шишкину

Николай Александрович Миллер – потомственный хлебороб, руководитель одного из самых крупных хозяйств в области. Мы уже не один год дружим, и как-то я пришёл его навестить в городской профилакторий, где он лечился и отдыхал. Обратил внимание на картину над его кроватью: могучие сосны, а на переднем плане дорога, по обеим сторонам которой – поспевающие хлеба...

– Что, нравится? – спросил Миллер. – Мне тоже.

И вдруг добавил:

– Здесь урожайность центнеров по 20, а может, 25 с гектара.

Не пора ли цензуру вводить?

Местное радио изо дня в день «крутит» молодёжную «попсу». Вот куплет из песни, исполняемой группой «Отпетые мошенники»:

«Девушки бывают разные –

Черные, белые, красные,
Но всем одинаково хочется
За что-нибудь заморочиться...»
И весь этот бред троекратно повторяется.
Где вы, бывшие ред- и худсоветы? Где цензура?

Поэт – как путевой обходчик

Ехали на поезде с поэтом О. Григорьевой. И она, глядя на обходчика, бойко простукивающего какие-то узлы стоящего напротив состава, сказала:

– Поэт – как путевой обходчик: все проверяет – на вид, на звук, на цвет... И так же тонко чувствует болезни своего времени – все эти трещины в морали общества, раковины в совести, и говорит об этом. Но его чаще всего не слушают, не слышат... И поезд жизни идет под откос...

Экономия языковых средств

У сына Димки есть однокурсницы – Маша Дружинина и Ира Улькина. Однажды они втроем ездили на научную студенческую конференцию, и Димка, как он выражается, в целях экономии языковых средств, изобрёл из двух имен и фамилий одно целое – Мира Друлькина.

Они (кстати, еще и подруги) оценили шутку и не обижаются.

Признания в любви

У моих друзей – Анатолия и Надежды Пупцелевых – есть внучки-близняшки, миниатюрные и шустрые, как обезьянки. И, как две капли воды, похожие друг на друга.

Вот одна забралась к деду на колени и буквально льнет к нему. Он с умилением:

– Ах, ты моя маленькая соплюшка!

Внучка ему тут же в ответ:

– А ты – моя большая сопля!

Оценил!

Желая произвести впечатление на своего нового возлюбленного, она пришла на встречу с ним в каких-то немыслимых красно-черно-белых одеждах. И он тут же оценил это:

– Ну, ты сегодня красивая – как гроб!

Учитель счастья

Я знаю его больше двадцати лет. Неудачник, баболол, путаник... Сменил десятки мест работы, нигде долго не задерживаясь.

И вдруг узнаю: ведет курс в частной школе. Курс называется «Стратегия жизни. Как выстраивать судьбу, чтобы она состоялась».

Учит других тому, чему за свои полвека не мог научиться сам.

Реакция

Друг – о своей бывшей жене:

– Ты веришь – нет, я ее как увижу, у меня сразу изжога начинается.

Народная мудрость

– Не откладывай работу на завтра, – воспитывала внука бабка.

– А девок – на старость, – вторил ей дед.

Гимнописец

Когда в России был объявлен конкурс на лучший текст нового государственного гимна, свой собственный вариант сочинил и один павлодарец. Самолично отвёз его в Москву, отдал в администрацию президента России. И тут же поведал о своем поступке местным газетам.

Гимном России, как известно, стал «новый старый» текст, в очередной (третий) раз подправленный С. Михалковым.

А павлодарец получил кличку гимнописец.

Наивность

Однажды у меня на даче украли велосипед. И потом я ещё долго вглядывался в каждого, кто ехал мимо на велосипеде – не на моем ли?

Сравнение

Встретил знакомого водителя. Машина у него той же марки, только вроде поновее.

– У тебя, – спрашиваю, – старый УАЗ или поменял?

– А то ты не видишь – совсем другая машина, – слегка обижается он.

– Да какая разница: тот был УАЗ, этот – УАЗ...

– Ты что? – искренне изумляется он. – Этот совсем другой, я на него пересел – как на другую бабу залез!

Загадки с двойным дном

Иногда детские загадки бывают очень двусмысленными. Ну, например:

Без рук без ног – на бабу скок (коромысло).

У какого молодца вечно капает с конца (самовар).

Помнёшь-помнёшь немножко, и станет твёрдый, как картошка (снежок).

Туда-сюда-обратно – обоим им приятно (качели).

Нетрудно представить себе, какие ответы на эти загадки может дать иной взрослый...

Попы

Отец называл белые грибы попами. Теперь мне понятно, почему – за особую статью, осанистость, нарядную опрятность.

Зуборён

Сестра говорит: «У меня корова – зуборён». Это значит, что, принеся второго по счету теленка, ее Зорька теряет зубы и снижает удои.

Псевдонимы

Актриса Грация Немытова.

Критик-славянофил Добромысл Хренов.

Эссеистка Матрёна Ивановна Ренессанс.

Принципиальность

Пошли с другом в баню. От души напарились, ополоснулись. Теперь бы попить... Банщик тут

же предлагает пиво в жестяных банках. Услышав цену, друг, после короткого замешательства, решительно:

– Ну нет, лучше я умру от жажды!

Новое слово

Пойменные травы позднего укуса знакомый председатель колхоза называл спагетти. И пояснял: это напоминает гибрид шпаги со спагетти, а использовать нельзя ни по одному из назначений.

Оценка

Вовка Левенец отсидел в колонии два года за злостное хулиганство. Вернулся в наш целинный совхоз, пару раз пытался показать на танцах – кто есть кто... Зная его как облупленного, парни-ровесники сделали ему соответствующее внушение. Вовка обиделся:

– Да что с вами говорить! Темнота... Ни одного заграничного слова!

Предложение

Любитель выпить Миша Брыковский – жене:

– А ты дай мне три рубля – посмотрю, какой я красивый приду!

Грустная констатация

Первый секретарь обкома, сменивший после самороспуска партии свое прежнее кресло на должность председателя облсовета, с явной досадой подытоживал:

– Раньше я был главнокомандующий, а теперь...
главноуговаривающий...

Характеристика

Давно знающие его люди говорили об этом чиновнике так:

– Есть люди – инвалиды с рождения. А он с рождения – заворг.

Из выражений тётки Кати

Моя тётка – сестра матери, Катерина, всю жизнь живет в маленькой сибирской деревне Чубаровке. У местных старожилов особый говор – я слушаю их речь как музыку. А тетка говорит еще и образно. Вот например:

– У меня уже душа с телом растается!

Это означает верх волнений и переживаний.

Или еще:

– Наела зад выше сарая!

Это о ленивой, чрезмерно раздобревшей соседке.

Начитанность

Чтобы выглядеть более значительно, продемонстрировать свою образованность, он говорил:

– Дэталь, протэт, пэрспэктива, срдэства...

* * *

Людей, пьющих часто и без меры, моя бабушка Мария Петровна (сама, кстати, никогда не бывшая убежденной трезвенницей) презрительно именовала одним словом:

– Алкогол!

Разозлил

Соседка уговаривает внука:

– Лешечка, деточка, нельзя же так, нехорошо, внучек...

И тут же, без всякого перехода:

– Курва ты косопузая, что ж ты изделал, блядь ты худая...

Детские считалки

Вышел месяц из тумана,

Вынул ножик из кармана:

«Буду резать, буду бить, –

Ты останешься водить!»

Изуверский смысл считалки всегда оставался за пределами нашего детского сознания. Да и какой тут вообще может быть смысл?

* * *

Была у нас и такая считалка:

– Шел поп через мост, поймал курицу за хвост. Эта курица была Тимофеева жена.

Считающий вытягивает руку ладонью вниз, все остальные подставляют к ней указательные пальцы.

После слова «жена» палец зазевавшегося остается в кулаке – ему и водить.

Детская клятва

Честно, мама, честно, папа, честно всех вождей.

Легкое счастье

Детское ощущение счастья многогранно и многолико. Хорошо оттого, что мать с утра затеяла

блины; оттого, что утро светлое и солнечное, а в открытое окно задувает ветер; оттого, что вечером в совхозном клубе обещали новое кино...

Где оно, все это, куда подевалось мое легкое счастье? Теперь даже крупная удача не трогает, скорее, тревожит, про себя думаешь: ну вот, повезло – теперь жди неприятностей.

Загадка истории

В наше время оказалось возможным соединение, казалось бы, совершенно несоединимого. В результате рождаются абсурдно-комические смысловые монстры.

Вот один из примеров.

Бывший совхоз после очередной реорганизации именуется теперь так – «Товарищество с ограниченной ответственностью имени XIX партийного съезда».

Потомки, наверное, сломают голову в попытках понять – что бы это могло значить?!

(1999 г.)

Политическая примета

Если в нашей областной типографии внезапно выходит из строя печатная машина – значит, скоро выборы или другая важная политическая кампания. Поломка – самый удачный способ вывести на горячее время из игры «нежелательные» газеты, на которые не распространяется прямое воздействие властей. А типография в области одна.

(1995 г.)

После бани

Идем с братом из бани. Напарились, вымылись, выпили по бутылке пива. Голова ясная, тело сухое, легкое...

И еще одно, может быть, самое удивительное ощущение – как последний штрих: кожа отдельно, а майка отдельно – будто не соприкасаются.

Хорошо!

Не забывайся!

Такое случалось со мной частенько... Вот удалось сделать что-то важное, значительное... Идешь по улице в приподнятом настроении, голова полна новых радужных надежд, каких-то планов... Идешь быстро, энергично, уверен в себе. И вдруг запнулся и со всего размаху – на землю. Портфель улетел в сторону, содержимое рассыпалось, ушиб колено и локоть, измазался...

С трудом поднимаешься, приводишь себя в порядок, собираешь вещи и уже потихоньку бредешь домой... Это судьба, как будто играя, предупреждает: «Не забывайся! А то ишь ты – воспарил!»

Верное средство

Знакомая дачница, вернувшаяся из Крыма, поделилась весьма экзотическим способом повышения всхожести семян огурцов, позаимствованным у тамошних огородниц. Перед тем, как высаживать семена в почву, женщины заворачивают их в тонкий слой бумаги и помещают на сутки-двое меж собственных грудей. А груди у тех женщин – ого-го! И вот, напитавшись неведомыми жизненными соками, семена прорастают – как из пушки!

Чем помочь Петруше

Наша родственница – «сетевичка» – распространяет лечебные препараты. Среди её клиентов и пожилая супружеская пара: ему чуть-чуть за восемьдесят, ей – около того. Они следят за собой, ведут здоровый образ жизни, иногда советуются с ней.

И вот один такой звонок:

– Леночка, нам нужна помощи!

– Что такое, Клавдия Семёновна?

– Да всё, в общем, в порядке, но не найдётся ли у тебя, Леночка, что-нибудь для моего Петруши?

– А что с ним?

– Да что-то слабнуть стал по мужской части...

Новояз

Наши дни... Вот-вот начнётся региональная конференция правящей партии... У входа в зал мечется взмыленный партийный функционер, пытающийся руководителей делегаций «с мест» единственным вопросом:

– У вас все омандачены?!

Что в переводе с тарабарского на русский означает: все ли партийцы получили мандаты для голосования?

Каким должен быть начальник

Один мой старый знакомый, большую часть жизни проработавший в колхозе бригадиром, точно знал, что он должен быть:

– Товстый, лысый, пузатый и чтоб в очках!

Не вовремя задумались...

Студенческие годы... Библиотека. Стоим в очереди за книгами... Девушка передо мной замешкалась, библиотекарьша ей сердито:

– Проснитесь, девушка, 25-й съезд партии идёт!

Не обслужила...

Мой знакомый Н.Ф. – человек чрезвычайно строгих правил. Жена его рассказывала:

– Сварила украинский борщ – Н.Ф. его очень любит. Налила ему в любимую тарелку, нарезала хлеб, поставила соль, перец, ложку и вилку положила... И тут как на грех зазвонил телефон... Ну и заговорила с подругой... Прихожу минут через 15, на столе всё как было, и борщ стоит нетронутый... «Что случилось, Н.Ф.?» – я его дома по имени-отчеству зову.

– А сметана где? – спрашивает.

Она в холодильнике была, я её на стол забыла поставить.

Закон гостеприимства

Директор управления каналом «Иртыш-Караганда» Алексей Иванович Баталов рассказывал о своей поездке, ещё в советские времена, в Грузию. Там друзья его друзей решили показать ему город Гори, родину Сталина, где сохранился величественный памятник вождю.

Приехали поздно, было уже темно, у памятника – ни души... Гостеприимные грузины тут же выставили – прямо на капот машины – выпивку и закуску. Только разлили по первой – появился

милиционер: что, мол, граждане, общественный порядок нарушаем?

Хозяева стали ему объяснять: «Это наш гость из Казахстана, сказал, что не простит себе, если не увидит Гори и этот памятник... Как мы ему могли отказать? Ну, а всё остальное – сами понимаете...».

Милиционер задумался – лишь на мгновение – и сказал:

– Ладно... Тогда мне тоже налейте.

Секрет успеха

Владимир Александрович Иноземцев – известный агроном-садовод – буквально одержим своим делом. Говорит мне:

– Вы, может, не поверите, но у деревьев душа есть. И они, и кустарники всё слышат, понимают, чувствуют. У меня, было дело, долго слива не плодоносила, и я тогда ей пригрозил: «Доиграешься – вырублю!». И что вы думаете – подействовало – на следующий год зацвела!

Посмотрел телевизор...

Середина шестидесятых годов. В Павлодаре началось телевизионное вещание, а с ним появились в домах и первые телевизоры. Внук спрашивает:

– Бабушка! А можно я телевизор посмотрю?

– Можно... Только не включай.

Тест на профпригодность

Мой однокурсник Лёха Закутаев хотел во время учёбы подработать по оформительской части в автобусном парке. Замдиректора – завхоз долго

и недоверчиво рассматривал его рисунки, потом спросил:

– А вождей писать можешь?

Лёха тут же набросал профиль Ленина и был взят «подснежником» – слесарем низшего разряда на полставки.

Секрет долголетия

Ему уже за восемьдесят, но он, как говорится, ещё вполне... Объясняет:

– А я всю жизнь болею...

– То есть?

– С детства болею и борюсь со своими болячками... Так и живу...

Забота

Самое близкое и дорогое для неё существо в мире – кот. И вот ещё одно проявление этой безграничной любви – она делится с подругами своими тревогами:

– Если со мной что случится, как он один будет? Он же не сможет сам, он такой неприспособленный...

История рождения

Один из старых журналистов рассказывал мне свою родословную:

– Мой прадед по отцу воевал в русском экспедиционном корпусе во Франции. Влюбился во француженку и хотел остаться во Франции навсегда. Случайно попал в театр, где выступала русская труппа, услышал песню «Вечерний звон»... Рас-

плакался, вернулся домой, в Россию... И через какие-то сто лет родился я...

Чем не сюжет для романа, фильма?

Награды

Был на юбилее у Г.А. Бабина. Он, показывая на внуков:

– А это два моих ордена!

Любитель буквы «К»

Он был к ней явно равнодушен, говорил, например, так:

– С какой кстати... Климактические условия.

Новый облик

Одно время я в целях похудения перешёл на раздельное питание. И был весьма горд тем обстоятельством, что все друзья и знакомые с одобрением отмечали произошедшие в моём облике перемены. И только младший брат сказал:

– У тебя, брат, теперь голова на шее как-то ненадёжно держится...

Антисемит

Ему сказали, что Петров-то, оказывается, еврей.

– Ну вот – уже и фамилии наши порасхватали, – следует ответ.

Сразу не поняли...

В Павлодаре праздновали десятилетие первого частного роддома. Его владелица провозглашает тост:

– Так выпьем же за те замечательные ворота, через которые все мы входим в этот мир!

Среди гостей лёгкое замешательство – это на что она намекает?

– За ворота роддома! – энергично завершает тост владелица, и гости с облегчением опорожняют бокалы.

Где искать счастье

Несколько лет веду занятия у студентов – будущих журналистов. Удивляюсь тому, что они совсем не похожи на студентов моего поколения. И ещё – никогда не знаешь, чего от них ждать.

Однажды у нас возник разговор о том, что такое счастье. Спорили-спорили, но так ни до чего и не договорились. И тогда я предложил:

– Напишите об этом всё, что вы думаете. Это будет практическое задание к зачёту.

Они написали, некоторые очень интересно. А в тупик меня поставила студентка, сочинившая примерно следующее: «В Павлодаре есть магазин «Счастье». Я на днях зашла туда и купила книгу Ю. Поминова «Живу». Так я обрела своё счастье».

Шутила? Иронизировала? Издевалась? Не знаю... Но зачёт я ей поставил.

Как умирают мечты

– В 20 лет я мечтала покорить Эверест. В 35 поняла, что сделать это мне не удастся, но я смогу хотя бы увидеть его: прилечу в Непал, поднимусь в промежуточный лагерь, откуда видна вершина. В 45 лет мой лечащий врач сказал: «Летать на самолётах, голубушка, вам теперь нельзя». А на поезде туда не доедешь... Вот и смотрю на Эверест по телевизору, недавно к кабельному подключились...

Подарок (Быль)

Они недавно поженились, жили очень бедно. Приближался день её рождения, а у него не было денег даже на скромный подарок. И тогда он выучил и прочитал ей наизусть «Незнакомку» Блока, которого она обожала. Она была счастлива.

Правда жизни

Спрашиваю у знакомого, как чувствует себя его мать, которая недавно перенесла тяжёлый инсульт.

– Ждём, – отвечает он, занятый своими мыслями.

Эрудит

Новый русский, просматривая программу телевидения:

– Что там у нас сегодня? «Гранатовый браслет» – боевик, наверное... А вот ещё – «Убить пересмешника». Опять у них ошибка – ясно же, что «пересменщика».

В компании – с художником И.В. Лагутиным... Ему было уже под девяносто, он – ученик знаменитого художника Батурина, который знал Льва Толстого... Все готовятся выпить по первой... Иван Васильевич в раздумье – пить ему нельзя. Выдержав паузу, говорит:

– Ну разве что...

– Чуть-чуть? – добавляю я.

– Нет, это будет уже лишнее... Именно – разве что...

Рюмочку всё же выпил.

Время выбора

Молодая наша сотрудница, за которой ухаживали сразу двое или трое парней, никак не могла определиться – на ком остановить выбор. Наблюдая за её метаниями – и тот вроде хорош, и другой, и третий, – повидавшая жизнь журналистка замечает:

– Ты сильно-то хвостом не верти – за всех всё равно не выйдешь...

Миг бытия

Всего раз в жизни я видел, как сходятся-расходятся на встречных курсах самолёты. Наш аэробус летел выше, а где-то под нами, сбоку, неслышно нёсся встречный самолёт. Его было отлично видно... Но сошлись и разошлись два борта так быстро, что мгновение спустя уже не верилось: было это или не было? О встрече напоминал лишь на глазах тающий след, оставленный встречным самолётом...

Подумал тогда: не то ли самое и жизнь большинства из нас – мгновение в бесконечном потоке бытия? А след оставляют совсем немногие...

Тоска по родине

Знакомый журналист уехал из Павлодара в Россию, куда-то под Нижний Новгород.

Года два спустя приехал погостить, зашёл ко мне.

Рассказывает: «Всё у меня хорошо: и с жильём, и с работой... В местное литературное объединение приняли...».

– Но какой-то ты не очень весёлый, – говорю ему.

И он, как будто даже с отчаянием, вдруг отвечает:

– Ты понимаешь... Там неба нет!

Блётка от Егорова

Мой друг Толя Егоров рассказывал:

– Приехал я в гости к родным. Сидим с братом Сашкой, смотрим по телевизору новости. Опять – сплошные катаклизмы: вулкан «проснулся» в Юго-Восточной Азии, израильтяне воюют с палестинцами, горят торфяники в Подмосковье – Москва в дыму.

Тут входит мать:

– Саша, сынок, с этой крысой пора что-то решать – опять из кладовки кусок сала утащила.

Блѣстка от Никифорова

Сибирский журналист Пётр Фёдорович Никифоров рассказывал:

– Был в дальней командировке – в тайге. Решил навестить старого охотника – таёжника, давнего своего знакомца. Слышал, что похоронил он пару лет назад вторую жену.

Встретились, поздоровались:

– Ну, как поживаешь, Евграфыч? – спрашиваю.

– Да, слава Богу, ничего, – отвечает, – вот, третью старушку доярживаю.

Самому Евграфычу за восемьдесят, а «старушке» его чуть-чуть за пятьдесят.

Тенденция

О понравившейся ему женщине он говорил так:

– Да, это моя тенденция.

А о не понравившейся:

– Нет, это не моя тенденция...

Результат

Было это в нашем совхозе. Парторг вызвал механизатора, решившего уйти от жены к соседке, долго его воспитывал, убеждал – как хороша его жена, поэтому он просто обязан к ней вернуться...

И услышал в конце воспитательной беседы:

– Ну, коли вина така хороша, берить её соби и живить с нею...

Оценка

Приятель купил новую машину – иномарку. Хвалится:

– Мотор – чудо, не гудит, а шепчет. И бензин не ест, а только нюхает!

Мудрость жизни

Один мой знакомый говорил об умении жить так:

– Кто понял жизнь – тот не торопится.

Бродский и Цветаева – на разлив

Павлодарская поэтесса Ольга Григорьева вела вечер в Доме Шафера, посвященный Иосифу Бродскому и Марине Цветаевой. Поэзию Бродского она сравнила с брагой – так в ней всего много, всё в ней бродит, будто в хмельном русском напитке. А поэзию Цветаевой Ольга сравнила с чистым спиртом, имея в виду концентрацию мысли поэта, за образами которой бывает трудно угнаться...

Говорю Ольге:

– Теперь, когда захочу послушать Бродского в твоём исполнении, буду говорить: «Угости-ка меня бражкой!». А если захочу чего-нибудь цветаевского, попрошу: «Плесни-ка ты мне спирта!».

Кто кого выгуливает

У него, единственного среди чиновников областного масштаба, была спитая на заказ в спецателье пыжиковая шапка, чем он очень гордился. И когда он выходил вечером прогуляться по морозцу, жена говорила: «Пошёл выгуливать свою пыжиковую шапку...».

Педант

Бывший председатель Павлодарского облисполкома Ж.Г. Исаков каждый год звонит мне из Петропавловска и поздравляет с днём рождения – на день раньше.

Я ему не раз говорил, что день рождения у меня завтра.

– Ничего не знаю – отвечает всегда Жаксылык Габдуллинович, – у меня записано двадцать первого – двадцать первого и буду поздравлять.

Поняла с полуслова

В гостях у приятеля: сидим, выпиваем и закусываем. Закончили бутылку, и хозяин с расстановкой говорит жене: «Ну, где там, у нас?».

Больше не было сказано ни слова, а новая бутылка с горячительным уже стояла на столе...

Возвращение на землю

Знакомый журналист рассказывал:

– Мне сделали сложную операцию под общим наркозом. Просыпаюсь после неё и не понимаю – где я? Тепло, светло, тихо... Думаю, грешным делом, может быть, я уже в раю? И вдруг слышу женский голос: «Вы уже проснулись? Можно вас спросить?». С трудом поворачиваю голову – на соседней койке и впрямь женщина, симпатичная. Я ещё плохо соображал и даже не успел удивиться – почему мы в одной палате?

И вдруг она спрашивает: «Скажите, а вы уже пукали?».

– При чём здесь это? – растерялся я.

«Ну, как же, – говорит она, – это очень важно для нашего с вами положения, после такой операции. Мне врач прямо так и сказал!».

И я сразу понял, что мы с ней по-прежнему на грешной земле.

Прощание...

Из стихотворения «Прощание с советским паспортом», присланного в редакцию:

Прощай, пурпурный мой, прощай!
Как всё случилось, не пойму –
Заголубел душой и телом,
А был как ты – пурпурным, смелым
И всё хотелось самому.

Оценила!

Соседке бабе Поле под восемьдесят лет. Бывая на похоронах, она всегда обращает внимание на то, как покойник, а особенно покойница, выглядит, как они одеты.

С очередных похорон дальней родственницы- ровесницы баба Поля возвращается слегка возбуждённой:

– Какое платье Петровна себе на смерть приготовила! Лежала в гробу – как куколка, посмотреть приятно. У меня всё давно приготовлено, но я себе такое же хочу!

Воспитание нравов

Отец воспитывает троих взрослых сыновей:

– Сколько женщин было у моего отца, вашего деда, не знаю, сколько у меня – не скажу, сколько

есть или будет у вас – знать не хочу. Но запомните раз и навсегда: семья – превыше всего.

Просто запомнилось

Меня попросили прочитать рассказ начинающего прозаика. В рассказе была такая фраза: «Она бежала ему навстречу, размахивая грудями...».

* * *

У знакомых сын завёл девицу, и отношения у них уже не только платонические.

Бабушка интересуется:

– Ты насовсем её завёл или как?

* * *

Журналист-ветеран на редакционных пирушках поучал молодёжь:

– Запомните: алкоголь в малых дозах полезен в любых количествах!

* * *

Был на серебряной свадьбе у школьных друзей. Вспоминая о начале их семейной жизни, друг сказал:

– Бывало, лежим молодые вдвоём и поём как две канарейки – так нам было хорошо!

Комплекс

Знакомый, у которого отец был немец, депортированный в начале Великой Отечественной войны из Поволжья, а мать казахстанская украинка, однажды признался мне, что в детстве не мог ходить на фильмы про войну: ему, ощущавшему себя немцем, казалось, что все будут смотреть на него и думать: «А тебе, фашист, что здесь надо?».

С возрастом это чувство притупилось, но до конца так и не ушло.

Симфония жизни

Картина из совхозного детства...

Осеннее утро, уже не слишком раннее, бодрящее до озноба. Недавно взошло солнце, серебрится трава, покрытая росой, которой у нас никогда не бывает летом... Воздух напоён прохладной свежестью. Встают первые редкие дымы над домами. Слышатся мычание коров и блеяние овец, которых собирает на краю села пастух; крики прославших рассвет или просто припозднившихся петухов.

Голубоватый ароматный дым, оставленный во дворе семейным мотоциклом, на котором уезжает на работу отец... Ровный неумолчный гул совхозного мехтока, работающего в эту пору круглые сутки. Он всего через две улицы от нашего дома.

Люди, спешащие на работу – в мастерскую, гараж, стройчасть, на ток, куда и мне пора: я работаю «на силосе», разгребаю в кузовах грузовых машин зелёную массу кукурузы. Её сладковатым, сочным запахом пропах мой рабочий комбинезон не первой свежести.

Начинается новый рабочий день. Очередной день уборочной страды, когда в селе сильнее всего ощущается биение жизни, наполненной высоким смыслом большого общего дела...

Антистимул

Юрий Иванович Дубовицкий одно время был директором крупного совхоза «Ефремовский», где, кроме мощного свинокомплекса, было и немалое стадо крупного рогатого скота, в том числе дойные гурты. И по условиям социалистического соревнования лучшие доярки и руководители среднего звена получали денежные премии. Коллективу-победителю

также полагался переходящий вымпел, а самому отстающему подразделению – коровий хвост.

Юрий Иванович уверял меня, что «антистимул» действовал безотказно, и вскоре от него отказались за ненадобностью – явных и отъявленных «хвостистов» не стало.

Народная мудрость

Услышал от Б.В. Исаева:

– Брюхо – злодей. Старого добра не помнит, каждый день есть просит...

И от себя Б.В. ещё добавлял:

– Три раза в день...

«Наша хлеб-соль»

Так звали дома одну нашу знакомую, поступившую на работу в санэпидемстанцию, где ей, как самому молодому специалисту, доверяли проверку этих двух продуктов, поступающих в продажу. После соответствующих проб и анализов проверяющим доставались и проверяемые продукты. Их она и приносила домой.

Семейные истории

Моя мать и соседка тётя Вера Шарубина – закадычные подруги, живут в домах напротив, через улицу. Узнав, что тётя Вера болеет, мать идёт её навестить:

– Ну как ты тут, подруга?

– Лежу, кума, никак не подохну, – отвечает тётя Вера, не задумываясь о том, как на это отреагирует внучка лет пяти.

Мать приходит через день – картина всё та же. Но ситуацию объясняет уже внучка:

– Баба лежит – никак не подохнет!

* * *

Этой же внучке очень нравятся бабушкины шторы на окнах – яркие, цветастые, нигде она таких не видела. И она спрашивает:

– Баба, а когда ты умрешь, шторы кому достанутся?

К счастью, тётя Вера прожила ещё много лет, успела выдать внучку замуж, но эти истории до сих пор живы в их многочисленном семействе.

Вошёл в историю или списан в архив?

Сообщил брату Петру, что по просьбе архивистов, формирующих, кроме государственных, и личные фонды, передал им часть своих документов, рукописей, книг и газетных публикаций.

– Ну вот, брат, ты и вписан в историю, – констатировал он.

– Или в архив списан, – отвечал я в тон брату, зная, что никакой исторической ценностью сданные мною «экспонаты» не обладают.

От чего зависит ясность ума

Женщина-врач агитирует меня сделать чистку организма по некоей новой методике. И приводит такой аргумент:

– Вы разве не знаете, что степень ясности ума, да и умственная работоспособность тоже напрямую зависят от состояния кишечника?! Это не я, а Кацудзо Ниши сказал!

И далее она красочно живописует, насколько наш мозг связан с этой другой частью тела и как важно для первого содержание второго в полном порядке.

Она же предпочитает уменьшительно-ласкательные слова, которые кажутся ей более приятными для потенциальных клиентов, и, описывая внешний вид не в меру располневшей женщины, говорит:

– Ну прямо как жабка!

Слово жаба для неё слишком грубое, а жабка – в самый раз.

Язык мой...

Каких только перлов не услышишь от народных избранников и чиновников благодаря вездесущему телевидению, а теперь и всепроникающему Интернету. Многочисленные высказывания В.С. Черномырдина уже давно разошлись на афоризмы. Но есть и малоизвестные, вот, например: «Лучше водки хуже нет!».

А парламентарии? Это же одному из них принадлежит бессмертная фраза: «Парламент – не место для дискуссий»!

А вот спикер урезонивает коллег: «Господа депутаты, не толчитесь вы в заднем проходе, сядьте по местам...».

Настоящее свинство

Друг говорит мне:

– Я теперь почти всё время свинством занимаюсь...

Это он на подворье свиней на продажу выращивает.

Объявления

Объявления, попавшие на глаза непосвящённым в их суть людям, нередко поражают скрытым смыслом. Встречаются они и в Павлодаре. Вот, например...

На заборе частного дома: «Услуги гильотины. Недорого!».

Тут кого угодно оторопь возьмёт, между тем, речь всего-навсего о приспособлении для рубки и резки «некондиционного» металлолома.

Или вот ещё – на специальной доске для объявлений: «Продаётся боксер. Отец – чемпион Казахстана. Мать – российская сука (медалистка)».

Знающие, конечно, сразу скажут, что речь о собаке. А незнающие что подумают?

Родственные души

Встретились две женщины. Бывший муж первой, уйдя от неё и оставив совместно нажитую дочь, прижил «на стороне» ещё троих детей – от разных женщин. И вот одна из них как-то говорит его первой супруге, товарке по несчастью:

– Люда, если мне понадобится помощь, я ведь могу к вам обратиться?

– Конечно, – отвечает та, – мы же не чужие друг другу!

Мечта

Знакомая женщина однажды призналась – о чём она иногда думает: «У меня есть мечта – собрать всех мужчин, которых я когда-то любила, за одним столом – большим, деревянным, без скатерти и клеёнки. Я бы наварила большую кастрюлю

борща и каждому сама бы наливала черпаком в большую чашку. И смотрела бы – как они едят... Я всем, кого любила, всегда говорила о своей любви. Мне кажется очень несправедливым, когда человек может уйти из жизни, так и не узнав, что его любили...».

Пришли попить чаю...

Жена кремировала умершего мужа. Урну с его прахом хранила дома и часто носила с собой – в хозяйственной сумке вместе с продуктами и другими магазинными покупками. И в гости с этой урной – симпатичной керамической вазой – ходила. Заходя в квартиру, ставила её на стол и говорила:

– А это мы с Колей! Пришли к вам чаю попить!

Одна из её знакомых во время первого такого визита «супружеской пары» чуть не упала в обморок.

Двойной удар

Служебный роман... Секретарша после каждого свидания с начальником-любовником звонила его жене, меняя голос, и ставила её в известность:

– Ваш муж опять был у этой стервы, примите же, наконец, меры!

Парадоксы памяти

Вполне состоявшийся человек, успешный бизнесмен, в порыве откровенности однажды сказал мне:

– А знаешь, чего я больше всего хочу? Хоть на несколько минут вернуться в детство – к бабушки-

ному только что испечённому хлебу... Стал забывать его запах...

Помолчал и добавил:

– И еще на подлодку хочу!

Я удивился:

– После того, что случилось с «Курском»?

– Да, хочу: там всё было просто и надёжно, хотя временами очень тяжело...

Между тем, я знаю: детство его было далеко не безмятежным, а во время срочной службы на атомной подводной лодке он однажды едва ли не погиб вместе с ней в ходе учений...

Не халатное отношение

Ожидался приезд в нашу область Олжаса Сулейменова, у которого, если кто не знает, баянаульские корни. Повод – его юбилей, намечались торжества.

Организаторы связались с Олжасом Омаровичем, чтобы обговорить кое-какие детали. А потом он спросил:

– Но вы ведь не допустите халатного отношения ко мне?

И, упреждая встречное изумление, пояснил, что он имел в виду, – не увлекаться вручением традиционных юбилейных чапанов.

Привычка

Руководитель крупного зернового хозяйства рассказывал мне, что, возвращаясь в пору уборки домой за полночь, обычно засыпает как убитый. И спит без всяких сновидений, под шум расположенного неподалёку от его дома и работающего в эту

пору круглые сутки мехтока. Но тут же просыпается – стоит «замолчать» мехтоку.

О подобном мне рассказывали фронтовики: могли спать на фронте под грохот канонады и просыпались – как только она прекращалась.

А суть, наверное, в том, что и в первом, и во втором случаях нарушалась привычная атмосфера бытия...

Частушка для Маршака

Режиссёр театра имени Вахтангова Рубен Симонов вспоминал, как в молодые годы встречался с С.Я. Маршаком – уже известным советским литератором, знаменитым детским поэтом, переводчиком.

Самуил Яковлевич был человеком большой культуры, многих талантов и любил хорошие частушки.

– Ну, чем порадуете на этот раз? – спросил он у Вахтангова.

Вахтангов отнекивался и смущался: есть, мол, одна, но она Маршаку может, скорее, не понравиться...

– Давайте-давайте! – настаивал Маршак.

И Вахтангов скороговоркой выдал:

Я мужик такого сорта –

Не могу я без комфорта.

Приходи, Маруся, с гусем,

Переспим мы и закусим.

Вахтангов опять смущался (что за ерунду продекламировал!), а Маршак приходил в неопишуемый восторг, начинал анализировать и комментировать: «Первые две строки – это же и завязка, и вызов... Ну а дальше и вовсе прелесть – какая рифма,

а сюжет какой! Это же настоящий сонет!». Тут же кому-то звонил, делился радостью, декламировал, объяснял и снова комментировал...

Блётка от Матаева

Эту историю я услышал от Сейтказы Матаева – председателя Союза журналистов Казахстана. Она – о менталитете казахов.

Вечером в одной из городских квартир многоэтажного дома звонят в дверь.

– Кто там? – спрашивает хозяйка. Она дома одна, муж в командировке.

– Мы, ваши родственники из аула, – слышит в ответ.

Входят немолодые уже мужчина и женщина и начинают объяснять – какая они родня её мужу.

– Да-да, – смущённо говорит хозяйка, соображая, чем же будет их угощать.

– Вы не беспокойтесь, у нас всё своё, домашнее, – успокаивают приезжие и начинают доставать из сумок масло, баурсаки, курт, вяленую конину.

За дастарханом аульчане объясняют: приехали, чтобы собрать внука в школу, купить всё необходимое.

С утра родня пошла по магазинам и базарам, а хозяйка готовила для них традиционный бесбармак, втайне надеясь, что на следующий день гости уедут. Но оказалось, что закупили они не всё, и на следующее утро опять отправились по магазинам. Хозяйка опять приготовила ужин, но родни почему-то всё не было. И она уже стала волноваться, потому что не знала ни фамилий, ни адреса родни...

Раздался телефонный звонок – от соседей с нижнего этажа:

– Вы не могли бы к нам спуститься?

– Извините, не могу – родню жду. Приехали из аула, ушли по магазинам и до сих пор не вернулись. Боюсь, не заблудились ли...

– Да это не ваша, а наша родня! – слышит она. – Они уже у нас. Спускайтесь – мы вам тут всё объясним.

Оказалось, позавчера «родня» перепутала этаж и позвонила не в ту квартиру. А хозяйка, зная, что у мужа есть родственники в ауле, с которыми она пока не знакома, как родню их и приняла... Сегодня, возвращаясь домой, аульчане столкнулись у подъезда со своими настоящими родственниками, из которых они также знали лишь хозяина.

С тех пор дружат все три семьи – ходят и ездят друг к другу в гости и радуются тому, что благодаря случайному недоразумению у всех трёх семейств одной роднёй стало больше.

Блётки от Акимченко

Геннадий Герасимович Акимченко – ветеран сельского хозяйства и отличный рассказчик. Вот две его истории из бывшего советского прошлого.

– Был у нас в отделении совхоза, где я начинал работать, кузнец. На все руки мастер, всё умел – любой сельхозинвентарь отремонтировать, любую домашнюю утварь из металла починить. Но выпить тоже любил и однажды заявился поддатым в контору. А был он партийный и попался на глаза парторгу. И тот решил его припугнуть:

– Ты мне партбилет на стол положишь!

Кузнец тут же выложил перед ним красную книжицу:

– На! – и ушёл.

Дело принимало скверный оборот: сельский пролетарий сам отказывается от партбилета! Какое-то время спустя парторг вызвал однопартийца для проработки: партбилет, мол, заberi и впредь не разбрасывайся, а твою пьяную выходку мы на партсобрании обсудим.

– Бутылку поставишь – заберу! – отвечал ему кузнец.

И пришлось парторгу идти на попятную – уже уговаривать кузнеца взять партбилет обратно с уговором не предавать случившееся огласке.

* * *

– Другой случай был, когда я уже в райсельхозуправлении работал. Пришла в райком партии анонимная жалоба на трёх главных зоотехников: съели совхозного барана и списали на падёж. Райком спустил жалобу в райсельхозуправление, и все трое признались: было дело... Но надо же реагировать... И секретарь партбюро – дурулом предложил исключить их из партии и лишить должностей – за разбазаривание государственной собственности и дискредитацию высокого звания члена партии.

К счастью, вмешался секретарь райкома, решивший лично поприсутствовать на разборе «дела»:

– Ты что предлагаешь – из-за одного барана район трёх главных зоотехников лишить? Это же самому бараном быть надо!

Ограничились соломоновым решением – объявить всем троим устный выговор и взыскать с «расхитителей» стоимость съеденного барана.

Рецепт от одиночества

Моя племянница Настя лет в шесть была крайне озабочена тем, что у двоюродной сестры Ларисы-студентки нет парня. Говорила ей:

– Лорик, а ты в бассейн запишись.

– Зачем?

– Начнёшь тонуть, тебя кто-нибудь спасёт и на тебе потом женится.

Лорик теперь замужем за французом и живёт во Франции. Правда, познакомились они с Давидом не в бассейне.

А вот самой Насте, кажется, уже пора самой записаться в бассейн...

«Не тебе плачу!»

Шестилетний Толик – мамин хвостик... И вдруг его на целый день оставили на попечение приехавшей погостить бабушки. И весь день он терпел... Но как только появилась мать – тут же залился горькими слезами.

– Толик, детка, ты что это? – встревожилась бабушка.

– Уйди, – ещё горше усердствует внук, – не тебе плачу, а маме!

Всё ещё не привык

Мой друг – о жене: «Ты знаешь, 38 лет прожили, а я к ней всё привыкнуть не могу... Всё время – как на качелях: то холодно, то в жар бросает!».

Поздние признания...

Одноклассники... Много лет не виделись... И вот встреча, душевный разговор. Он – вдруг:

– Эх, лет бы тридцать вернуть – я бы тебя не упустил!

Она:

– А я бы и не убегала...

Приговор

После долгой и не всегда гладкой совместной жизни жена в мгновения крайней обиды именовала мужа одним единственным словом: «Свекрёныш!». Можно ли сказать обиднее?!

Жизнелюб и любобаб

Когда моего приятеля, умеющего со вкусом жуировать жизнью, пытались в этом упрекать, он – когда со вздохом (виноват, мол, но что поделаешь?), а когда не без самодовольства (мол, знай наших!) говаривал:

– Да, такой уж я жизнелюб, – делал паузу – будто ошибся – и добавлял полувопросительно: – Или любобаб?

Газетова жена

«Газетова жена» – звали мы иногда Веру Кирилловну Побережникову, жену первого зама «Звезды Прииртышья» Петра Арсентьевича Побережникова, для которого журналистика была превыше всего, включая семью. «Кирилловна», как он сам именовал супругу, хорошо это понимала и была не только для него, но и для всех нас, молодых газет-

чиков, и мамкой, и нянькой, заботливой наставницей. Тогда-то и родилось это определение – «Газетова жена», которым она тайно очень гордилась.

Тест на вменяемость

Мне рассказывали про начальника – ещё сталинских времён, который время от времени вызывал по одиночке подчинённых и устраивал им своеобразный «тест на вменяемость». Спрашивал всегда одно и то же:

– Как ваша фамилия? Какое сегодня число? Сколько будет шестью восемь?

И ещё несколько вопросов в том же духе. Новые сотрудники удивлялись, а те, кто с ним давно работали, нет – начальник он был хороший.

Где рождается творчество

Внучка Алиса, ей четыре года, спрашивает:

– Мама, знаешь – где рождается творчество?

– Где? – переспрашивает та, занятая своими мыслями.

– В мозге, – и дочь показывает на голову.

– Как это? – Хочет уточнить мать. – Что такое творчество?

– Это когда в голове придумывается что-то новое...

И дальше – с расстановкой:

– Ну там... игра... рисунок... выкрутасы... фотки...

– Танец, – подсказывает мать, – и песни...

– Ну да... И танец, и песни, и все-все-все...

– А ты творческий человек?

– Да! – и после паузы: – Все люди творческие!

Глаза – стальной и кирпичный

Художница Галина Беспалова – человек со своеобразным видением мира и таким же неординарным чувством юмора. Говорит:

– У меня теперь один глаз стальной, а другой кирпичный.

– То есть? – удивляюсь я.

– Мне их оба прооперировали, и денег на одну операцию дал директор «Стальмонтажа», а на другую директор кирпичного завода.

Три «правды» прошёл

Мой друг, ветеран советской и казахстанской журналистики, а ныне редактор «Индустриальной Караганды», Владимир Иванович Рыжков, когда ему не хватает аргументов в споре, пускает в ход «тяжёлую артиллерию»:

– Да что вы мне тут рассказываете – я сам три «правды» прошёл.

Имеются в виду газеты «Комсомольская правда», «Правда» и «Казахстанская правда», в которых собкорил Рыжков.

Ошарашенные таким доводом, любые собеседники тут же признают его правоту.

«Блёстки» от Касицына

Александр Анатольевич Касицын – директор одного из лучших хозяйств области. Много повидал в жизни, сохранив в памяти нестандартные ситуации, в которых ему приходилось оказываться:

– В перестройку дело было. Нашему колхозу имени Карла Маркса доверили выдвинуть канди-

датом в народные депутаты СССР первого секретаря обкома партии Ю.А. Мещерякова.

Мы всё подготовили, в том числе выступающего «от народа», который на собрании предложит Мещерякова. Тот хорошо выступил и, завершая речь, говорит: «Предлагаю выдвинуть человека, которого вы все хорошо знаете – это Юрий Алексеевич...». И тут зал, чуть ли не хором, будто им кто дирижировал, выдыхает: «Гагарин!». А суть в том, что они тезки с Мещеряковым...

Понятно, сделали потом всё как надо, и даже Мещеряков со всеми вместе посмеялся. Но мне от первого секретаря райкома партии (нашего бывшего председателя колхоза) Глазырина всё равно досталось...

* * *

– То время позже назовут «расцветом застоя», хотя к нашему колхозу это никак было неприменимо – мы и тогда развивались по всем статьям. Ожидался приезд к нам большого начальства, и тот же Глазырин наказал мне выстроить у животноводческих помещений, куда должны были заглянуть высокие гости, штук пять туалетов. Мол, вдруг им приспичит – куда пойдут? Я подивился такой логике, но надо было знать Глазырина – попробуй не выполни его указание!

Туалеты мои рабочие поставили... Начальство приехало, на фермах побывало, на туалеты наши – ноль внимания. Главный раз «сходил по малому» на обочине дороги и свита после него...

Обошлось, словом, без эксцессов... А туалеты эти ещё какое-то время глаза мозолили, но мы их потом за ненадобностью убрали, а ямы зарыли.

– И ещё вам напоследок девиз одного из моих коллег, много чего повидавшего в жизни: «Давая интервью, не увлекайся! Как бы не пришлось потом давать показания...».

Режим дрожания

Перед началом заседания чиновник областного акимата обращается к присутствующим:

– Прошу выключить сотовые телефоны или хотя бы поставить... – запнулся и добавил: – Или поставить на режим дрожания.

Так и сказал

Президент Белоруссии А.Г. Лукашенко, оценивая выпавшие на его долю кризисные времена в экономике страны, публично заявил:

– Мы, конечно, будем жить плохо, но недолго!

За что над ним после долго издевались российские журналисты.

Семейный диалог

Редактор газеты после вчерашнего загула с трудом отрывает голову от подушки, разлепляет глаза...

Жена ему – с укоризной:

– Володя, зачем ты вчера опять так набрался?

Он – с её же интонацией:

– Наташа, ну сколько можно – сорок лет мне говоришь одно и то же!

Наговорились и намолчались

Женщина делится впечатлениями о встрече с одноклассниками, после 25-летней разлуки:

– Мы не только наговориться, но и намолчаться не могли. Ведь нам было о чём не только поговорить, но и помолчать.

Другой человек – о близком человеке:

– С ним не только поговорить хорошо, но и помолчать тоже. Второе, может, даже важнее...

Как правильно выпивать

Были на неформальной журналистской пирушке, в которую затесался долговязый, нескладный белобрысый американец Питер – корреспондент знаменитого информационного агентства «Ассошаитедпресс». После выпитого его быстро «повело» и он стал учить нас (русских!) – правильно выпивать: оказывается, чокаясь, надо обязательно пристально, да еще и с приязнью, смотреть партнёру в глаза. А то он может подумать, что неприятен тебе. Нас было в компании с десятков человек, и мы с усердием взялись выпивать правильно, всякий раз выпучивая глаза на того, с кем чокались... Питер, кстати, скоро «сошёл с дистанции...».

Самодисциплина

Я стал редактором областной партийной газеты, когда партия была еще в силе, но уже задули ветра перестроечных перемен и гласности. И нам – для ориентировки – стали присылать распорядок дня нового первого секретаря обкома партии, на месяц вперёд. Ничего, в общем, необычного: совещания, заседания, поездки по районам и т.д.

Полностью рабочими были у первого секретаря суббота и первая половина воскресенья (поездки по городу, посещения объектов и т. д.), а на вторую половину воскресенья значилось – «работа над собой». И вот именно этот пункт возбуждал во мне жгучее любопытство – что это может быть: изучение речей Генерального секретаря ЦК КПСС и классиков марксизма-ленинизма, анализ прожитой недели и выявление допущенных недостатков в работе, что-то ещё, несомненно важное и значительное?

Увы, этот пункт так и остался для меня тайной за семью печатями...

Зато теперь, в общении с близкими мне людьми, в ответ на их вопрос, что я в настоящее время делаю, всегда отвечаю:

– Работаю над собой!

Может, и не он, но очень на него похоже...

Невнятная информация по радио: якобы депутат правительственной партии врезался на своём внедорожнике в четыре машины сразу...

Журналисты пытаются навести справки через информированные источники и получают совершенно замечательный ответ.

– У нас пока нет официального подтверждения, что это был именно он. Но очень на него похоже.

Встречали с музыкой

Знакомый журналист подрядился написать книгу о бывшем директоре оборонного завода, Герое соцтруда, лауреате госпремий и т. д. Решил встретиться с его вдовой. Пришёл в назначенный

час, доложился по домофону, поднялся на этаж... Дверь в квартиру была открыта настежь, и из неё во всю мощь лилась чарующая мелодия Георгия Свиридова к пушкинской «Метели».

«В мою честь, что ли?» – только успел подумать ошалевший журналист, как навстречу ему вышла вдова и, промокнув платочком глаза, пояснила: «Это в память о муже, он так любил эту мелодию...».

Самый лучший термометр

Когда у народного академика – агронома, дважды Героя Социалистического Труда, Терентия Семёновича Мальцева спрашивали – как он определяет готовность земли к севу, он отвечал:

– Сажусь на неё и жду – долго ли смогу выси- деть. Если мне хорошо, комфортно сидится – мож- но сеять.

– Терентий Семёнович, так есть же градусники, термометры...

– Градусник можно разбить или потерять, – а мой инструмент всегда со мной и ещё ни разу не подвёл...

Решили – терпеть!

На улице – дикая жара, и в редакционных каби- нетах уже дышать нечем. Народ ропщет... Верхи собрались на совещание... Вентиляторы уже есть в большинстве кабинетов, но толку от них мало. Хо- рошо бы поставить кондиционеры, но это дорого и к тому же займёт не одну неделю. Приняли ре- шение: «Терпеть!». Да и правда: сколько уже того лета осталось...

Энергия

Водитель Б. В. Исаева сказал ему как-то:

– Вы так идёте к зданию обкома, что я иногда думаю: если, не дай Бог, промахнётся мимо двери – стену собой проломит!

Это к тому – сколько энергии чувствовалось в тогдашнем первом секретаре обкома партии.

О странностях патриотизма

В 2011 году исполнилось 25 лет со дня аварии на чернобыльской атомной станции. Статьи в газетах, фильмы по телевидению... Трагические судьбы бывших ликвидаторов той страшной аварии, до которых теперь чаще всего никому нет дела... Но когда сегодня журналисты спрашивают у Н. И. Рыжкова, тогдашнего Председателя Совета Министров: трудно ли было тогда найти людей для выполнения срочных, зачастую крайне опасных для здоровья работ, он отвечает, что от добровольцев-«ликвидаторов» отбою не было... Можно предположить, конечно, что кто-то мог и не знать о грозящей ему опасности, но большинство, безусловно, догадывались – и всё-таки рвалось туда. Что это было? Безумие? Героизм? Самопожертвование? Наверное, всего понемногу, и всё это называется «советский патриотизм». Плохой он или хороший? Об этом надо прежде всего спросить у тех людей. Но в том, что он был, сомневаться не приходится.

В те же дни – документальный фильм по российскому телевидению о том, как была изготовлена и испытана за Полярным кругом советская водородная супер-бомба, взрыв которой потряс всю землю. И один из её создателей говорил, что работали они

над этим проектом часто круглые сутки и не было, наверное, людей счастливее их...

Что это – эйфория творцов или безумие людей, не ведающих что творят? Наверное, и то, и другое. И, конечно же, всё тот же советский патриотизм. Плохой он или хороший – другой вопрос. Но в том, что он действительно был, сомневаться не приходится.

Забота на перспективу

Эдмунд Шик происходил из депортированных в Казахстан немцев. Закончил школу в Семипалатинской области, потом Уральский пединститут... Защитил диссертацию, стал литературным критиком.

Много лет жил и умер в Омске, в возрасте 75 лет. Немец, он завещал похоронить себя на новоеврейском кладбище. Чтобы удобнее было его жене, чьи родители покоились там.

Воспитание по-«новорусски»

Семья «новых» русских: муж, жена и их сын, младший школьник, живут в особняке. Отпрыска возят в школу и из школы на машине, он ни в чём не знает отказа. Но учится плохо. Мать воспитывает его:

– Знаешь, как жить будешь, если не начнёшь учиться? В школу и из школы будешь, как лох, ходить пешком. И жить потом в говённой девятиэтажке, что напротив.

Между прочим, этот девятиэтажный дом – в центре города и с улучшенной планировкой квартир...

Хоть чай заваривай!

Старшеклассником я работал на сенокосе. Тракторист дядя Митя Михальченко, к которому я был определен в помощники на подборщик-копнитель, сено для собственного подворья заготавливал из степного разнотравья, на опушках березовых колков, в низинах, где травы всегда сочнее и гуще.

Сено было зеленое, запашистое. Он брал его в руки, рассматривал, пробовал на ощупь, нюхал и заключал:

– Всем сенам сено: хоть чай заваривай!

Человек-жаба

Он не говорил, а вещал и при этом раздувался от осознания собственной значимости, удивительно напоминая жабу.

Объявление

Оно висит на доске объявлений у нашего подъезда: «Продается кровать, двухъяростная, недорого».

Надо полагать, для любвеобильных молодых людей.

«Я их трудоустраиваю...»

Ветеран-железнодорожник Г.Л. Осипян, всю жизнь собиравший книги по искусству, на склоне лет стал их раздаривать, хотя они были ему очень дороги. И когда его спрашивали – зачем он это делает, Григорий Леванович отвечал:

– Я не дарю их вам, я их трудоустраиваю!

Машина-стрекоза

Едем в час пик с пожилым водителем по забитому машинами проспекту. Перед нами шустрит, ловко маневрируя и находя просветы на дороге, маленькая, будто игрушечная, малолитражка. И обычно строговатый водитель, наблюдая за ней, на этот раз, скорее, удивляясь, чем возмущаясь, замечает:

– Ну чисто стрекоза!

Уел

Большие писатели и поэты не всегда ладили друг с другом. Вот и поэт Афанасий Фет держал в своем имении ослика по имени Некрасов...

Объяснил...

Впервые пытаюсь сам проредить ветки на яблоне-«уралке», под присмотром опытного садовода. Ему моя работа явно не нравится.

– Ты пойми – яблоня должна быть вся раскрыта к солнцу! Раскрыта – понимаешь? Как женщина, готовая к любви!

Золотое слово

Моя мать – человек особого дара.

На все случаи жизни у нее есть своя пословица или поговорка. И мне кажется, что это тоже по своему характеризует ее, как истинно русскую мудрую женщину, все повидавшую в жизни, а потому хорошо знающую, что в ней почём.

* * *

Семья у нас была по деревенским меркам средняя: двое взрослых да четверо детей. Главной пищей на зиму считалась картошка, и садить ее полагалось много. Впервые приехав в поле уже как работник, я оббежал по периметру наш участок в двадцать соток и не утерпел:

– Неужели мы все это выкопаем?

И услышал в ответ материно:

– Глаза боятся – руки делают.

И сколько же раз в жизни так бывало: приступая ко всякой большой работе, думал – ни за что не осилю. Но как-то так выходило, что картошка пропалывалась и выкапывалась, воз сена или соломы наполнялся, а гора березовых дров оказывалась перепиленной и переколотой...

И в университет оказалось возможным поступить, и закончить его – тоже... И всякое новое дело, за которое брался с равнодушным сердцем, оказывалось по силам...

Как все бесконечно просто и бесконечно мудро. И теперь уже я говорю своим детям в минуты жизни, когда они робеют (или ленятся) перед значительной для них работой:

– Ничего: глаза боятся – руки делают.

В субботу у нас по распорядку генеральная уборка. Обязанности давно распределены: жена стирает, я иду на рынок и в магазин за продуктами, старшие сыновья, поделив комнаты, моют в них полы. Димка обычно заканчивает первым. Иногда мать устраивает ему инспекторскую проверку и, находя огрехи, начинает стыдить:

– Дима, ну разве так моют – нарочно?

– Да я мыл, баба, – канючит он, – мам, скажи...

Тут же следует бабушкино железное:

– Моим глазам свидетелей не надо!

И брак приходится перемывать.

Сидим за столом. На ужин у нас «непопулярная» у детей пшенная каша. Младший, Пашка, бросает на бабушку умоляющие взгляды, и ее сердце не выдерживает:

– Ладно, иди возьми в холодильнике сметану...

– А сметана домашняя или магазинная? – он почему-то предпочитает магазинную.

Мать – к слову – спрашивая у воображаемого собеседника и ему же отвечая:

– Лежень – Лежень, на яичко!

– Да кабы лупленное...

Димка у нас единственный из всех трех сыновей смуглый. Вот он помылся в ванне (как всегда наскоро), и жена начинает его подозрительно осматривать – хорошо ли промыл уши, чистые ли руки... Он обижается, уворачивается от нее.

Мать добродушно:

– Да ладно обнюхивать – черного кобеля не отмоешь добела.

Эту поговорку приходилось от нее слышать и по другому поводу. Ее дальняя родственница приняла обратно своего бывшего мужа – шалопая и забулдыгу – и убеждала мать, что он стал другим человеком. Вот тут-то мать и произнесла опять эту фразу.

* * *

Про людей, не умеющих устроить свою жизнь, не приспособленных ни к какому ремеслу, все делающих «тяп-ляп», мать говорила так:

– Неудельное дерево!

Или еще так:

– Эх ты, родила тебя мать, да не облизала!

* * *

К старшему сыну пришли друзья. Акселераты – один здоровее другого.

Мать тут же отреагировала:

– Ну и дети пошли: в зад плюнуть – и то не достанешь.

Вообще же говоря, эта часть человеческого тела фигурировала в ее образной речи довольно часто. Так, например, одну мою городскую знакомую, легкомысленную и ветреную, мать охарактеризовала так:

– В поле – ветер, в ж... – дым!

* * *

– Разуь глаза – обуь лапти.

Это ее частая реплика в ответ на поиски кем-то вещи, лежащей на самом видном месте.

* * *

Про человека, попавшего меж двух огней, и вынужденного с этим мириться:

– Богу молись, и черта не гневи!

* * *

Приехала родственница, рассказывает матери о несчастьях своего сына: только устроился работать шофером – попал (не по своей вине) в аварию, долго лежал в

больнице, выписался – сократили, теперь вот осталось полгода до армии, а на работу нигде не берут...

– Это уж так, – вздыхает сочувственно мать, – бедному жениться – и ночь коротка.

* * *

Про общую знакомую, живущую вполне благополучно, однако вечно сетующую на несуществующие болезни, трудности жизни:

– То хромая, то с родин (т.е. после родов), то кривая – глаз один.

* * *

Встретил в городе совхозную материну подругу: на лицо помню, а фамилию забыл напрочь. Дома пытаюсь матери обрисовать ее, но безуспешно – она никак не поймет, о ком речь...

– Ну, вроде твоей двоюродной сестры, – делаю я последнюю попытку.

– Ну, да: вроде Володи под вид Кузьмы, – тут же откликается она.

* * *

– Ешьте, дети – хватай, кум!

Это одна из присказок, наиболее часто употребляемых матерью за столом, когда она видит, что мы не страдаем отсутствием аппетита и мигом сметаем все, что подается. По-моему, фраза не нуждается в особых объяснениях: вполне ясно, каковы дети и как следует вести себя куму, чтобы не остаться голодным.

В случае, если кто-то из внуков сидел за столом с брезгливо-надутым или обиженным видом, мать говорила так:

– Губа толста – брюхо пуста...

То есть будешь дуться – можешь остаться голодным, ведь в крестьянских семьях ели из общей чашки.

Бывало еще так: кто-нибудь отнекивался, не садился за стол, а потом ел с завидным аппетитом. Мать в таком случае добродушно комментировала:

– Вот так это и бывает: нехотя зять у тещи поросенка съел.

Или вот еще – про отменный аппетит:

– Наша невестка все трескает – мед и тот жрет!

Не любит, если кто-то занимает ее место за столом. Всегда говорит:

– С чужого коня середь грязи долой!

* * *

Мать признает только близкую родню, с которой поддерживает связь, чем может, ей помогает. Бывает, кто-то с явным преувеличением говорит о своих чувствах к родне дальней, а она знает, что это неправда. Подобную степень родства оценивает так:

– Мы с ним такая родня: у него плетень горел, а я руки грел.

* * *

Димка у нас невысок, щупловат. Но зато легкий характером, незлобив, отходчив. Мать, видя, как он подчас нарочито бодрится, с удовольствием констатирует:

– Худому горе не вяжется.

* * *

Иногда мне кажется, что у нее есть присказка на все случаи жизни.

Вот оцять пришел с работы не в лучшем виде – снова проблемы, нелады с начальством. Она – между делом:

– Не горюй: не отпадёт голова – прирастёт борода.

И вроде полегчало.

* * *

Всю жизнь прожившая в селе и только на склоне лет волею судьбы оказавшись в городе, мать не любит тех деревенских, кто «строит из себя» городских, говорит о них:

– В конюшне сидят, а по-горничному кашляют.

* * *

О близком человеке, бездарно потратившем жизнь:

– Прожил, прости Господи, как за пнем высрался!

Убийственная характеристика.

* * *

О человеке незначительном, мелком и, тем не менее, подчёркивающим свою значимость, вес, влияние, образованность:

– Не вошь кусает, а гнида!

При этом «вошь» звучит в ее устах как «увошь». Но та же самая фраза могла адресоваться и нам, ее близким, когда в каких-то случаях нам изменяло чувство меры, или кто-то явно преувеличивал свои достоинства и заслуги.

* * *

О любом, на ком хорошо сидит одежда:

– Нашей Кате все кстати.

* * *

Кто-то из внуков допытывается:

– Баб, а ты помнишь, ба, ну помнишь, ты говорила...

Она, или вправду забыв, или не желая говорить на эту тему:

– Я столько помню – сколько ты забыл...

* * *

Внуки препираются, доказывая ей, что один опростоволосился меньше другого.

Она отвечает им такой репликой:

– Ну, кум и раздолбай: у него на базаре сразу деньги украли, а у меня – только к вечеру...

* * *

Пришла соседка, о чем-то рассказывает, ругает сына, попавшего очередной раз в неприятную историю. Мать, желая ее успокоить, или не вполне разделяя ее возмущения:

– Ну, ты это не скажи: на грех мастера нет.

То есть, не горячись и не зарекайся: жизнь – штука такая, любой может оступиться, сам того не желая.

* * *

Друг отца, дядя Саша Агеев, пришёл как-то к нам, чтобы «раскрутить» куму на опохмелку.

– Что, кум? – подшучивает над ним мать. – В голове шумит, а в кармане тихо-тихо?!

* * *

Классе в шестом я устроился на работу – полоть лесопосадки. Вставать надо рано – в полшестого, а не хочется. Мать тормозит, приговаривая:

– Вставать, вставай... Кто рано встает, тому Бог дает.

* * *

А внуков она теперь иногда будит с другой сказкой, особенно когда они утром пересыпают:

– Ну, хватит вылеживаться – из сна шубу не сошьёшь.

* * *

Сидим за столом. Завтракаем. Мать что-то пригорюнилась и к еде не притрагивается.

– А ты почему, баба, не ешь? – спрашивает младший внук Пашка.

– Ешь, пока рот свеж, – тут же отвечает она, – а завянет – и собака не заглянет.

* * *

Купили сыну Пашке на барахолке китайские кроссовки. С неделю поносил – стали разваливаться. Мы с женой сокрушаемся, а мать посмеивается: «Так вам и надо: дешёвая рыбка – поганая юшка».

* * *

Пришла в гости матерна подруга, рассказывает о последних совхозных новостях. Одно из известий – о том, что их общий знакомый, уже в годах, снова женился – вызывает у матери особое возмущение.

– Ну ты посмотри: у него уже полгроба из зада торчит, а туда же! – сердится она.

* * *

Мать с кем-то говорит по телефону. Видно, ей жалуются. Мать, похоже, соглашается, вздыхает:

– Это уж так: скажешь правду – потеряешь дружбу!

* * *

Димка по какому-то поводу пререкается с бабушкой. И каждая сторона, похоже, стоит на своем.

– Как ты не понимаешь, баба, она же крепкая, – убеждает Димка.

– Крепка тюрьма, да черт ей рад, – тут же следует в ответ.

* * *

Пашка мастерит из бумаги самолет. Режет, клеит, сопит, торопится... Что-то у него не выходит – надо братья заново.

Мать, как бы между прочим, сама с собой:

– Акуля, что шьешь не оттуля?

– А я, маменька, еще пороть буду.

* * *

Жена утром собирается на работу:

— Какой сегодня день? Неужели среда?

Мать ей в тон:

— Среда подошла — неделя прошла.

* * *

Мать верит в приметы... Так, например, она говорит, что крошить на зиму капусту надо на молодик (с ударением на «и»), то есть на молодой месяц. И мы по вечерам бегаем смотреть на небосклон — как нарождается новый месяц.

* * *

Если к нам кто-то приезжает или приходит с утра, мать говорит:

— Ранний гость — до обеда, — добавляя неизменно, — а поздний гость — заночует.

В равной степени это ее выражение может относиться к зарядившему с утра дождю или разгулявшемуся к вечеру буряну.

* * *

Матери нравится, когда ее внуки проявляют характер, не пасуют перед трудностями, нарочито бодрятся, если им даже нелегко. В таких случаях она смотрит с одобрением и замечает:

— Не горюха родила! Так и надо.

* * *

О человеке бессовестном, не пытающемся даже скрывать свои явные безобразия:

— Да что о нем говорить: поганому виду нема стыду.

* * *

Кого-то поставили на место, отбрили по заслугам, а мать видела или узнала. Тут же следует непременно:

— И Вася не чешись!

Мол, поделом ему — правильно с ним обошлись, с таким так и надо.

* * *

Кто-то из внуков хитрит, выкручивается, выдает желаемое за действительное. Мать с интонациями – в зависимости от ситуации и настроения:

– Ну, да... На волка помолка, а заяц кобылу съел.

Или еще – почти по тому же поводу, но уже слегка сердясь:

– Ишь ты, какой – не кривой, а забавный!

А это – скорее иронично-добродушно:

– Хитрый Митрий: в штаны наклал (обычно употребляется более сильное выражение), а говорит: «Заржавело!»

* * *

Что-то у кого-то из наших близких сорвалось, не получилось – вышло совсем не то, что ожидали. И винить вроде некого. Мать констатирует лукаво-беззлобно:

– Обмишулился... Бывает...

А иногда добавляет при этом:

– Кто виноват, что дыроват – сам прохудился!

* * *

А если кому-то повезло, притом явно не по заслугам, она говорит:

– Вот так: хоть сопливый, да счастливый!

* * *

Мать в состоянии крайнего негодования. Изъясняется грубовато, с явной неприязнью и почти не свойственной ей злостью – видно, допекло:

– И крутится она, и крутится... Как сучка в паслене!

Ни от кого прежде ничего подобного слышать не приходилось.

* * *

Мать рассказывает о хождениях какой-то знакомой по начальству в связи со смертью мужа:

– Ну, сходила она к нему на работу, выплакала полторы тыщи денег...

Подруга жалуется матери на то, что сын перестал ей подчиняться и больше прислушивается к жене. Мать – тут же живо:

– А ты что хотела! Ночная кукушка дневную всегда перекукует!

Одна наша родственница – дородная и вечно чем-то недовольная, поедом ест своего мужа – спокойного, работающего, может быть, разве немного медлительного.

Я как-то спросил: «Мам, почему он все это терпит, почему ни разу не ответит ей как следует?».

– Знаешь, сынок, не боится волк собаки – да не хочет звяги.

Мать с утра вздыхает:

– Опять плохой сон видела. Видать, что-то у Шурки (старший сын) нехорошо...

– Мам, можно подумать у тебя бывают хорошие сны! – теперь уже сержусь я.

– Ну, а как же! – немедленно откликается она. – Вот, например, свиньи.

– А при чем здесь свиньи?

– Значит, кто-нибудь из своих приедет в гости...

– А еще?

– Говно! – вдруг слышится в ответ.

– Ну а тут-то что за связь?

– Ну как – это к деньгам! Уж сколько раз было.

Как тут реагировать, с чем спорить? Да и надо ли?

Мать о человеке нелюдимом, малоразговорчивом:

– А он такой и есть: напёл – молчи, потерял – молчи...

* * *

Сидим всей семьёй за столом. У кого-то из внуков сорвалось с языка явно не то. Мать строго пресекает:

– Укуси себя за язык!

Что означает: не болтай, думай – что говоришь.

* * *

Умер Анатолий Собчак. С экрана по всем каналам льется елей в его адрес. Мать, которая помнит, что говорили многие в его адрес ещё совсем недавно, в сердцах роняет:

– Не зря люди говорят: как корова сдохнет, так всегда оказывается – такая к молоку хорошая была!

«Хорошая к молоку» – значит высокоудойная. Грубовато, конечно, но как точно по сути.

* * *

Собираем с женой в дорогу одного из сыновей. Считаем предстоящие траты, выдаём деньги «с запасом»: на всякий случай, а останутся – вернет. Мать по этому поводу замечает:

– Вернет он, как же: у него, как у попа – сдачи не бывает!

* * *

Матери уже за семьдесят, прибалывает, жалуется – то одно заболит, то другое. Я пытаюсь ее успокоить: что же поделаешь – возраст... Она в ответ – живо:

– Ну, не скажи: иной и в старости – как чесночок!

* * *

Мать, вернувшись с похорон дальней родственницы, заявляет:

– Хорошо Вере – умерла и лежит себе – полеживает. Наверное, еще и думает: «Бегайте вы все во круг – хоть забегайтесь, а мне-то уже все равно».

* * *

За обедом мать пересказывает свой разговор с одинокой пожилой соседкой из нашего дома: «Говорит: выбелила квартиру. Перемыла все, перестирала и лежу теперь себе – полёживаю – смерти поджидаю...».

* * *

На базаре появились первые местные овощи – редиска, огурцы. Мать отказывается их покупать, обижаясь на торговцев:

– Дерут за эту редиску, прости Господи, как черт за грешную душу!

* * *

Мать недолюбливает одного из моих друзей, любителя прихвастнуть. Жене моей говорит о нем, не называя имени:

– Опять «этот» был, уж трыстил-трыстил...

То есть, много чего наговорил, хвастался...

* * *

О ситуации, когда не хочется что-то делать, а надо – со вздохом, но бывает и с возмущением:

– Ну да: хоть яловая – а телись!

Можно ли сказать лучше!

* * *

Когда мы с моими друзьями (что поделаешь – бывает) начищаем куролесить, мать в сердцах, но без злобы замечает:

– У людей черти лучше, чем у тебя друзья.

* * *

А это о недомоганиях – своих и чужих:

– Шелудивому поросёнку и в «петровки» холодно.

«Петровки» – Петров день – православный праздник, который приходится на конец июля.

* * *

Мать сердится на внука, выговаривает:

– Совсем обленился – скоро уже и мух топтать не будешь...

* * *

Мать что-то кроила-перешивала из старых вещей и, поняв бесплодность своей затеи, констатировала:

– Гимно пчэлы – гимно мед!

По смыслу это близко тому, что из дерьма конфетку не сделать.

* * *

О человеке без характера, без твёрдых убеждений:

– Ни Богу свечка, ни черту кочерга!

* * *

С интересом смотрит по телевизору передачу про то, как в очередной раз «дурят нашего брата» и комментирует:

– Вот обули, так обули – из сапог в лапти!

* * *

Знакомые купили дом в деревне. И теперь жалуются матери, что с ним, оказывается, столько хлопот, да и расходов тоже. Мать им в ответ:

– А вы как думали: заварили кашу – так не жалейте масла!

* * *

Мать, наблюдая в очередной раз на экране телевизора абсурдные с точки зрения обычного человека покупки богатыми людьми чего-нибудь «этакого такого», замечает:

– Правильно старые люди говорят: «У денег глаз нет!».

То же самое, впрочем, может относиться и к нам с женой и нашим детям, когда мы, как считает она, проявляем неоправданное расточительство.

У нас в семье...

Талисман

Впечатления детства – самые яркие. И подчас – самые неожиданные: с течением лет забываются события, казавшиеся в пору их свершения наиболее важными, а какая-нибудь мелочь, пустячок из детства помнятся всю жизнь...

В четвертом классе мне делали операцию аппендицита, в участковой больнице, за два десятка километров от нашего совхоза. Конечно же, я отчаянно трусил, но меня согревала и успокаивала одна единственная мысль: пока я в носках – все должно быть хорошо... Дело в том, что утром мать помогла меня собирать в больницу и сама одела на меня носки. И потом, оставшись один, я внушил себе: раз носки на мне, я по-прежнему связан с ней, и, значит, она как бы рядом со мной.

Когда за мной пришли на операцию, меня тревожило только одно: надо будет снимать носки или нет? Для меня это был вопрос жизни и смерти.

Разумеется, носки пришлось снимать...

Операция была без наркоза, но помню ее плохо: прикосновение к животу чего-то металлически-холодного, укол... Затем перед глазами окровавленный червяк с белыми вкраплениями внутри – аппендикс – его мне показал хирург...

Все это время в мозгу билась одна и та же мысль: носки, ведь я снял их ненадолго, они еще хранят прикосновение материнских рук, главное – побыстрее их надеть.

От операционной до палаты я шел сам. Едва добрался до кровати – взялся за носки.

– Ты что, с ума сошёл? – рванулась навстречу сопровождавшая меня сестра.

Но, к счастью, она опоздала: носки уже были на мне.

...Тридцать с лишним лет минуло с того времени, и как же мне жаль порой, что нет у меня теперь такого заветного талисмана, который так же, как тогда, мог бы придать уверенности в трудную минуту, подарить надежду...

В первый пар

За свою еще не слишком долгую, но уже и не столь короткую жизнь мне довелось побывать в приличном количестве бань. Были среди них многообразные русские, финские и даже одна турецкая, были бани общего пользования и семейные; случалось и в «номерах» бывать... А помнится более всего наша собственная, домашняя...

Отец наш страстно любил попариться, а приличной парной в целинном совхозе, где мы жили, не было, вот он и загорелся идеей занять свою собственную баню.

Место под нее определили на задворках усадьбы, в огороде. Выкопали яму размером метра три на четыре. Нарастили пластяные стены – примерно на один метр от земли, наложили сверху берёзовых жердей, укрыв их опять же пластом; соорудили крохотное оконце – почти на уровне земли – и собственно «здание» оказалось готово. Внутри выкопали еще одну яму – для стока воды, настелили пол, соорудили полоч, лежать на котором взрослый человек мог, лишь подогнув колени. Примерно четверть бани занимала печь, сложенная из кирпича. Полукруглый свод ее состоял из тех же кирпичей, да из бутового камня – это была еще и каменка. Слева в углу стояла большая кадушка с

водой. Чтобы вода была погорячей, использовалось весьма своеобразное средство. На печи всегда специально нагревались два отслуживших свое гусеничных трака. Когда они накалялись докрасна, их бросали в кадушку.

Был еще небольшой предбанник: углубление перед баней, прикрытое от ветра то ли рубероидом, то ли еще чем-то.

Придирчивый читатель может не без ехидства спросить: а не забыл ли я про такую небольшую деталь, как труба? Но в том-то и дело, что никакой трубы нашей бане не полагалось. Наша баня топилась по-черному: дым выходил не в трубу, а в дверь. Не знаю уж, почему баня была именно такой (вероятнее всего, такую оказалось проще соорудить), знаю лишь, что популярностью в округе она пользовалась чрезвычайной. От желающих посетить баню отбоя не было. Вполне возможно, впрочем, что причина крылась не в каких-то особых ее достоинствах, а в том, что большинство наших соседей и такой не имели.

Банный день зимой — целое событие. В субботу после обеда мать затапливает баню березовыми поленьями. Мы, ребятишки, заняты подвозкой воды. Надо наполнить кадушку, в которой не меньше четырех-пяти фляг, затем трехведерный бак для холодной воды, почти такой же — для особо горячей... Нужен еще и резерв... В перерывах между поездками (воду возили из колонки) каждый раз проверяем, как горит печь. Поначалу дрова занимаются неохотно, в настывшей за неделю бане полно дыма, несусветный холод. Но мало-помалу огонь набирает силу, и вот уже дым весело валит из двери, стелется по заснеженному огороду.

Часа три топится баня, прежде чем мать, лично убедившись в том, что печь прогорела, а оставшиеся в ней угли уже не испускают голубоватого свечения, бросает призывной клич:

– Ну что, архаровцы, кто в первый пар?

Первый пар – не для слабаков. Обычно это привилегия отца. Иногда он берет меня с собой, и я этим горжусь. Мать вручает нам по стопке чистого выглаженного белья, по полотенцу, и мы отправляемся... Я – в валенках на босу ногу, в трусах и в пальтишке на голое тело – бегом не замерзну.

И вот баня принимает нас в свое разгоряченное чрево. Все в ней дышит сухим зноем с ароматом дымка, берёзового веника, раскалённых камней, горячего дерева... Воздух так напоен зноем, что кажется густым, осязаемым; кажется, его можно потрогать руками. Сразу опалает уши, перехватывает дыхание, ощущение – вот-вот затрещат волосы. Не выдерживая, я тут же присаживаюсь на пол – тут хоть дышать можно.

Отец, довольно покряхтывая, доводит до кондиции берёзовый веник, обдавая его в тазу кипятком и держа затем в горячей воде. Потом он не спеша взбирается на полок и, полежав недолго, начинает легонько охаживать себя веником – грудь, плечи, спину... Моя задача – быть наготове, чтобы в нужный момент поддать жару. Я уже зачерпнул ковшик горячей воды и жду сигнала, по-прежнему сидя на полу. Мне жарко, но я креплюсь – нельзя показывать слабость.

– Давай полковника! – командует отец. Я, чуть-чуть привстав, плескаю из ковшика на раскалённую каменку. Она как будто взрывается в ответ, и я сразу бросаюсь на пол, чтобы не изжариться заживо в этой встречной волне, заполняющей все

уголки небольшой бани. Впрочем, волна достаёт меня и на полу, поэтому я опускаю лицо в таз с холодной водой.

Чувствую, и отца, однако, достало: веник утих, а с полка доносится протяжное: «А-а-а-а...» Впрочем, это продолжается всего несколько мгновений, потом слышу веник: сперва шуршание, потом легкое похлопывание и, наконец, настоящий хлест... Затем снова следует команда «поддать», и я опять плескаю из ковшика на каменку, которая огрызается не менее злобно, чем в первый раз; и баня вновь наполняется невыносимым жаром. А отцу теперь вообще хоть бы что: правда, он парится лежа, но хлещет себя еще неистовей.

Успокаивается он лишь после того, как я поддаю в третий раз. Слизит с полка, голышом выходит на улицу и с минуту упоенно катается по снегу в огороде. Я с опаской наблюдаю за ним через едва приоткрытую дверь и вижу, что эта процедура доставляет ему неопишуемое удовольствие.

После купания в снегу отец отдыхает несколько минут в предбаннике, а затем вновь забирается на полок... И все повторяется снова. Правда, жар, как мне кажется, становится помягче, и каменка уже не взрывается в ответ на мои «подавания», а недовольно фыркает...

Наступает мой черед париться. Поскольку сам я этого пока не умею делать, отец укладывает меня на полок и устраивает веником «легкую экзекуцию». Сначала я терплю, потом начинаю орать благим матом, что на него никак не действует, и я получаю свою дозу здоровья с известной долей принуждения.

Зато потом мне тоже позволено недолго постоять в предбаннике и самому ощутить, с какой бла-

годарностью принимает разгорячённое тело столь желанную прохладу. Эту телесную радость, это непередаваемое блаженство в состоянии оценить лишь тот, кто его пережил.

Моемся мы с отцом наскоро, без малейшего усердия. Наши расслабленные, напоенные легкой, приятной усталостью тела требуют покоя и отдыха.

Память

Давно живя в Казахстане, мать много лет чай пьет только с молоком, любит топленое масло по-казахски, другие казахские блюда, включая бешбармак, который и сама готовит не хуже казашки. Но при этом не любит в бешбармаке баранью голову.

Тут своя история.

Когда в голодную послевоенную пору умерла сестра матери, поминать ее было нечем. Поминальный обед сделали из бараньих голов, которые в Сибири, где тогда жили отец с матерью, отродясь не ели. Вот с тех самых пор мать их терпеть не может — даже как неприменный атрибут бешбармака.

На базар, в Купино

Когда отец с матерью поженились, у них не было ни своего жилья, ни имущества, ни даже вещей — почти ничего. Зато какое-то время спустя у них появился велосипед — редкое по тем послевоенным временам транспортное средство. На нем они иногда по воскресеньям ездили из их родной деревеньки Чубаровки на базар в Купино.

Ехали – так: отец доезжал до макушки гривы (так здесь называют возвышенную часть складок местности) – чтобы матери видно было оставленный им велосипед – и дальше шел пешком. Мать доходила до велосипеда, садилась и ехала вперед, обгоняя отца... Затем оставляла велосипед ему... Так они, меняясь по нескольку раз, за час с небольшим преодолевали восемь километров, разделявших Чубаровку и Купино. А уже по самому Купино шли вместе – отец просто вел велосипед.

Не знаю почему, но мне за этим нехитрым способом передвижения видится теперь нечто значительное, высокое, романтическое...

Куда потом все это подевалось?

Как отец заговорил

Рассказывают, что мой отец не говорил до пяти лет. И начал – сразу с мата.

Жаль, не у кого теперь спросить: может быть, до тех пор ему просто нечего было сказать окружающим, а тут что-то переполнило чашу его терпения?

Но, говорила бабушка, радость в доме по поводу прорезавшегося у отца голоса была столь велика, что никто особо и не обратил внимания на то, что именно он сказал.

Запах картошки

Мы жили бедновато. Как-то случилось, что у нас не хватило картошки до нового урожая, а купить, наверное, было не у кого, а, скорее, не на что. И вот к нам пришли гости и принесли с собой картошку, стали ее варить. К столу, когда в доме были гости, нам, детям, подходить запрещалось.

Мы жили небогато, но никогда не голодали. И все равно я до сих пор помню, как пахла та картошка, которую принесли гости и варили у нас дома. Мне казалось, что я не знал запаха лучше этого.

Картошки в тот раз нам не досталось. А запах помню. И картошку люблю во всех видах.

Спальное место

Когда к нам неожиданно приезжали гости, и надо было как-то всех разместить, для кого-то из нас, детей, мать сооружала совершенно необычное ложе из трех-четырех стульев... Их придвигали к теплой задней стенке русской печки, выходящей в зал, — так что спинки образовывали что-то вроде загородки. Затем мать застилала стулья какими-то фуфайками, старыми пальто и получалось восхитительное ложе — мы едва не дрались за право спать именно здесь.

Ножик

(Кое-что о педагогике)

Не помню точно, сколько мне было лет — наверное, семь-восемь, не больше. Я был в доме у друзей моих родителей — дяди Саши и тети Тоси Агеевых, оказался в комнате один и вдруг увидел ножик, вернее, ножичек. Это был не простой ножичек с одним лезвием, нет, их было два — большое и маленькое, а еще пило и открывашка для консервов. Он был не плоский и не толстый и так хорошо, ладно ложился в руку, ласкал и охлаждал ладошку... Никогда еще я не видел таких ножиков, у меня учащенно билось сердце... А что если я возьму его? Может, никто и не заметит... А может, он им во-

обще не нужен – иначе почему лежит просто так? Нет никаких сил положить ножичек на место. Я возьму его... На время... Поношу, поиграю, а потом принесу и положу обратно...

Я взял ножик, запросился домой. «Ты же только пришёл, – сказала тетя Тося, – куда спешить?!» – «Мне надо домой», – тихо сказал я и испугался: а вдруг она поймет, спросит: «Что это у тебя в кармане?» И я ушел.

Дома никак не мог найти укромное место, чтобы получше рассмотреть свою добычу. Восторг, радость куда-то улетучились... Ножичек теперь доставлял мне беспокойство. Спрятать бы его! Но куда? А вдруг найдут? Казалось, ножик вот-вот прожжёт мой карман.

– Ты что такой взъерошенный? – спросила мать, – не заболел?

Я вяло помотал головой, отвёл глаза.

– Что с тобой? Почему у тебя рука в кармане? Что у тебя там?

Я непроизвольно вытащил руку – вместе с ножиком.

– Откуда это у тебя?

– Нашёл...

– Где?

Я больше не мог носить в себе свою страшную тайну и, опустив голову, выдавил:

– У Агеевых...

Она все поняла. Не было никаких трёпок, хотя по этой части мать была очень быстра на руку, ни даже внушений. Мне было велено пойти и отдать ножик, сказать, что случайно положил в карман и забыл... Что я и сделал.

Потом я еще «находил» авторучку. Верхняя часть корпуса у нее отвинчивалась, открывая пи-

петку, которой закачивались внутрь чернила. Это было нечто фантастическое — я опять не устоял. В доме у нас таких вещей отродясь не было, и мать меня опять застучала. И снова не наказала, а велела вернуть.

С тех пор — как бабка отшептала...

Но к хорошим ножикам и авторучкам я до сих пор равнодушен.

У Поминовых и зола горит

Одно время мои жена с сыном жили в деревне у моей матери. Как-то ей пришлось отлучиться на целый день, и, поскольку дело было зимой, она наказала моему старшему брату Шурке, также гостившему в родительском доме, к вечеру затопить печь.

Мать уехала, брат ушел встречаться с друзьями, жена с сыном остались дома. К сумеркам матери все еще не было, в доме похолодало и, когда пришёл брат, слегка навеселе, моя жена напомнила ему про печь.

— Ну что ж, затопим, — согласился брат и, открыв дверцу, стал совать туда припасенные загодя для растопки дрова. Тут же, у печи, стояло готовое ведро с углем и второе, пустое, для золы.

Жена имела неосторожность подсказать брату, что неплохо бы для начала выгрузить из печи золу (мать не раз жаловалась ей на качество угля, в котором было до половины золы).

Но брат находился в состоянии, отнюдь не способствующем принятию чьих бы то ни было советов.

— Ничего, — с достоинством заметил он, — у Поминовых и зола горит.

Когда дрова занялись, он, сняв с плиты чугунные кружки, вывалил сверху ведро угля, и через несколько минут печь погасла. Пришлось выгребать все вместе: уголь, полуобгоревшие поленья, золу. За этим занятием и застала брата как раз погодившаяся, к счастью, мать.

– Вот видишь, потухло... – сконфуженно оправдывался он...

...Теперь в своих спорах с братом, когда он чуть-чуть «подпускает», я ему ехидно напоминаю:

– Ну, да, конечно: у Поминовых и зола горит...

Не говори красиво

Заспорили как-то дома о самых главных изобретениях, известных человечеству. Называли электричество и паровоз, космический корабль и компьютер и еще много чего.

Я сказал:

– Если бы человек не был так высокомерен и смог на самом деле всерьез задуматься о сути вещей, он бы навсегда онемел перед чудесами, которые творит сама природа...

– А по существу? – ехидно спросил средний сын Димка.

– Представьте себе: из черной-черной земли вырастают зеленый огурец и красный помидор, яблоко с горошину и с небольшую дыню...

Тут бы мне и остановиться, но меня неудержимо несло:

– А сама дыня, а морковка, а картошка и хлеб, дерево и цветок...

– Хлеб? Из черной-черной земли? – невинно переспросил старший сын Данька.

Теперь, как только я начинаю в их присутствии изъясняться витиевато или торжественно, тут же следует неизменное:

– Ну, да... Когда из черной-черной земли...

А ведь я был тогда прав. Мне всего и надо-то было – вовремя остановиться.

У нас в семье все первые

Собравшись все вместе на 70-летие матери, мы вдруг затеяли шуточный спор о том, кто из нас, ее детей и внуков, достиг в жизни большего. И, оказалось, все мы – первые.

Я первым из семьи поступил в университет.

Старший брат Шурка, первый из всех Поминовых (а теперь, надо полагать, и последний), кто закончил высшую партийную школу.

Младший брат Петька не без гордости подчеркнул, что он учился в двух университетах и одном институте, который один стоит этих двух университетов. К тому же Петька у нас первый кандидат наук и доцент.

Сестра Наталья – единственная из всех – закончила институт заочно.

Ее дочь Лариска – единственная получила университетское образование на инязе, и теперь за просто шпарит по-немецки.

Мой сын Данька – один из всех нас – поступил в технический университет (мы все – гуманитарии) и единственный из всех, кто бросил учебу. Потом, правда, доучился, получив профессию экономиста – опять же пока единственный.

И, наконец, всех переплюнул мой средний сын Димка, сдав экзамены сразу в три российских уни-

верситета (теперь и такое возможно). Один – Томский, и два Омских.

Хорошо бы, сказали мы ему, если бы ты хоть один из них закончил. К счастью, это произошло, и теперь у нас в семье есть и первый дипломированный специалист по информатике.

Теперь слово за младшим, Пашкой. Впрочем, и у него уже есть козырь – выдержав тестовые проверки, он учится в школе-лицее для одарённых детей.

То ли еще будет!

(2000 г.)

Искусство виноделия, или Прерванный полёт

У нас на даче растёт черный полудикий виноград. Для еды он не очень годится, а вино из него делать можно.

Этим и решил заняться в девятом классе Димка. Расклеил по городу объявления – искал двадцатилитровую бутылку; нашёл; собирал виноград, давил; дальше все делал строго по науке – выводил из бутыли, где бродил будущий напиток богов, какие-то трубочки, неустанно следя за процессом...

Готовую продукцию разлил в разномастные бутылки и стал устраивать с друзьями дегустации.

Мы с женой и матерью решили, что этот творческий процесс требует контроля, и затарили оставшуюся продукцию в трёхлитровые банки.

Винодел был возмущён до глубины души:

– Зачем вы слили мое живое игристое вино в бездушные холодные банки?!

Проснулись мы на станции Мурза

Серебряную свадьбу мы с женой решили отметить поездкой в Алма-Ату – город нашей общей студенческой юности.

Выехали в ночь, проснувшись утром, выглянули в окно: станция Мурза.

– Проснулись мы на станции Мурза, – сказал я, – неплохое начало для путевых заметок, не правда ли?

Шурк-Юрк-Петък

В последний раз мы навещали деда Тимофея, отца матери, втроем: старший брат Шурка, я и младший, Петък.

Строговатый, не очень ласковый дед, не привыкший выставлять напоказ свои чувства, был искренне рад нашему приезду. И не скрывал этого – наверное, чувствовал, что больше с нами время ему уже не увидеться.

Иногда, желая обратиться к одному из нас, он окликал другого; поправляясь, снова ошибался, и тогда у него выходило:

– Шурк-Юрк-Петък!

Он смеялся:

– Совсем запутался с вами...

И мы смеялись: нам нравилось это наше тройное имя.

Не получилось...

Я не очень хотел, чтобы мои дети становились гуманитариями, и пытался поощрять их интерес к точным наукам и технике. Младший сын Пашка, увлечшийся радиотехникой, казалось бы, продви-

нулся в этом смысле дальше двоих своих братьев. Когда ему однажды попала в магазине радио-деталей звуковая игрушка «Соловей», которую надлежало смонтировать и спаять по прилагаемой схеме, он с энтузиазмом взялся за дело. Готовая и включённая в электросеть, она должна была имитировать пение соловья. Но когда Пашка, строго следуя инструкции, аккуратно собрал игрушку, она вдруг начала транслировать «Радио России». Случай этот так потряс его, что с техническим будущим было покончено раз и навсегда.

Жизненная позиция

Любимое выражение моей племянницы Насти в два года – НИКАДА.

- Настя, сядешь на горшок?
- Никада.

Мировая отзывчивость

На весенних каникулах Настя (11 лет), которая любит поспать, вдруг озаботилась:

- Мне край завтра надо встать в девять часов!
- Бабушка недоумевает:
- Зачем?
- «Мир» топить будут...

Это по телевидению прошла информация о затоплении в океане нашей космической станции, отработавшей свой срок.

«Звездизмы»

Так я называю цикл «блесток», каким-то образом связанных со «Звездой Прииртышья», ее журналистами и авторами, веселыми и грустными историями, которыми бывает так богата редакционная жизнь.

Неожиданное признание

Знакомый редактор областной газеты признался:

– Верить – нет, иногда ночью проснусь и думаю: твою мать, как хорошо, что бюро обкома партии больше нет.

Верю, потому что знаю: в редакторах он без малого двадцать лет.

Гонорар за... общение

Он перехватил меня в коридоре.

– Вы редактор?

– Я редактор.

– У меня к вам срочное дело.

– Пойдёмте, раз так.

В кабинете, перед тем, как сесть, он пошарил где-то за пазухой, выложил на стол пачку денег.

– Что это?

– Ваш гонорар.

– За что?

– За общение со мной!

– ???

Оказалось, Петр Павлович намеревается открыть свою собственную газету «Светило» и

хотел бы получить необходимые консультации на этот счет. Газета его будет духовной (что под этим подразумевается, он не сказал, сославшись на коммерческую тайну). Выходить она будет «по мере необходимости». На первых порах Пётр Павлович собирается пропагандировать создание региональных энергетических колец. Одно из них уже действует вокруг Павлодара. Оно сооружено по инициативе шефствующего над городом и его окрестностями Высшего Реально Действующего Разума, представителем которого и является Пётр Павлович. Энергокольцо имеет радиус 130 километров – во все стороны: начинается оно в центре земли и поднимается на определенную высоту («Чуть выше туч» – уточнил мой собеседник). Кольцо служит исключительно мирным целям, ограждая всех тех, кто в нем находится, от всевозможных вредных воздействий и продляя людям жизнь. Но состоящим на службе у Высшего Реально Действующего Разума энергомонтажникам, сооружающим такие защитные кольца, следует платить – кто сколько может. Для чего Пётр Павлович просит пока (до создания своей газеты «Светило») опубликовать его расчётный счет в банке и домашний адрес, куда можно переводить деньги. Готов он принять заявки и на создание энергетических колец для других регионов...

Закончив, Пётр Павлович напоследок поинтересовался:

Журналистами не поможете?

– Не могу – самим не хватает.

– Напрасно, – предостерег он, а потом махнул рукой: – Хотя чего там – сами потом ко мне прибегут...

Кинул взгляд на деньги, которые все так же сиротливо лежали на краю стола, деловито поинтересовался:

– Ну, а с гонораром как?

– Никак. Забирайте свои деньги.

Он еще постоял в раздумьи, вздохнул и опять засунул их куда-то за пазуху:

– Правильно. Я бы тоже не взял...

Новатор

Новый редактор был грубоват и прагматичен. Он поломал прежний распорядок дня, требовавший от сотрудников сидения на работе «от» и «до», отменил каждодневные планёрки и недельные летучки, после чего провозгласил главную задачу, стоящую перед коллективом.

– Ваши задо-часы мне не нужны. Вы – пчелы, собирайте нектар действительности, перерабатывайте и несите в редакционный улей – на полосу. Это и будет мед нашей жизни.

Всем сразу понравилось: образно, точно и очень понятно.

Разделение труда

У нашей официальной газеты разделение труда с нашими конкурентами из независимых изданий. Мы публикуем соболезнования и некрологи, а они – объявления о знакомствах «с клубничкой».

А роднит нас то, что все мы берем за эти специфические услуги деньги.

Критерий

Один мой приятель, несостоявшийся поэт, смолodu подававший большие надежды, так определял суть настоящего творчества:

– Есть в стихах романтическая дурь – есть и поэзия. А нет ее – и поэзии нет.

Прогресс

Старый журналистский волк – студенту-третьекурснику:

– А ты вырос: раньше тебя надо было переписывать, а теперь можно сокращать целыми абзацами.

Сон

Жене приснился сон. Умер один из наших сослуживцев. Он лежит в гробу, стоящем на диване в вестибюле редакции, и, слегка приподнимаясь, пожимает руку каждому входящему.

Очень на него похоже.

Аргумент

Пришёл пенсионер – бывший сотрудник редакции. Просит оказать материальную помощь в связи со смертью жены.

Аргумент у него такой:

– Жить на наши пенсии еще как-то удавалось, а вот смерть её оказалась непоправимой роскошью: хоронить не на что.

Кличка

Секретаршу шефа – худую и злющую, вечно чем-то недовольную, по имени Айша Канапьянова, сотрудники за глаза называли Анашой Конопляновой.

Возраст спелого арбуза

– Как жизнь? – интересуюсь у бывшего сотрудника редакции, несколько лет назад ушедшего на пенсию.

– А какая может быть жизнь у человека, вступившего в возраст спелого арбуза, – меланхолически замечает он, – пузо – растёт, конец – сохнет...

Знание жизни

Как-то был в командировке вместе с большим областным начальником. В одном из совхозов, как водится, у директора выпили, закусили. Он вышел проводить: благодарил за приезд, приглашал еще...

– Да, ладно, не усердствуй, – добродушно остановил его мой высокопоставленный спутник, – сам не раз встречал гостей – знаю: нет для хозяина ничего приятней, чем пыль с колёс отъезжающего начальства.

Уступка

Мы знакомы лет пятнадцать. Года три не виделись, а она все такая же хрупкая, свежая, девчонка-подросток. И, как всегда, в делах: пишет сценарии, снимает по ним фильмы, собирается в очередной раз в зарубежную командировку...

– Ну, а замуж когда?

Она не обижается – смеется.

– У меня теперь шансов много. Раньше дедушка наказывал: «Смотри – только за казаха!» Потом сделал уступку: «Пусть будет мусульманин...» Затем еще одну: «Выходи хотя бы за советского!» А буквально на днях заявил: «Пусть будет кто угодно, лишь бы не негр!» Думаю, к следующему приезду получу полную свободу выбора...

Что такое газета

Всем известно определение, данное Лениным: газета – не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор. Есть и другие: приводной ремень, подручная партии, коллективный разум, зеркало нашей жизни и т.д. и т.п... Но самое удивительное определение, которое я когда-либо слышал, сорвалось в порыве откровения с уст секретаря райкома партии в кругу единомышленников:

– Газета должна быть послушной, как любимая жена.

Результат

Знакомый представитель номенклатуры, не лишенный поэтического дара, так охарактеризовал результаты перестройки:

Опасно есть – в жратве нитраты.

Вода не водка – страшно пить.

Все небо в дырках, зад – в заплатах.

В желудке – язва, в яйцах – СПИД.

Из неизданного

К нам в редакцию пришло письмо из воинской части – со стихами. Там были и такие строчки:

Все солдаты спят на койках
И своих целуют жен.
Только я, как шут какой-то,
На посту стоять должен...

Вот такой Иерусалим... (Из читательского письма)

«...Жизнь наша протекает во тьме... Свет дают от случая к случаю... И сидим мы без телевизора, без радио, без холодильника...

Вот такой получается Иерусалим!»

(1995 г.)

Отчего происходит искажение лица (Из письма в редакцию)

«Зарплату уже полгода не дают. А за квартиру платить надо, за продукты. О здоровье и говорить нечего, дома сижу – в больницу идти без толку – там тоже денег потребуют...

А кто это все придумал?

...А ведь я не старуха, мне всего 51 год... Но вот от всех этих переживаний и получается у меня искажение лица...»

(1996 г.)

Изысканная просьба

Объявили очередную подписку на газету. Вроде и недорого, по сравнению с другими, но все равно

многим не по карману. И вот письмо в подтверждение – из села Фрументьевки Качирского района:

«Много лет я выписывала газету, и была она для меня – как свет в окошке. А теперь вот не могу – не за что... Подарите мне подписку на «Звездочку» – уж будьте настолько перпендикулярны!»

Ну можно ли отказать человеку после столь изысканной просьбы?

Деревенская валюта

Журналист нашей газеты ездил в командировку в дальний район. Привёз оттуда такую новость. В одном из сел сохранился клуб, и время от времени в нём устраивают дискотеку (фильмов в сельских клубах уже давно никто не показывает). Завклубом остался, но денег ему тоже не платят, поскольку такой должности теперь нет.

В ходу теперь разнообразная деревенская валюта. Хочешь попасть на дискотеку – неси три куриных яйца или стакан сметаны, или пять пустых бутылок...

И ходят, и носят...

(1998 г.)

"Я никогда не лебездю!"

Одно время у нас в редакции работал водитель, любивший ввернуть в свою речь что-нибудь «этакое-такое», и почти всегда попадавший из-за этого впросак.

Вот он возбужденно изъясняется с кем-то по телефону:

– Это я-то лебездю? Я вообще никогда не лебездю!

Еще в его лексиконе была «берибельда» (в смысле – белиберда) и прочие «изобретения»...

Советы тети Лели

Знакомая нашей сотрудницы, тетя Леля, поучала подружек своей дочери:

– Не бойтесь, девки, ешьте сало – сало «не толстит».

* * *

У нее же была частушка:

«Ой, бабоньки, завтра пятница:

Кто не пьет-не дает – после схватится!»

Два сапога – пара

Пришла устраиваться на работу новая секретарша. Обо всем договорились, но она не уходит, мнетя:

– Я должна вам сказать... Я на одно ухо не слышу.

– Тем более сработаемся – говорю ей. – Я на один глаз не вижу.

Замшелость

Зашёл знакомый – старый журналист. Небритый, заросший щетиной – волосы у него растут даже из ушей и носа.

Вывод

Знакомая поэтесса после просмотра очередного блока новостей по российскому телевидению выдала четверостишие:

«Два года смотрела я «Новости»,
И ясно до коликов мне,
Что нету печальнее повести,
Чем повесть о нашей стране».

Я думаю, впрочем, что то же самое можно сказать не только о России.

Командировка раньше и теперь

Раньше журналисту в командировку на село можно было ездить без денег. Встретят как дорогого гостя: накормят, напоят и спать уложат. Ничего, кстати, не требуя взамен...

Теперь времена изменились. Корреспондент нашей газеты оказалась в дальнем районе в доме у фермера. Хозяин был в отлучке, а его жена охотно рассказывала об их житье-бытье: что, мол, Бога гневить, не бедствуем, и сами себя пропитанием обеспечиваем, и на продажу остается...

Дело шло к обеду, на кухне у жены фермера все кипело-скворчало, распространяя дразнящие ароматы. Контакт с героиней был полный, да и есть, по правде сказать, хотелось – выехали-то из города затемно. Журналистка сделала вид, что собирается попрощаться.

– Уезжаете? – уточнила собеседница и тут же предложила: – А, может, сметаны у меня купите?

Журналистка от неожиданности оторопела, хозяйка же энергично настаивала: «Берите, берите, в городе такой не купите... Еще яички есть... свежие... И недорого...»

Купила гостя и сметаны, и яичек. А поскольку никакой другой перспективы поесть не просматривалось, перекусывали в машине с водителем и фотокором предусмотрительно захваченными из дома бутербродами.

Авторское самолюбие

Давно и очень точно сказано: авторы самолюбивы, как пудели.

И вот еще одно тому подтверждение.

Только что выпустивший первую книжку поэт, уже немолодой и немало повидавший человек, жаждет немедленного и всеобщего признания. Он не устает перечитывать свою книжку, и раз от раза она нравится ему все больше.

И вот, наконец, публичная оценка – рецензия в столичной газете. Правда, она посвящена сразу нескольким поэтическим сборникам... С досадой сообщая мне об этом, автор, как бы между прочим, замечает:

– Про поэта С., который пишет уже 30 лет, там всего 64 строки, а про меня – 72.

И так, мол, ясно – кто есть кто.

Логика

Были с заместителем редактора нашей газеты П.А. Побережниковым на Всесоюзном семинаре-совещании по мелиорации, который проходил в известном колхозе «30 лет Казахстана». Сам Побережников представительствовал, а мне, как молодому корреспонденту, поручил написать информацию. Дело нехитрое, я написал, споткнувшись лишь в одном месте. Семинаром руководил первый заместитель министра мелиорации и водного хозяйства СССР Полад-заде.

– Петр Арсентьевич, ясно, что Полад – это фамилия, а вот «заде» пишется с большой или с маленькой?

Побережников задумался, но лишь на мгновение.

– Его заде всегда с большой, – с непоколебимой уверенностью изрек он.

Так я и написал. И только спустя какое-то время выяснил, что эта часть фамилии пишется все же с маленькой. Но житейская логика у нас, как правило, вернее и выше любого правила, а лингвистические законы – они тоже не вечны, особенно в русском языке.

Тост

Отмечали юбилей журналиста-ветерана. Было много хвалебных слов, как всегда, не без обычного в таких случаях перебора...

Один из тостующих высказался в том смысле, что юбиляр всей своей биографией доказал: журналистика – это не профессия, а образ жизни...

Недолюбивавший этого журналиста за снобизм и себялюбие заместитель редактора Побережников, сам хорошо знавший цену журналистике, тут же взял слово и произнёс такой тост:

– Давно работая в газете,
Пришёл я к мысли таковой:
Уж если жить на этом свете –
То только жизнью половой!

* * *

Мария Григорьевна лет сорок работала у нас телегайписткой. И на всех редакционных гулянках произносила свой коронный тост:

– Дай вам Бог всего, чего хочется...

Тут Мария Григорьевна делала паузу и неизменно добавляла:

– В эту же ночь!

И странное дело: сколько раз повторялась, а не надоедало.

Магарыч

Среди наших нештатных авторов он появился недавно. Человек уже немолодой и небесталан- ный, он приносит нам свои заметки, размышления о жизни, короткие рассказы. Некоторые из них мы публикуем.

Как-то он заявляется ко мне в пухлой куртке, вроде даже раздался по бокам, и протискивается в дверь почему-то боком. Расстегивается и достает из боковых карманов пиджака по бутылке водки.

– Вы что это? – изумляюсь я. – Зачем?

– Ну, как же, – чувствуется, он не в своей тарел- ке, – гонорар вот получил... Магарыч положено ставить... Никак не привыкну: мало того, что печат- ают, так еще и деньги за это платят...

Страшная месть

Нового редактора сразу невзлюбили. И было за что – будучи сам человеком в газете случайным, он относился к журналистам свысока, считая их людьми никчемными.

Они платили ему тем же, взаимная неприязнь росла.

В день своего пятидесятилетия редактор полу- чил телеграмму: «Поздравляем юбилеем. Нетерпе- нием ожидаем встречи». И три подписи – фамилии недавно умерших сотрудников.

Форма первична

(Из советского материализма)

Эту историю мне рассказал Альходжа Мухамед- жанов, бывший редактор газеты «Сарыарка Сама- лы», ветеран журналистики.

– Дело было в Тургае, летом. Середина июля, жара под сорок градусов... Начинается заседание бюро обкома партии. И вдруг первый секретарь объявляет перерыв. Оказывается, несколько приглашенных явились на бюро без галстуков. Тут же были вызваны две или три обкомовские «дежурки» и увезли бедолаг доэкипировываться.

Это был урок «младшим товарищам» по партии на всю оставшуюся жизнь.

* * *

А вот уже из совсем недавнего прошлого:

Ельцин на совещании, набычившись: «Не так сели» – новому премьеру и его заму. Традиции невыблемы.

Земная юдоль вдохновения

Надпись на двери кабинета заведующего отделом культуры областной газеты гласила: «Не обольщайтесь!»

Она адресовалась поэтам и прозаикам, но, увы, мало кого останавливала.

Кто кому должен

Написал очерк про С.П. Шевченко – к его шестидесятилетию. Опубликовали. Через какое-то время звоню:

– Ну, как?

– Замечательно. Не могу от телефона оторваться – весь день звонят, поздравляют... – И тут же, без всякого перехода: – Так что с тебя бутылка!

– С меня-то почему? С какой стати?

– Так ты же на мне свое мастерство оттачиваешь!

Правила восточного гостеприимства

Ездили в командировку вместе с опытным журналистом, который всю жизнь проработал в Средней Азии. Изрядно проголодались и приняли приглашение молодого агронома, который показывал нам хозяйство, перекусить у него дома. Тот волновался: жена была в отъезде, хозяйничать приходится самому... Спросил, что мы предпочтем – перекусить на скорую руку или подождём, чтобы подзаправиться основательно. Вот тут-то старый газетный волк и изрёк глубокомысленное:

– Никогда не спрашивай у гостя – хочет ли он, чтобы хозяин зарезал для него курицу. Потому что гость – ишак хозяина: куда хозяин захочет, туда гость и поедет.

Не знаю, откуда он это взял, но мне запомнилось. А в тот раз хозяин сполна воспользовался своим правом, и мы у него заночевали, хотя и не планировали это.

Мягкая валюта

Муж одной нашей сотрудницы работает на мебельной фабрике. Зарплату ему не платили и вдруг выдали сразу за полгода – мягким уголком, их выпускает его же предприятие. Оценили уголок почти в тысячу долларов... Его можно было и не брать, но живых денег все равно нет и не предвидится.

Живет семья в своем доме, для уголка там места нет, да и деньги нужны позарез... И вот расклеили по городу объявление: продаётся мягкий уголок, дёшево... Потенциальные покупатели позванивают, но почему-то не берут.

Муж нашей сотрудницы сокрушается:

– Вот что значит мягкая валюта – никого не привлекает...

(1997 г.)

Побудем троечниками

Когда нам в редакции в очередной раз «выкручивают руки», заставляя писать то, что писать похорошему никак нельзя (но и отказаться бывает нельзя: журналист – существо подневольное), мы вспоминаем спасительную формулировку Геннадия Бабина: «Побудем троечниками!» То есть, напишем «раз вам надо», но без усердия, для видимости, как Бог на душу положит.

Своего рода саботаж, мелкая месть, фига в кармане...

Ошибки

Бывший редактор «Казахстанской правды» Федор Игнатов, сменивший за свою жизнь не одну редакцию, рассказывал мне, что знал курьера, который часто повторял: «Нет, ошибки в газете нужны – ошибки веселят читателя».

Не знаю – как читателя, а меня мало повеселила ошибка, которая могла стоить головы: в тексте важнейшего указа наша газета окрестила президента вместо всенародно внешнеародно избранным.

Чуть не проскочил у нас однажды заголовок «Бздительные односельчане»...

А павлодарская «Нива» вышла с очерком «Предан земле своей» – хотела прославить знатного бригадира-хлебороба и чуть ненароком не похоронила.

«Индустриальная Караганда» в честь полета в космос Валентины Терешковой выдала на первой странице шапку: «Есть 76 оборотов вокруг земли!» (имелось ввиду, разумеется, оборотов).

«Казахстанская правда» однажды едва не опубликовала такой перл: «Близится к завершению уборка кокосовых культур» (речь, ясное дело, о колосовых).

Так что, если тебя самого это не касается, или просто по прошествии времени, можно и согласиться с тем, что ошибки нужны, что ошибки весят читателя...

Я тучи разгоню руками

Готовим номер к очередному государственному празднику. Ответсеку принесли на показ фотоколлаж. На нем величественные здания столицы, индустриальный пейзаж, хлебное поле... И над всем этим весёлые облака...

— А это еще что за тучи? — хмурится ответсек. — Что вы хотите этим сказать? Так не пойдёт — сделайте ясное небо!

Философское

Один из поэтов редакции, пожелавший остаться безымянным, родил после очередной командировки на село такие строки:

«Хоть и редко посещая
Сельский дырчатый клозет,
Вижу: вот судьба какая
Политических газет!»

«Неопровержимые чувства»

Из стихов под таким заголовком, присланных в газету:

«Оля, Олечка, Оль, успокой в сердце боль,
Осознай все, пойдя мне навстречу.
Страх в себе побори, если сможешь – дозволю
Целовать твои нежные плечи.
И о том не забудь: твоя девичья грудь
От природы сильна магнетизмом...
Неуёмная страсть, чтоб губами прильнуть,
Наслаждаться твоим организмом».

* * *

Еще из стихов, поступивших в редакцию:

«И твой прощальный взгляд
с плывущего перрона
Вонзится в грудь мою под перестук колёс».

Перифразируя классика (о себе любимом)

Я снова в деревне,
Хожу за грибами,
Пишу свои «блётки» –
Живется легко...

Частушка

На введение Казахстаном своей национальной валюты – тенге – поэт Виктор Семерьянов откликнулся четверостишьем:

«Я люблю вино и бражку,
Пошататься по пурге.
А еще люблю Кульпашку,
У которой есть тенге».

Кульпаш Конырова работала у нас корреспондентом, а теперь блистает на «Хабаре».

(2000 г.)

Крамольная мысль

Он – наш коллега. Но до того испортил отношения со всеми, до того насолил каждому, что мне иногда приходит в голову такое: «Не дай Бог померёт – некролог написать будет некому, никто не возьмётся...»

Цитаты

Сыновья Димка с Пашкой, читая нашу газету, иногда потешаются надо мной. Как-то они выловили и теперь постоянно цитируют такой перл: «Тревожное ожидание весенних попусков сменилось полным удовлетворением...» Это начало материала о традиционном разливе Иртыша.

* * *

Из Лебяжинской районной газеты «Ленинский путь»: «Сенá нынче уродились богатые...»

«Заветы» Павла Ильича

С развитием ЭТЭКа – Экибастузского топливно-энергетического комплекса – быстро рос и город Экибастуз. Здесь решено было создать свою городскую газету. Не мудрствуя лукаво, назвали ее «Заветы Ильича». А редактором назначили П.И. Оноприенко – собкора «Звезды Прииртышья» по Экибастузу. И поскольку звали его Павел Ильич, газету журналисты тут же окрестили «Заветами Павла Ильича».

Буковка – копеечка!

Гонорар для него – святое.

Мне кажется, что, даже когда он пишет, в голове его все время звучит неслышимая для других музыка: «Буковка-копеечка, буковка-копеечка, буковка-копеечка...»

Эпиграмма от Азарова

Евгений Григорьевич Азаров известен павлодарцам не только как крупный руководитель, но и автор пародий, эпиграмм, дружеских шаржей. Вот одна из его удачных эпиграмм, посвященных Сергею Павловичу Шевченко:

«Создатель романов,
Любитель кеспе,
Мастистый писатель
Шевченко С.П.»

Питательно, но невкусно

Журналистка Марина Юрченко обозревала на редакционной летучке содержание газет за последние две недели. Охарактеризовала его так:

– Знаете, все у нас полезное, нужное, можно сказать, питательное как соя... Но невкусное.

Писатель – по штату

После выхода на пенсию С.П. Шевченко какое-то время подрабатывал на заводе «Октябрь» – организовывал там музей, писал книгу о предприятии.

Однажды пришёл ко мне и заявил:

– Теперь я – настоящий писатель!

И пояснил:

– Директор утвердил штатное расписание. Я в нем тоже есть, сам видел: уборщица – одна, дворник – один, писатель – один...

Этикет

У заведующей отделом писем нашей газеты З.А. Суворовой был постоянный автор в Щербактах. Материалы он слал именно ей, сопровождая их короткими личными посланиями.

Одно из них начиналось так: «Добросердечная Зоичка Алексеевна! Здравствуйте 111 лет!»

Словотворчество

Маленький Андрюшка, сын журналистки Ирины Лисовской, говорил в детстве: «Мне не нравится этот «гавнитур» (понятно, речь шла о гарнитуре). Еще он говорил «бредра», имея ввиду сразу брови, бедра и ребра, и – «черезпрыгну» – то есть, перепрыгну через лужу.

В. Колчин. Из неопубликованного

Ехал по граверу, шел по коридору, открыл фотолабораторию, поставил кофер и сказал: «Уф, чи-жало!»

О нас пишут...

Аспирантка Восточно-Казахстанского университета Ольга Кувшинникова написала научную работу «Безличные конструкции как средство художественной коммуникации» (На материале произведений Ю. Поминова).

О чем речь – убейте, не пойму. Но все равно приятно...

Посвящение

Взявшись как-то разбирать свои старые бумаги, я неожиданно для себя обнаружил в них немало посвящений. Одно из них особенно мне по душе. Написал его В. Гундарев.

«Помни, Поминов, меня
И в жару, и в злую стужу,
И когда я занедужу,
Не вина и не кляня,
Помни, Поминов, меня.

Помни, Поминов, меня
И когда я стопку выпью,
Стану лебедем иль выпью –
На заре ль, к исходу дня –
Помни, Поминов, меня!

Помни, Поминов, меня
И когда с похмелья буду,
Перебью с утра посуду
И не сяду на коня...
Помни, Поминов, меня.

Помни, Поминов, меня!
И когда уйду я – тоже.
(Все в твоей мы власти, Боже!) –
Память о былом храня,
Помни, Поминов, меня!»

Писал Владимир Романович вроде шутя, а после его неожиданной кончины, эти строки читаются совсем иначе...

Вердикт

Бывший кегэбэшник рассказывал мне, как его контора сначала хотела завербовать в качестве сексота одного из местных журналистов, а потом вынуждена были отказаться от этой затеи.

Причина?

— После первых же обстоятельных бесед выяснилось — предан советской власти... до глупости.

Что такое групповой тост?

Был приём в честь делегации Мангистаусской области, приехавшей в нашу Павлодарскую область устанавливать деловые и прочие контакты.

Когда слово для тоста в составе группы из нескольких человек предоставили редактору областной газеты из Мангистау Вове (это фамилия), он решительно воспротивился, заявив прямо в микрофон:

— Ну, групповой секс — это я еще могу понять, а групповой тост... Это как — хором, что ли?

Тютюшки-люлюшки

Так называл журналист нашей газеты Владимир Воронов байки, шутки, прибаутки. Но это могло относиться и к пустопорожнему газетному материалу, в котором преобладали словеса, а не суть дела.

Баня – не паровоз!

Обсуждаем на редколлегии журналиста. Мало дает материалов, не бывает в командировках, не работает с авторами, не выдвигает интересных идей...

В ответ на последнее замечание замредактора Виктор Семерьянов решительно возражает:

– Ну, это уж слишком! Нельзя же ругать баню за то, что она не паровоз!

Проглядели!

(Тоталитарное мышление)

Пришёл на приём пожилой казах-фронтовик, принёс свои воспоминания о войне. Я бегло просмотрел, сказал, что опубликуем. Вроде пора прощаться, а он не уходит, делится своими мыслями о последних событиях глобального масштаба.

– Нет, что бы ни говорили, а при Союзе лучше было... Страна была – весь мир считался. И людям лучше жилось...

И вдруг, без всякого перехода, в лоб:

– Ну как же наш КГБ Горбачева проглядел? Как мог допустить на должность – он же враг народа!

Подумал, вздохнул:

– Да, при Союзе лучше было. Но как-то надо жить. Живет же маленькое государство имени Розы Люксембург... Независимое... И нашему Казахстану надо как-то жить, учиться...

Попрощался и пошёл, но от самой двери вернулся. Смущенно:

– А можно, я привет передам?

– Как, кому?

– Ну, через газету – знакомым, однополчанам – мол, живой, здоровый.

– Хорошо, сделаем приписку к вашим заметкам.

Просиял:

– Вот спасибо. Я переживал: вроде, неудобно...

Может, из-за «привета» и приходил? Вот тебе и Роза Люксембург.

(1995 г.)

Из писем в редакцию:

Ярко горит звездарий молодых дарований в нашей школе для одарённых детей...

* * *

Или возьмём, к примеру, Австралию – страну овц...

* * *

В Иртышском районе началась жеребьёвка кобыл.

* * *

И вот, не успела я отклематься от первого брака, как на мой моральный облик стал покушаться этот преподобный Коля.

* * *

Поскольку я до сих пор не женат, мне поневоле приходится иметь дело с посторонними женщинами...

* * *

Журналистка Ж. набросилась с видеокамерой на следователя, после чего ей пришлось оказывать медицинскую помощь.

* * *

Успешно работают по линии наркобизнеса сотрудники нашего УВД.

* * *

Вот и муж мой всё время говорит: «Ты как человек такая умная, а как женщина такая дура!».

* * *

Из-за этой самой гололедицы (имеется в виду гололедица. – Ю.П.) я временно потеряла дееспособность – сломала правую верхнюю конечность.

* * *

И несёт он эту свою мудрость по жизни, как, Господи прости, грыжу...

* * *

Она мне стала за эти годы как мать, поэтому я решил её уматерить. Почему же мне отказывают в этом?

* * *

Гори, пылай, ристалище любви! (из стихотворения, присланного в редакцию).

* * *

Это не сливки КПСС, а её мёртвый осадок... Вот кто такие нынешние коммунисты...

Редакционные были

Почти всю жизнь проработавшая в редакции теле-тайписткой, Несип Айтымова говорила о себе так:

– Из газеты я ушла вместе с телетайпом...

И выговаривала нашему компьютерщику Володе Митрофанову, что это он лишил её работы.

* * *

Присказка П.А. Побережникова:

– Русская речь без мата – что щи без томата.

* * *

Один из журналистов нашей газеты прославился в советские времена тем, что имел выговор за обман партии. Обещал на партийном собрании больше не пить, и не сдержал слова. И секретарь парторганизации настоял именно на такой формулировке.

* * *

Собираю необычные заголовки. Вот, например: «Ночью на директриссе» (директрисса – полигон для ночных стрельб). Или вот ещё: «Предан землёй своей» (о бригадире-ветеране, который, к счастью, жив).

Или вот: «Могила Ленина – колыбель всего человечества» (речь – о мавзолее).

Или такое: «шапка» в многотиражной газете сталелитейного завода: «Сталевары! Ваша сила – в плавках!».

А это «шапка» в многотиражной газете Дальневосточного морского порта: «Путина началась! Всех коммунистов – в море!».

* * *

Редактор «ЗП» С.П. Шевченко и директор телецентра О.Ф. Лебедев много лет дружили. Как-то оказались вместе в командировке в одном из сибирских городов. Вечером поужинали в ресторане и, «уже хорошие», решили прогуляться. На мосту порывом ветра у Олега Фёдоровича сорвало шляпу, которая упала в реку. Он всё сокрушался: и шляпа эта ему нравилась, и подарок к тому же...

– Да не переживай ты так, – сказал Сергей Павлович, – смотри!

Снял свою шляпу и швырнул её с моста в реку.

Так у них появился повод выпить ещё раз – за настоящую дружбу!

* * *

Виталий Данилович Ступак после перехода из «Звезды Прииртышья» собкором в «Казахстанскую правду» жаловался:

– Это всё равно, что с двухспальной кровати перебраться на раскладушку.

В «ЗП» не ограничивали размеры материалов писучего В.Д., а в «Казправде» собкоров по этой части прижимали.

* * *

Два журналиста «ЗП» вместе ездили в командировку. Один «отстрелялся» быстро, а другой беседовал с будущим героем долго. И объяснил почему: очень уж нестандартная у него по советским временам биография – родная его мать оказалась в Америке и теперь ещё там живёт.

– Неужели писать будешь? – не поверил собрат по профессии, поскольку времена были партийно-строгие.

– Буду, и заголовок уже придумал – «Мама из Чикаго».

– Плохо, – резюмировал коллега, – назови лучше «Не пропал без матери мальчонка...».

Так это было...

Просьба

Ночью позвонил университетский друг. Мы много лет не виделись, и вот неожиданный междугородный звонок.

– Ну, как ты? – громким шепотом (все мои уже спят) спрашиваю в телефонную трубку.

– Теперь уже лучше, – неопределенно отвечает он и, чуть помолчав, добавляет: – Вообще-то у меня к тебе есть просьба... Давай споем «Последний троллейбус»?

Мне неудобно объяснять ему, что семья уже спит, и... отказывать неудобно.

– Может, ты сам споешь, а я послушаю, – выдвигаю встречное предложение.

– Да нет, надо вместе... Но если ты не хочешь или не можешь...

– Ну, почему же, – отвечаю бодро, – надо – так надо... Я готов!

И мы, разделённые двумя тысячами километров, заводим речитативом нашу любимую университетскую:

Когда мне невмочь пересилить беду,
Когда подступает отчаянье,
Я в синий троллейбус сажусь на ходу –
Последний, случайный...

Мы путаем слова и куплеты, но все же общими усилиями доводим песню до конца. Мне хочется расспросить, что же у него случилось, но он говорит «спасибо» и кладет трубку.

Потом я долго лежу и думаю: что же там у него все-таки произошло?

Что в имени тебе моем?

Каких только имен не придумывают люди в честь чего бы то и кого бы то ни было!

Я, например, знал Революда (революционное дитя), Вилена (Владимир Ильич Ленин), Вилора (Владимир Ильич Ленин – организатор революции), Марлену и Марлена (Маркс-Ленин), Сталину (женское имя с ударением на «и»), Гертруду (Герой труда), Мэлса (Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин), Элика (от слова электрификация)...

Живут в Павлодаре Правда и Пипкаврох. Первая названа в честь газеты «Правда», а имя второго расшифровывается так: «Памяти Исторической Победы Красной Армии В Районе Озера Хасан». Есть имя Персострат, что означает «Первый Советский Стратостат».

Среди казахских имен встречаются Армия, Октябрь, Тельман, Маркс, Энгельс, Совет. Рассказывали мне про братьев-близнецов с именами Социал и Демократ и даже про человека по имени Тракторбай...

Время такое было? Наверное, и так. Но вот читаю в одной из газет: родители наградили свою дочь именем Россия... А мой земляк из Железинского района назвал свое крестьянское хозяйство «ВИМель-2030». Что это означает? Владимир Иванович Мельник, а число – дата из Стратегии Президента – «Казахстан – 2030».

Дух и тело

Как-то я приехал в Ленинград в гости к брату Петру, аспиранту-филологу. Дело было в разгар перестройки, и он чуть не с вокзала потащил меня на писательскую конференцию, обсуждавшую нрав-

ственные аспекты очередного переломного периода нашей истории. Какие-то нормы приличий во взаимоотношениях писателей тогда еще сохранялись, хотя разделение на два противоборствующих лагеря уже явно наметилось. При всем при том редактор «Молодой гвардии» Анатолий Иванов был еще в силе, а Олег Попцов – пока нет, никто и предположить не мог, что он станет сподвижником первого российского президента, основателем Российского телевидения... Были там, конечно, и другие литераторы, этих же я назвал лишь потому, что тогда они представляли, скажем так, два разных идеологических крыла российской словесности.

Конференция шла себе ни шатко ни валко, пока слово не предоставили Вениамину Каверину. Каверин был настолько стар и немощен, что почти не мог самостоятельно передвигаться. На сцену, к трибуне, его буквально под руки вывели два каких-то молодых человека. Но речь, которую он произнес, была прекрасной – безукоризненной по форме, язвительной по содержанию, емкой. О том, что она достигает цели, было видно по тому, как наливаются краской Анатолий Иванов, побагровела даже шея. При этом Каверин был абсолютно в рамках приличия, он не произнес ни одной оскорбительной фразы.

Закончив выступление, Каверин свернул свои листки, опустил их в карман и, отступив буквально на полшага от трибуны, стал беспомощно оглядываться по сторонам – у него не было уверенности в том, что он сам сможет добраться до своего места в зале. Ему опять помогли.

Мне потом не раз приходилось встречать людей такого рода: тело их уже почти умерло, а дух, со-

знание оставались могучими, ясными, продолжая действовать, несмотря ни на что.

Сила воли

Мне посчастливилось знать немало волевых людей. Это качество в них проявлялось по-разному.

Один из моих знакомых, страстный путешественник, казался, задался целью выяснить: а есть ли вообще предел человеческим возможностям? С группой таких же, как он, энтузиастов сплавлился на байдарках по Иртышу от самых его верховий до Оби, а по ней — до Ледовитого океана; проделывал зимой путь на лыжах от Усть-Каменогорска до Москвы и от Северной земли до Северного полюса — тоже своим ходом, на лыжах. Летом ходил пешком через пустыню... И он был глубоко убежден, что в критические минуты жизни, когда, казалось бы, все ресурсы организма исчерпаны, человек в состоянии преодолеть себя — усилием воли. Именно этим усилием, говорил он, преодолевались иные участки пути в его многочисленных путешествиях.

Но поразительно другое. Не эти неоднократные преодоления собственных возможностей, а один-единственный случай из детства считает он самым главным проявлением силы воли в своей жизни.

Я постарался записать его рассказ почти дословно.

— Самое яркое, самое сильное из ощущений, сохранившихся у меня с детства, — это ощущение голода. Тогда мало кто жил сытно, а наша семья, оставшаяся без отца, была вечно голодной. И это ощущение — голодного, сосущего пустоту желудка, жило во мне ежечасно — я даже во сне хотел есть.

Понять это состояние может лишь тот, кто сам когда-нибудь долго, постоянно недоедал.

И вот как-то раз – мне было лет тринадцать – поехал с деревенскими мужиками разгружать баржу. И заработал сразу четвертак – старыми, конечно. С мужиками же зашёл в какую-то забегаловку. Они пили водку и пиво, а я ел. Я ел так, будто хотел наесться не только за все то время, когда недоедал, но и на всю оставшуюся жизнь – впрок.

Конечно же, я объелся и меня стало тошнить. И мысль о том, что я вот так запросто могу лишиться того, чем столько лет был обделён, показалась мне настолько чудовищно несправедливой, что я чуть не заплакал. И сказал себе: ну нет, уж лучше пускай умру сытым, но удержу все это богатство в себе.

И удержал – не вырвал. Правда, с тех пор не перешел на блинов с повидлом: я их тогда ел последними и умял штук двадцать – не меньше...

...Любопытно, что в еде этой мой знакомый был очень умерен и к тому же весьма неприхотлив к ней.

Реабилитация

В одном из многочисленных лагерей печально известного Карлага отбывал десятилетний срок талантливый агроном-садовод. До отсидки он был директором опытно-садоводческого хозяйства, успел защитить диссертацию. Каким-то образом ему удалось уговорить начальника лагеря завести садово-огородное хозяйство. Под него отвели несколько соток, обнесли колючей проволокой, зек-агроном вырыл себе землянку и месяцев восемь в году там и жил: снабжал лагерную администра-

цию свежими овощами, ягодами – малиной, смородиной, вишней, проводил какие-то опыты, что-то записывал...

Политикой он никогда не интересовался, случившееся с ним считал чистейшим недоразумением, верил, что в его деле разберутся, и он вернется домой, в Крым, в свое опытное хозяйство. Но год шел за годом, ничего не менялось, и он начал свыкаться со своим новым положением. К тому же он задался целью вывести засухоустойчивый сорт степной вишни и, кажется, что-то ему удавалось. Любимое дело спасало от тягостных мыслей в неволе, да и просто позволяло выжить.

В лагере к нему относились как к немножко помешанному – небрежно и снисходительно. Его и это устраивало – лишь бы не мешали.

Когда его первый «законный» срок закончился, автоматически получил новую «пятерку». Он не удивился и не расстроился, ведь в его жизни ничего не изменилось, а цель – заветный сорт – все еще не была достигнута.

А однажды агронома пригласили к начальнику лагеря, и тот сообщил о его полной реабилитации и вручил целый ворох денег – все заработанное за без малого пятнадцать лет... И эта будничность столь запоздалой справедливости так потрясла его заледенелую душу, что в ту же ночь агроном пытался повеситься на единственном дереве, которое росло на его огороде – яблоне-дичке. Но кто-то из охранников случайно оказался неподалеку, поднял шум и агронома спасли...

На родину он так и не вернулся. Оставшуюся жизнь доживал рядом с местами, где отбывал срок. Выпустил небольшую брошюру о своих опытах со степной засухоустойчивой вишней. Брошю-

ра была замечена в Москве, специализированный ученый совет счел возможным присвоить автору ученую степень доктора сельскохозяйственных наук. Без защиты диссертации.

Секрет министерского долголетия

Ефим Славский в общей сложности почти тридцать лет руководил важнейшим, суперсекретным ведомством – министерством так называемого среднего машиностроения. Это был человек-легенда, трижды Герой Социалистического Труда, большой ученый, лауреат Ленинской и Государственных премий. Ему было уже под 90 лет, а он – сухой, жилистый старик, все руководил своим секретным министерством.

В одну из поездок на Мангышлак, где «среднее машиностроение» добывало руду на урановых рудниках, он поделился в дружеском застолье секретом своего служебного долголетия.

– Я ведь на своем посту уже с четвертым главой правительства работаю. И козырь у меня всякий раз один: перед каждым переутверждением министров пишу Предсовмина на себя анонимку. Так, мол, и так, до каких пор будете держать в правительстве этого старого козла: ему уже за восемьдесят лет, а он до сих пор шастает по бабам, в родном министерстве у него две или три любовницы...

Как знать – может, в умении пошутить над собой и над серой обыденностью – и в самом деле один из секретов любого долголетия?

Из жизни З.Т. Набойченко
Оплошка

Захар Тарасович происходил из запорожских казачков, чем ужасно гордился. Голову брил наголо, а усы, наоборот, носил невероятных размеров. Ходил в галифе и френче сталинского покроя — даже тогда, когда они совсем вышли из моды. И всегда и всюду за председателем колхоза следовал помощник, готовый выполнить любое его поручение.

...Послепраздничное утро. Набойченко с горем пополам провел утренний наряд и теперь мучается с похмелья головной болью.

— Мыкола, — обращается он к верному спутнику жизни.

— Га? — тот тоже украинец.

— У нас там от рябых быкив ничего нэ висталось?

— Та воткуда ж, Захар Тарасович? — сокрушено разводит руками помощник, — ти гроши давно уси...

Речь идет о деньгах, полученных за проданную с полгода назад пару колхозных быков, которые непонятно для каких надобностей были закреплены за председателем. Часть суммы Захар Тарасович оставил на «представительские» цели («Для устричь уполномоченных и начальства», — доступно разъяснил он помощнику, передавая ему ее для хранения). Но в экстренных случаях председатель не считал зазорным попользоваться заначкой и для собственных нужд — обычно исключительно «для поправки».

Набойченко с шумом втягивает в себя воздух, шевелит вислыми усами:

— Так найди ж чого-нибудь, Мыкола, ну никакой ж мочи нэма... Дома тэбэ ждать буду...

Спустя какое-то время Мыкола легкой рысцой устремляется к председательскому дому. Спрятанные за отворотом полушубка две бутылки водки, взятые в долг у продавщицы, греют ему душу. В темных сенях помощник, заслышав голос хозяйки, второпях сует бутылки в стоящую за дверью кадку... «Председателява жинка» весьма критически относится к мужниной слабости по части спиртного. И помощник знает это – сам не раз попадал ей под горячую руку.

– Чого ты, Мыкола? – притворно удивляется Набойченко, когда тот появляется на пороге.

– Та с райкома звонили, Захар Тарасович...

– И шо? – по инерции спрашивает Набойченко.

– Та за работу хвалить...

– Га-а, – удовлетворенно тянет Набойченко и с укоризной глядит на жену: видишь, мол...

– А в чем это у тебя руки, Николай? – вдруг живо интересуется та, – ну-ка, ну-ка – к свету...

– А в чем, – не понимает Мыкола, хотя рукава его полушубка в муке – не заметил, как вымазал, пряча бутылки в кадку с мукой.

– Ах ты ж паразит, – жена председателя орлицей бросается в сени и тут же возвращается с вещественными доказательствами, – а ну геть из дому и чтоб ноги твоей тут не было!...

... «Поправляется» в этот день Захар Тарасович исключительно огуречным рассолом.

Конфликт

В колхоз к Набойченко прислали уполномоченного – его давнего знакомого. Сперва Захар Тарасович его ублажал, но тот повел себя заносчиво, всюду совал нос, давал указания. И Набойченко вспылил:

– Да что ты тут раскомандовався?... Колотится, понимаешь, как хрен в жите, и я за ним!

Тот кровно обиделся и поехал в райком жаловаться. Первый секретарь вызвал Набойченко. Пригласили уполномоченного. Тот воспроизвести оскорбление дословно наотрез отказался – пусть, мол, председатель сам скажет.

Набойченко сказал.

– Как-как? – оживился первый секретарь. – Как хрен в жите? Ха-ха-ха! Ну, молодец, развеселил – первый раз такое слышу...

Взглянул на кислую физиономию уполномоченного и поправился:

– Нельзя так, Набойченко, нехорошо, – немного подумал и добавил, – вы вот что – идите в буфет, возьмите бутылку коньяка да помиритесь... Набойченко, если буфетчица откажет, скажи – я решил...

Восток – дело тонкое (Из воспоминаний журналиста-ветерана)

– В Казахстан я приехал в начале шестидесятых годов из Вятки. Решил, что засиделся, захотелось новых ощущений. А тут – целина, большое строительство. Сразу взяли в областную газету. И вот – первая командировка. Получил командировочные, как сейчас помню, 28 рублей, зашёл к редактору. И он мне говорит:

– Ты вот что имей в виду: район этот дальний, своеобразный, население большей частью казахское. Мы туда нечасто выезжаем, так что не спеши обратно – поживи с недельку, присмотришь. Будут где приглашать чаю попить – не вздумай отказываться – народ обидишь.

Ну, я поехал. Вернулся дней через десять. Наказ редактора выполнял неукоснительно – народ не обижал. Командировочные, все до копейки, привёз обратно. Вот только на мясо с неделю смотреть не мог...

Трансформация

Осень. Начало уборки. Звонок из области в район.

– Почему хлеб не косите?

– Так зеленый еще...

– Это у вас настроения зеленые, – гремит начальственный бас.

Звонок из района в совхоз.

– Почему не косите?

– Так хлеб же зеленый...

– Это директор совхоза у вас зеленый, – неистовствует телефонная трубка.

Директор совхоза вызывает по радиации бригадира:

– Когда косить начнёте?

– Так зелень же...

– Это у тебя под носом зелень... Знаешь, как она называется?

...Интересно, что говорил после своим подчиненным бригадир?

Воспитательный момент

Заседание бюро обкома партии... На повестке дня вопрос вопросов – ход хлебозаготовки. Председательствует, вернее царит, «сам» – первый секретарь Семён Дмитриевич Кулагин. Семён Дмитриевич и вообще-то крут, а тут еще дела с выполнением плана хлебосдачи идут неважно... Он мечет громы и молнии.

Другие члены бюро, сидящие с ним за одним столом, опасливо помалкивают. Провинившиеся директора совхозов и председатели колхозов, жалкой кучкой сгрудившиеся на стульях в части зала, предназначенной для приглашённых, втянули головы в плечи. Кто-то из них предназначен на заклание.

Метод Семёна Дмитриевича в таких случаях хорошо отработан, прост и доступен: надо найти наиболее злостного нарушителя партийной дисциплины, саботирующего «первую хлебоборскую заповедь», и примерно наказать – чтоб другим неповадно было. Способ многократно проверен, действует лучше всяких уговоров.

Жертва уже найдена: Дымченко, председатель одного из колхозов, при обсуждении вопроса осмелился заметить, что, может, и не стоит так спешить и везти хлеб на элеватор чуть ли не из-под комбайнов – погода стоит хорошая, можно еще успеть и очистить зерно, и подсушить...

– Ну да, ты умный, а мы тут все дураки, – следует любимый аргумент Семёна Дмитриевича, за которым обычно им самим вносится предложение об оргвыводах. Предложений у него, как правило, три: объявить строгача, снять с должности, исключить из партии. Тут случай особый – попытка усомниться в незыблемости самой линии, покушение на святая святых – первую заповедь... Отсюда и мера наказания.

– Предлагаю исключить, – голос Семёна Дмитриевича спокоен, будничен. Он знает, что его предложение будет принято, получит огласку и в следующий раз слушников не окажется.

– Семён Дмитриевич, я хочу... – порывается что-то сказать председатель-жертва.

– Потом, потом, – небрежно маплет рукой «первый», не достаивая его взглядом. – Так. Кто против? Против нет. Кто воздержался? Все ясно – исключаем.

Семён Дмитриевич обводит усталым взглядом притихший зал заседания. Он доволен произведённым эффектом. Остается завершить спектакль – поставить последнюю точку. Семён Дмитриевич и это умеет. Глядя поверх голов, он рассеяно разрешает исключенному:

– Так что ты там хотел сказать, Дымченко?

– Я беспартийный, Семён Дмитриевич.

Кулагин медленно багровеет, ловит раскрытым ртом воздух, от его царственной вальяжности не остается и следа.

– Да что же ты, мать твою, молчал! – ревет он на весь зал.

Дымченко (он и в самом деле единственный в области беспартийный председатель колхоза) невозмутимо пожимает плечами. Директора и председатели, пряча улыбки, отворачивают головы.

Воспитательный момент испорчен. Начисто.

Прорабы перестройки

Была такая рубрика в газете «Советская Россия». Престижная, популярная, единственная в своем роде. Она рассказывала о людях, ярко проявивших себя сразу после провозглашения Горбачевым нового курса, в том числе и о партийных секретарях разного ранга.

И мне, хоть и с опозданием, захотелось внести свой вклад в портретную галерею прорабов перестройки – почти десять лет я имел возможность видеть в деле трёх первых секретарей обкома партии. Я их классифицировал для себя так: Старый первый, Новый первый и Старый Новый первый.

Ветеран номенклатурного движения (Старый первый)

Так окрестит его, уже персонального пенсионера союзного значения, одна из газетных публикаций. И в самом деле: едва ли не всю сознательную жизнь Старый первый провёл в руководящем партийном кресле, постоянно и неуклонно передвигаясь вверх. Блестяще усвоив все правила системы, которой он служил, Старый первый без преувеличения стал гроссмейстером от номенклатуры. Его главными чертами были сверхосторожность и сверхневыразительность. Начав свою карьеру еще при Сталине и пережив Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, он и при Горбачеве не изменял своему важнейшему правилу: ничему не удивляться, ничего не брать близко к сердцу, никогда не отклоняться от линии... Форма для него всегда была важнее содержания.

Главное – вовремя отреагировать, обсудить, принять постановление. Заседания бюро при нём превращались в настоящие ритуалы и длились порой по восемь-девять часов. Вместе с тем он всегда предпочитал ничего не решать, если была хоть малейшая возможность этого не делать. С точки зрения здравого смысла невозможно объяснить, как мог столь заурядный серый человек так выдвинуться. С точки зрения людей, знающих секреты механизма номенклатурного передвижения, всё напротив очень просто: он верно служил системе, и она его опекала.

Без бумажки Старый первый двух слов связать не мог. Шпаргалки ему писали по всякому поводу – даже дежурные выступления на бюро. Занимаясь об авторитете шефа, работники общего отдела подчёркивали в наиболее ответственных докладах слова и выражения, которые ему следовало выделять голосом, проставляли ударения. Но это не помогало: всё и всегда он читал ровно, монотонно, без всякого выражения. Каждый раз казалось, что его совершенно не интересует то, о чём он говорит.

Его осторожность не знала границ. Так, например, любую, даже двадцатистрочную заметку в областной газете, где упоминалась его персона, он лично прочитывал перед публикацией. Кстати говоря, не припомню случая, чтобы за все годы работы он хотя бы раз в этих заметках сделал хоть какую-то поправку...

И помощников подбирал под статью себе – незаметных, не возражающих, не высывающихся. Когда он уходил на почётную персональную пенсию (по высшему разряду, утверждают знающие люди), никто ничего не смог сказать о нём – ни хорошего, ни плохого.

Прораб большого полёта (Новый первый)

Нового первого привезли к нам в разгар перестройки. Область во главе со Старым первым поотстала в этом деле, вот он и должен был «инициировать перестроечные процессы».

Преемник был молод (едва стукнуло сорок), честолюбив, уверен в себе. К тому же строить и перестраивать он умел и любил, поскольку большую часть жизни провёл на стройке: прорабом, начальником строительного управления, управляющим трестом. В последние годы строительная часть его биографии удачно дополнялась частью партийной: время от времени со стройки его бросали на партстроительство – в аппарат райкома, горкома, ЦК Компартии республики. Пока, наконец, он не оказался у нас – в области, много лет громко именуемой гигантской строительной площадкой.

Новый первый церемоний не признавал и заседания бюро вёл с прорабской прямоотой и непосредственностью. И не важно – о чём шла речь: о строительстве дорог, надоях и привесах или о перестройке народного образования – его слово всегда было решающим. Раздав всем сестрам по серьгам (а без этого не обходилось ни одно бюро), он самолично устанавливал сроки для устранения провалов и неизменно добавлял:

– Ну, а не обеспечите конечный результат, вызовем на бюро и, как говорится, «привет горячий!».

Этот «привет горячий» кочевал из выступления в выступление Нового первого и приобретал в зависимости от ситуации оттенки от поощрительно-одобрительного до обвинительно-угрожающего. Разнообразием лексикона Новый первый аудиторию не баловал, да это было и ни к чему: сам он

привык изъясняться прямо, того же требовал и от окружающих, а в узком кругу не чурался крепких выражений.

Приобщал нас к перестройке Новый первый преимущественно с помощью программ – они стали плодиться с его приходом как грибы после дождя: по строительству дорог, по оздоровлению трудящихся, по разведению рыбы, по удвоению производства молока и мяса... Последнее – отнюдь не преувеличение и не шутка: все районы и хозяйства получили соответствующие задания и затем поочерёдно защищали эти программы в области... И только неожиданный его уход помешал трудящимся области первым в стране вступить в эпоху полной сытости.

Впрочем, надо отдать должное Новому первому: он был требователен не только к окружающим. На месяц вперёд им составлялся специальный рабочий план, где по дням (и по часам) было расписано: где и когда он будет находиться, что будет делать. Наиболее жгучий интерес его ближайшего окружения вызывало планирование им своего выходного дня (суббота был, разумеется всегда рабочей)... Так вот, первая половина воскресенья отводилась для поездок по городу, с обязательным посещением рынка, а во второй неизменно значилось: с 14.00 – «работа на собой». По всей вероятности, этот важнейший пункт Новым первым выполнялся без должного усердия: уходя два года спустя со своего поста (опять – на строительный, но уже в союзном министерстве!) он оставался для всех, кто с ним близко столкнулся, прорабом большого полёта.

*В одну реку вошедший дважды
(Новый Старый первый)*

Говорят: нельзя войти в одну реку дважды. Это неправда. Тому подтверждение судьба ещё одного первого секретаря нашего обкома – судьба по-своему уникальная.

Он уже был в нашей области первым. Но не вписался в административно-командную систему (как он любит теперь говорить, и что, в общем, соответствует действительности) и без всяких объяснений был освобождён от должности.

Область при нём переживала пору бурного промышленного развития, здесь как на дрожжах рос крупнейший в Союзе территориально-производственный комплекс. Во времена перестройки это даст основание бывшему первому с возмущением отвергать тезис о том, будто и у нас был застой. Где-то, может, и был, но не у нас... И уж, во всяком случае, не в те годы, и не в экономике... Что тоже было правдой.

Ещё его первое пришествие оставило о себе добрую память «чистыми пятницами» (весь город в этот день выходил после обеда на улицы с лопатами и метлами наводить порядок), многочисленными соснами, появившимися в городах и сёлах в пору его правления, и двумя шикарным особняками, выстроенными на берегу Иртыша (едва ли не на самом людном месте) и отведёнными под привилегированную гостиницу (один) и для проживания четырёх семей, включая семью «самого» (другой). Правда, строительство это получило чересчур широкую огласку, и обладателям особняка за зелёным забором пришлось переселиться. В конечном счёте при освобождении с поста первому поставили в вину и эти хоромы...

То ли дело теперь! Построить личный двух-трёхэтажный особняк для любого мало-мальски уважающего себя начальника — дело чести, доблести и героизма. И уж, само собой, никого не волнует тот очевидный факт, что затраты на его сооружение минимум в несколько раз выше, чем полученная хозяином за все годы службы зарплата.

Кстати говоря, и построенная в те годы гостиница сохранилась и до сих пор служит по своему прямому назначению.

Бывший первый вернулся в область после почти десятилетней отлучки по просьбам трудящихся. В прямом смысле этого слова. Ходоки одной из двух номенклатурных руководящих группировок, с переменным успехом ведущих борьбу за ключевые посты в области, позвали его «домой», обещая всяческую поддержку, заверяя, что «актив» этого только и ждёт.

И тот рискнул. И был избран. И в кулуарах тут же был окрещён «Новым Старым первым». В отличие от подавляющего большинства своих коллег по номенклатурной обойме он был не только умён, но и начитан и теперь не считал нужным зарывать эти свои таланты в землю. Избранные места его речей нельзя пересказать — их можно лишь цитировать.

Вот, например, из выступления на республиканском пленуме ЦК партии: «Наш корабль перестройки, как тот летучий голландец — на всех парусах, но без рулевых (теперь уже не поют «Партия — наш рулевой»), взлетает и падает на крутых волнах пережелезности в штормовом океане передемократии, рискуя разбиться о рифы переплюрализма, а желанные берега перепроизводства ещё

так далеки». Каково? Но это не всё... Были в его речах «политические тараканы и экономические клопы, которые яростно принялись кусать партию, Советскую власть...». Впрочем, с ними автору речей всё ясно – «демократическая контра, а их идеи – идеологическая марихуана»...

Словом, голыми руками такого не взять – широко образован, во всех смыслах подкован, любому оратору фору даст. Правда, члены бюро опять загрустили: иные из его заседаний стали превращаться в откровения Нового Старого первого по тому или иному поводу, напоминающие театр одного актёра... Себя он без ложной скромности именовал «батькой»: чего там, мол, ну, поругаю когда-никогда, но не порю ведь, а в случае чего – и прикрою...

Всё же он был и остался незаурядным человеком, наш Новый Старый первый. Но его второе пришествие оказалось недолгим. Усилиями московских реформаторов некогда великая страна уже шла вразнос, и ему, помимо собственной воли, пришлось довольствоваться ролью похоронщика бывшей советской системы. Той самой системы, служению которой были отданы его лучшие годы.

Вышло так, что республиканский комитет, который возглавлял наш первый перед возвращением в область, был упразднён за ненадобностью. Через год с небольшим приказала долго жить и коммунистическая партия, и Новому Старому первому пришлось довольствоваться ролью председателя областного Совета народных депутатов. А потом, как известно, и самим советам не оказалось места в новой политической системе суверенных государств, возникших на обломках бывшего Союза.

Однако Новый Старый первый избежал печальной участи большинства своих номенклатурных товарищей по партии – участи унылых брюзжащих пенсионеров. Он оказался личностью вполне самоценной – в нём пробудился известный поэтический дар. Свои стихи он публикует под псевдонимом. По-моему, в них есть талантливые строки...

Вышло уже несколько книжек его стихов и публицистики. И мы стали свидетелями настоящей популярности нового поэта.

Проводы

Как-то я улетаю в Москву на одном самолете с первым секретарем обкома партии, направлявшимся в очередной отпуск в подмосковный Барвихинский спецсанаторий. Провожать его явилось бюро обкома почти в полном составе – каждый на своей служебной машине. Девять или десять «Волг» одинакового белого цвета проследовали на летное поле и по ранжиру выстроились у здания аэропорта: первой «Волга» «самого», потом – председателя облисполкома, затем второго секретаря и так далее – согласно нештатной, но железно соблюдаемой табели о рангах.

Когда наш самолет начал разбег, члены бюро, нестройной шеренгой стоявшие у своих «персоналок», прощально замахали руками... Это было трогательное зрелище. Непонятно, правда, кому все это адресовалось: место «первого» оказалось с противоположной стороны салона. Да он и не смотрел в окно, а читал газету...

Поручение

Освещать работу областной партийной конференции приехал спецкор «Правды». Хорошо зная, что он доставил массу неприятностей своими корреспонденциями в других областях, в обкоме спешно сформировали группу по нейтрализации спецкора.

Конференция шла два дня. Дважды в день руководитель группы докладывал первому секретарю о проделанной работе. Доклады были краткими и исчерпывающими: «Все нормально! Пьет!»

На конференции спецкор так и не появился. Но отчет опубликовал. И даже критика в нем присутствовала, но зато после нее не было неприятностей ни у кого из тех, кто опасался острого спецкоровского пера.

А спецкор несколько лет спустя стал одним из лидеров российского демократического движения и одним из первых лиц в российском правительстве демократов.

Аудиенция

В область прислали нового собкора центральной газеты. И хотя газета была профсоюзной, по этикету полагалось представиться первому секретарю обкома. Помощник сразу предупредил:

– Когда будете говорить с Сергеем Иосифовичем, руки лучше держать перед собой на столе – он не любит, когда прячут руки и отводят глаза.

Собкор подивился такой рекомендации, но, будучи от природы человеком сообразительным и не лишенным чувства юмора, решил судьбу не испускать и действовать сообразно совету.

Аудиенция оказалась недолгой. Сергей Иосифович рассказал собкору о судьбе его предшественни-

ка. Был юбилей у директора шинного завода. После чествования юбиляра на предприятии узкий круг лиц переместился на специально зафрахтованный для юбилейного торжества пароход. На нем и отмечали, курсируя по Иртышу.

– Ну, выпили, конечно... Ну, закусили... – доверительно излагал первый секретарь. – А он, борзописец, накатал... Уважаемых людей обидел...

Сергей Иосифович помолчал, вздохнул:

– Ну, я позвонил Михал Андреичу, сказал, что нам таких не надо...

(Для непосвященных: М.А. Суслов курировал в ЦК КПСС идеологию – Ю.П.)

Еще одна пауза.

– Теперь вот вас прислали. Думаю, поладим?

Как Юрий Кукин чуть не стал диссидентом

Однажды в наш город приехал известный исполнитель своих песен Юрий Кукин. Мы решили во что бы то ни стало пригласить его на встречу в редакцию. Он на удивление быстро согласился, часа полтора пел нам свои песни, рассказал много интересных историй. Чтобы чем-то отдарить его за этот праздник общения, правивший в отсутствие редактора зам великодушно пообещал ему опубликовать в нашей газете несколько его стихов, пообещав «для поддержки штанов» повышенный гонорар.

Узнав, что тираж газеты за сто тысяч экземпляров, Кукин согласился. Срочно соорудили подборку на последней странице под рубрикой «У нас в гостях». Неизвестно каким образом об этой инициативе узнали в обкоме партии и рекомендовали от публикации воздержаться. Сторяя от стыда, зам

пошел в гостиницу в Кукину объясняться. Услышав о запрете, Кукин страшно удивился: «А почему? Стихи-то безобидные...»

Чтобы хоть как-то сохранить лицо, зам предложил: «Хотите я вам на память полоску со стихами оставлю?» – «Конечно, хочу, – сразу сказал Кукин, – буду показывать ее своим друзьям в Ленинграде. Ведь до сих пор меня еще нигде и никогда не запрещали...»

Вместе с оттиском невышедшей страницы зам вытащил из портфеля бутылку коньяка. Потом он уверял нас, что они отлично посидели, и расстались, взаимно довольные друг другом.

Тут, наверное, можно было бы добавить, что талантливый романтик Кукин всегда был далек от политики... Но какое это имеет отношение к нашей истории?

Лицо эпохи

Ее зовут Нина Павловна Аринина. Уже лет пять она ходит к нам в редакцию в поисках справедливости. Строители, прокладывая теплотрассу, «потревожили» ее ветхую избушку, после чего жить в ней стало опасно. Аринина просит ее капитально отремонтировать, строители же уверяют, что они тут ни при чем, а все беды избушки от ее собственной старости.

Наша газета писала об этой истории трижды.

Аринина обошла все городское начальство, побывала на приеме у сменивших друг друга трех первых секретарей обкома партии, не одну свою пенсию потратила на обстоятельные телеграммы трем сменившим друг друга первым секретарям ЦК компартии республики, обращалась к

Генеральному секретарю ЦК КПСС и Президенту СССР... Результат неизменно был один: очередная комиссия выносила заключение, согласно которому избушка Ариной капитальному ремонту не подлежит из-за ветхости, а новое жилье ей не полагается, поскольку она уже является домовладелицей.

У Нины Павловны Ариной не осталось никого. Родителей она лишилась в детстве и воспитывалась в детдоме. Муж погиб на войне, братьев и сестер она схоронила, а детей у нее не было. Арина приближала светлое будущее для потомков на лесоповале, в угольной шахте, на рыбацком промысле. Теперь у нее нет для этого сил, светлое будущее объявлено очередным заблуждением. И сама она решительно никому не нужна... Дни ее, похоже, сочтены – кажется, от нее исходит запах тления...

...Когда я в очередной раз гляжу в ее выплаканные бесцветные глаза, мне кажется, что передо мной не глубоко несчастная пожилая женщина, которой я ничем не могу помочь, а вся наша измученная, истерзанная страна.

(1991 г.)

О природе власти

Попадая служить в коридоры власти, люди подчас меняются до неузнаваемости. Там действуют свои, совершенно особые правила игры, свой «кодекс чести», свои модели поведения. Либо ты приспособливаешься к ним (принимая все это, или, во всяком случае, делаешь вид, что принимаешь), либо эта среда быстро отторгает тебя, как некое чужеродное тело.

Но – поразительная вещь – стоит человеку вернуться в нормальную людскую среду (то есть сменить работу, уйти на пенсию и т.д.), как к нему мало-помалу начинает возвращаться «нечто человеческое» – здравый смысл, трезвый взгляд на вещи, критическое отношение к тем самым коридорам, мифические ценности которых он еще вчера так ревностно оберегал...

И это не парадокс, а своего рода закономерность. В нормальной житейской среде человек, как правило, остается самим собой – тем, что он есть на самом деле. А там он – крепостной актер и вынужден играть навязанную ему роль. При этом совсем неважно – кто стоит у власти: вчерашние коммунисты или нынешние демократы.

Спор

Как-то мы крепко поругались – чуть не разодрались – со старшим братом и зятем из-за горбачевских реформ. Мы круто разошлись во мнениях. Брат, выпускник партшколы, и зять, директор совхоза, весьма критически оценивали идеологические и прочие новации нового генсека. Я же, молодой редактор, был ярым горбачевцем и, не стесняясь в выражениях, костерил их на чем свет стоит.

Мы до того разобиделись друг на друга, что даже водку пить не стали.

Время нас рассудило.

Зятевский совхоз окончательно развалился: ни техники, ни скота. Зарплату зять не получает годами.

Брат, журналист с двадцатипятилетним стажем, не может заработать денег, чтобы раз в год, как это

было прежде, приехать в отпуск к матери... К тому же он теперь живет за границей, в Красноярском крае.

Газета, в которой работаю я, пока еще дышит. Хотя тираж ее с того времени упал в пять с лишним раз. Что будет с ней (и со мной) через год-два, я не знаю и стараюсь об этом не думать.

А мой кумир, будучи одним из кандидатов в президенты России, набрал на выборах один процент голосов. Но интереса к жизни, похоже, не утратил – рекламировал недавно по телевидению пиццу...

(2000 г.)

Время собак

Никогда прежде в нашем городе не было столько собак. Нельзя выйти во двор, в парк, на набережную, чтобы не встретить мужчин, женщин, детей, прогуливающих своих любимцев. Каких только пород и мастей тут нет: крошечные болонки, элегантные пудели и огромные доги, разномастные губастые боксеры и бульдоги, воспитанные, причесанные колли и кровожадные свиноподобные питбультерьеры. Собака становится неким символом времени, знаком принадлежности к состоятельному сословию.

Условно говоря, владельцев собак можно разделить на три группы. Первые, наиболее бескорыстные, заводят их, так сказать, для души – как средство от одиночества, в какой-то мере заменяющее общение. Вторые – прагматики, и держат собаку главным образом для охраны жилья и имущества. Их тоже можно понять: надеяться сегодня можно лишь на металлические двери с мощными запора-

ми да на четвероногого сторожа. И, наконец, третьи приобретают собаку, чтобы в полной мере соответствовать своему новому социальному статусу хозяев жизни – это своего рода дополнение к уже имеющемуся суперсовременному интерьеру в жилище, престижной иномарке и т.д., и т.п. Многие молодые и среднего возраста женщины предпочитают рождению ребенка покупке дорогой собаки. Что тут сказать? Наверное, это одна из примет нашего времени – времени собак...

Хлеб журналистики

Кто давно работает в журналистике, знает, какой это нелегкий хлеб. И всегда он был таким. Особенно у райончиков. Я хорошо знал четырех редакторов районных газет нашей области, которых сгубила профессия.

Редактор газеты, где я начинал работать, умер, не дожив до пенсии.

Заместитель редактора той же газеты, выйдя в редакторы, спился, тронулся умом и сгинул без следа – ушел из дома и не нашли.

Редактор газеты из соседнего с нашим района – красавец-мужик, умница, обладатель многих талантов, во время одного из запоев выстрелом из ружья свел счеты с жизнью.

Редактор газеты из другого соседнего района, тихий, в общем, человек, не лишенный литературных способностей, в меру пьющий, выпил снотворное и включил в гараже двигатель служебного УАЗа...

Случайные совпадения? Но если сюда приплюсовать подобные судьбы рядовых районных газетчиков, то картина будет и вовсе злобещей.

Джон Браун из семейства Федоровых

Телевизионная пропаганда американского образа жизни из всей семьи наших друзей Федоровых наиболее сильно повлияла на их младшего сына, шестилетнего Пашку. Ему нравятся американские машины, американские мультики, американский флаг и «американский» язык (то, что это язык английский, он отвергает напрочь). И вот еще одно, уже крайнее проявление симпатий к далекой и такой привлекательной Америке.

– Мама, а можно мне взять другое имя? – спрашивает он.

– А какое ты хочешь?

– На букву «Д»...

– Даня, Дима (так зовут его братьев), Денис?

– Нет, – шепчет он ей на ухо, – я хочу Джон!

Мать от ошеломления не может сразу прийти в себя, а он, приняв ее растерянность за согласие, продолжает допытываться:

– А можно мне и фамилию другую?

– А какую бы ты хотел?

– А какис есть американские фамилии?

– Ну, я не знаю, Вильсон, Джонсон, Стоун, Браун...

– Вот эту, – ухватывается он, – я хочу Браун.

Так в семье Федоровых едва не появился Джон Браун.

Путем долгих увещеваний удалось, правда, отговорить его от этой затеи. И самым весомым, пожалуй, оказался аргумент бабушки, без всяких дипломатий заявившей Пашке, что от своих имен и фамилий отказываются только предатели, и, если он не одумается, она будет его звать на американский манер ласково «Жапоня»...

Так что с идеей ему пришлось расстаться. Хотя американское для него и теперь еще – самое лучшее.

Случай из хирургической практики

Знакомый хирург рассказал мне историю из своей практики, которая не давала ему покоя всю жизнь.

Вот ее суть.

Как-то он спас, буквально с того света вытащил, парня с ножевым ранением в сердце. Это была его первая операция на сердце, и он после нее почти двое суток неотлучно дежурил у больного – даже ночевать домой не ходил. В конце концов поставил на ноги, чем очень гордился.

А парень оказался заурядным бандитом. Спустя какое-то время убил человека. Его поймали, судили, приговорили к высшей мере наказания. Когда хирург узнал об этом, захотел встретиться со своим бывшим пациентом: почему-то не верил, что, сам пережив такое, тот мог убить...

Но в свидании хирургу было отказано... А операций на сердце он больше не делает.

Зачем мама мыла раму?

Один литературный герой-приспособленец, желая подчеркнуть свое сверхнародное происхождение, говорил о себе так: «Я сын рабочего и двух крестьянок!» Теперь любой ребенок вправе сказать, что его воспитывают не столько отец с матерью, сколько телевизор.

И вот история – вполне в современном духе.

Пятилетняя внучка наших знакомых начинает читать, по букварю. Бабушка ей помогает. Читают вместе, по слогам:

– Ма-ма мы-ла ра-му.

Бабушка – внучке:

– Поняла?

– Не-а, – мотает головой внучка.

– Что же тут непонятного?

– А зачем она моет раму?

– Как зачем? Чтобы чистая была.

– А разве она бывает грязная?

– Ну, конечно, – удивляется бабушка.

– А я думала, что нет, что ее едят, – взаимно удивляется внучка. – Каждый день какая-то бабушка говорит по телевизору: «Нет ничего вкуснее, чем хлеб и рама».

Когда не до шуток

В нашей газете выходит детская страница, которую большей частью делают сами дети – она составляется из их писем, стихов, рисунков. Есть в ней уголок шуточных вопросов и ответов. Недавно один из юных читателей прислал такие вопросы: «Какой полуостров жалуется сам на себя?», «С какой птицы надо ощипать перья, чтобы получилось 24 часа?» и, наконец, «Город, по которому течет кровь?». Пришли и ответы: «Ямал – я – мал», «Сутки – с утки». А среди ответов на третий вопрос («Вена») было и два таких: «Грозный» и «Чечня».

Как раз в это время в Чечне шли активные боевые действия.

Привет Чубайсу!

Хорошая частушка – большая редкость. Особенно отчетливо это понимаешь, наблюдая частушечный конкурс «Эх, Семеновна!» по ОРТ. Много примитива, грубости и откровенной пошлятины. Мне вообще кажется, что частушка – не самый телевизионный жанр. Что уместно в узком дружеском кругу и на деревенской свадьбе, когда гости уже под хмельком и за столом нет детей, вряд ли годится для такой аудитории, какой располагает главный государственный телевизионный канал.

Хотя именно частушка как жанр способна выразить отношение народа к самым неожиданным сторонам жизни.

Помню, у нас в целинном совхозе, куда съезжался по разным причинам самый разный люд, про вызывающе форсистых молодых женщин, представляющихся ленинградками, ходило такое ядовитое четверостишие:

Прорастают на току
Вика с повиликою,
Подержи мой редикюль –
Я пойду посикаю!

Тут тебе все сразу: и приметы целинного быта, и их вопиющее несовпадение с городскими замашками, и ироничное отношение целинников к этому несовпадению.

В брежневские времена несколько раз дорожала водка. На одно из последних подорожаний народ отреагировал так:

Водка стала шесть и восемь –
Все равно мы пить не бросим!
Передайте Ильичу:
Нам и десять по плечу!

А вот каким был ответ на знаменитый антиалкогольный указ Горбачева:

По талонам горькая,
По талонам сладкая.
Что же ты наделала,
Голова с заплаткою?

Или вот еще – уже из подзабытого:

Мы с Иван Ивановичем
Один пропили ваучер.
А на другой на ваучер
Деваху взяли на вечер.

Это – привет Чубайсу, который говорил, что один ваучер стоит две «Волги».

Песня-96

Много лет любимейшей телепередачей в Советском Союзе была трансляция большого концерта исполнителей советских песен, впервые прозвучавших в уходящем году. Концерт так и назывался – «Песня-75», «Песня-76». И так каждый год. Концерт этот транслировался первого января, когда все дома, никто некуда не спешит.

В этом году «Песню-96» растянули аж на два дня. В числе прочих, удостоенных дипломов за слова и музыку, была песня в исполнении известного дуэта «Академия». Вот ее припев:

«Ты отказала мне два раза –
«Не хочу», – сказала ты.
Вот такая вот зараза,
Девушка моей мечты».

Этот рефрен-припев приплясывающий дуэт повторяет раз десять – не меньше – под неистовые аплодисменты зала. А телевидение транслирует едва ли не на весь бывший Союз.

Под стать этому произведению и задушевно-проникновенная лирическая песня-исповедь в исполнении не лишенной таланта Ирины Аллегровой. Суть ее: бабушка по имени «хочу» озабочена тем, где бы ей взять дедушку по имени «могу».

И содержание этих (да и не только этих) песен, и то, что они включены, если можно так сказать, в общепризнанный реестр наиболее значительных произведений этого вида искусства – ярчайшее свидетельство общего уровня культуры, да и нравов вообще демократической России образца 1996 года.

Предвыборные идиотизмы

Сколько словесной шелухи рождают предвыборные кампании! Каких только девизов, лозунгов, призывов (специалисты-имиджмейкеры именуют их слоганами) не встретишь. Иногда даже не поймешь – о чем это? Например, такое – из недавней российской истории:

– Да! Да! Нет! Да!

А эта долбёжка подсказывает избирателю, как отвечать на четыре вопроса референдума. Не очень важно, какие это вопросы, главное – звучит в мозгу в нужной последовательности рефрен: два «да», одно «нет» и еще одно «да». Так, кстати, и проголосовали – сработало!

Вот еще – из той же серии: «Голосуй, а то проиграешь!» Это для того, чтобы народ пошел на выборы.

На Украине несколько лет назад предвыборный штаб одного из претендентов на президентский пост родил такой перл агитационной мысли:

«Голосуй, голосуй –
Бюллетени в урну суй!»

Не помогло – проиграл бывший президент.

Не помог гениальный по своей простоте и всеобъемлющий по содержанию слоган недавнему претенденту на пост президента Казахстана. А ведь был всем девизам девиз: «Отвечаю за все!»

А вот пример из совсем недавней предвыборной гонки: «Мы сумеем – мы стальные!» – без ложной скромности заявлял о себе кандидат из славной когорты железнодорожников. И сумел-таки – получил депутатский мандат мажилисмена.

К сожалению, не прижился слоган, предложенный проправительственному блоку в рамках конкурса на лучший предвыборный лозунг: «Братан, голосуй за «Отан!» Звучит, сказали, и правда здорово, но уж больно ясно, кому он адресован.

Движение «Единство» во главе с любимцем россиян Сергеем Шойгу выборы в Думу, можно сказать, выиграло. И этому не смогла помешать даже песня про медведя (это был символ движения), которую вполне справедливо окрестили одним из самых ярких предвыборных идиотизмов.

«Я не бурый медведь и не белый медведь,

Весь лес я избавляю от нечисти.

Я не правый медведь, я не левый медведь.

Я медведь – общечеловеческий».

Другой песенный шедевр звучал по московскому каналу и посвящался мэру столицы: «Глазами умными на Юрку посмотри, словами нежными его заговори».

И хотя из этой невнятицы невозможно понять, кто, кого и чем должен заговорить, москвичи, как ни странно, наоборот, все поняли. Может, потому что пропустили этот предвыборный идиотизм мимо ушей?

А вот как агитировала со своих страниц газета, гордо именуемая себя патриотической: «Упаси нас Бог, ребята, выбрать в Думу дерьмократата».

А мы еще удивляемся, почему все меньше и меньше людей приходит на выборы.

Звонок от Господа Бога

В нашем новом Благовещенском соборе, особенно в первые дни после его открытия, было самое настоящее паломничество. Одну из делегаций – гостей из разных городов России и Казахстана – принимал игумен, настоятель храма. Высокий, чернобородый, осанистый, он выглядел очень внушительно в своих длинных одеждах и говорил хорошо, значительно, как и подобает священнослужителю его сана.

И вдруг откуда-то из-под него, непонятно откуда, раздался посторонний звук. Игумен остановил свою торжественную речь, повернулся боком, полез правой рукой куда-то под одежды и вытащил на свет божий сотовый телефон.

– Извините, – сказал он, – забыл выключить, – нажал что-то на аппарате и так же быстро упрятал его на место. Под сводами храма воцарилась тишина, игумен продолжал беседу. Как мне показалось, слушали ее без прежнего внимания. И кто-то даже шепнул сзади:

– А вдруг это был звонок от самого Господа Бога?

Не усердствуйте!

Рассказывают, что в свое время к М.И. Калинин-ну был приставлен специальный человек с весьма специфическими обязанностями. «Всесоюзный староста», он же председатель ВЦИК, периодически вручал в Кремле правительственные награды. Разумеется, при этом он пожимал награжденным руку. А если иметь в виду, что орденосцев в ту пору было немало, и среди них далеко не хилых мужчин, которые желали выразить переполнявшие их чувства с наибольшей силой именно через рукопожатие, нетрудно представить, каким это было испытанием для престарелого и немощного Калинина. Для того и был приставлен к нему тот человек, чтобы предупреждать орденосцев: не переусердствуйте, мол, пожимая руку главе государства...

Эта история вспомнилась мне совсем недавно вот в какой связи. В редакцию заглянул наш бывший сотрудник. Теперь он автор популярной серии книг о выдающихся людях Казахстана. Ему приходится встречаться с главами государств и правительств, министрами, известными писателями и артистами... Как-то он был удостоен чести быть представленным президентам Турции и Казахстана. И даже их рукопожатий. Казалось, все было торжественно-пристойно.

Но когда автор книг отошёл, какой-то человек с явным неудовольствием попенял ему на то, что он уж слишком энергично тряс руку президенту нашей страны – если каждый будет так усердствовать при этом, то...

– Так это не я ему, а он мне тряс, – с простодушным лукавством отшутился автор. А сам потом все же переживал: может, и впрямь перестарался?

Чувство долга

Есть такое не бесспорное, но не лишенное смысла утверждение, следующим образом характеризующее степени обмана.

Первая степень — это неправда, вторая — грязная ложь, и, наконец, третья — статистика...

Иначе говоря, этой сфере деятельности как бы заведомо отказывают в стремлении к истине.

Но нет правил без исключений: я знал руководителя статслужбы, который всегда стоял насмерть, отказываясь корректировать нежелательную цифру в угоду местной политической и любой прочей конъюнктуре. При этом иногда он просто нарывался на неприятности... Вот мы получили аналитическую записку об итогах уборки. В ней говорится: область намолотила столько-то тысяч тонн зерна, этого достаточно для внутренних потребностей населения и на семена для будущего урожая. Тут вполне можно было бы поставить точку. Но дальше идет цифра средней урожайности — пять центнеров с гектара. Опять же для любого мало-мальски смыслящего в сельских делах человека ясно: результат просто смехотворный. Однако автор аналитической записки и на этом не останавливается, бесстрастно констатируя: это самый низкий урожай со времен освоения целины.

Именно эта последняя фраза более всего характеризует человека, который служит своему отечеству не за страх, а за совесть.

Вот бы их обилетить!

Популярный российский киноактер Алексей Булдаков начинал свою карьеру в павлодарском драмтеатре, закончил молодёжную театральную

студию, которая действовала при театре в шестидесятые годы.

Как-то он приезжал навестить мать (она по-прежнему жила в Павлодаре) и охотно рассказывал о тех временах. О том, например, что первой ролью, которую ему довелось здесь сыграть, был... диван. О сельских гастрольях, которых было в ту пору очень много... Колесили по всей области на старом, разбитом автобусе – небольшая труппа во главе с директором, который в ходе этих гастролей совмещал также обязанности администратора и кассира.

– Надо вам сказать, народу на спектакли собиралось обычно немного, – вспоминал Буддаков. – Лето, жара, сенокос, огороды – одним словом, страда, людям не до спектаклей... И вот едем мы как-то по степи... Зной, солнце будто взбесилось, автобус раскалился, как сковородка на плите, мы все в пыли и в какой-то полудреме. Автобус встал, дорогу переходила огромная, наверное, с тысячу голов, отара овец... Дремавший директор-администратор-кассир вдруг встрепенулся и мечтательно говорит: «Ребята! Вот бы их всех обилетить!»

На ридной мове

Организатор первого в Павлодаре клуба шейпинга рассказывала, как ее подруга, тренер по гимнастике, сдавала на Украине квалификационный экзамен на знание ридной мовы – государственного языка.

Комиссия пришла на тренировку. Начинаются занятия. Тренер уверенным голосом громко командует одной из воспитанниц:

– Выще ногу! Выще, выще!

Другой:

– Довгая выя, довгая выя... Довгая, довгая, довгая...

Что означает – длинная шея...

Потом тренер свободно переходит на французский.

Комиссия довольна – украинским владеет, ну, а французский – Бог с ним, не москальский же.

Каково теперь семейное чтение

Одно время мы выписывали для матери журнал «Крестьянка». И вот приходит очередной номер – почтальонка принесла нам его прямо в квартиру – иначе утащат из ящика.

Я взял посмотреть журнал. На яркой цветной обложке расфуфыренная девица явно заграничного разлива, вся в белом, в белых же, по локоть, перчатках – крестьянкой тут и не пахнет.

Дальше – больше. Читаю вкладку – журнал в журнале «Семейная библиотека», где приведён обширный перечень книг, которые можно приобрести с помощью журнала.

Что же предлагалось подписчикам? Я выписал несколько названий, рекомендованных для чтения, так сказать, в кругу семьи. Вот они, эти книги: «Французский эротический роман», «Сексуальное здоровье женщины», «Мужская потенция».

Но это, как оказалось, еще цветочки. В серии «Будьте здоровы!» «Семейная библиотека» рекомендовала шедевр под названием «Как увеличить размеры мужского полового члена», в серии «Экспресс» – «Историю оргий» и «Историю порнографии», «Групповой секс», «Краткие жизнео-

писания геев и лесбиянок», «1001 ночь большого секса», «Сексуальное удовлетворение для женщин» (и, разумеется, для мужчин тоже), «Как заниматься сексом 6 раз в неделю»... Поверьте на слово – это далеко не вся «Семейная библиотека» подобного рода. Представьте, как все это будет читаться в сельской избе, в присутствии детей и внуков.

А если не верите мне, то проверьте сами: я вычитал все это в журнале «Крестьянка», год 1998, №9.

Шутка со значением

Бывший первый секретарь Павлодарского обкома партии Б.В. Исаев рассказал мне такую историю.

Д.А. Кунаев как-то полушутя спросил первого секретаря обкома одной из южных областей – знает ли тот, какова зарплата у первого секретаря обкома?

Что за вопрос – может удивиться кто-то?

Между тем полушутка имела вполне определённый подтекст – человеку определённо давали понять, что он живет не по средствам.

Хочу быть немцем

Надо ли напоминать о том, каково было в годы войны, да и позднее у нас в стране депортированным немцам? Многие из них вынужденно меняли свои имена, звались зачастую на русский манер. Нередко немцы не только давали детям русские имена, но и записывали их русскими.

– Ну, что еще за Ёган, – говорили в каком-нибудь Богом забытом сельсовете затурканному жизнью

немцу, – ты представляешь, как тебя называть будут? Запишем тебя Иваном, и все дела. Тебе же лучше...

– Адольф? И ты собираешься жить с таким именем? Давай будешь Алексеем – хорошее имя!

То же самое или нечто подобное происходило с Гансами, Фридрихами, Германами, Фридами... Находились, правда, и такие, кто сохранял свои имена, но большинство предпочитало смириться. Немцы не хотели омрачать будущее своим детям, поэтому и соглашались называть их привычными местному уху именами.

Остается удивляться тому, как мог стать знаменитым на весь Союз председателем колхоза и даже Героем Соцтруда Яков Германович Геринг. Я помню, с какой иронией воспринималась эта фамилия иными заезжими журналистами, и не только ими.

– Геринг – Герой Соцтруда? Ну, вы даете, ребята! А Гитлера-орденоносца у вас часом нет?

Между тем человек прожил достойнейшую жизнь, не захотев расстаться с «неудобной» фамилией, хотя ему в свое время советовали это сделать...

И вот пришли совсем другие времена.

Когда едва ли не в одночасье рухнул железный занавес, и Германия стала принимать своих соотечественников обратно, для многих из них утрата истинных имен и фамилий, а тем более смена национальности, обернулась подлинной трагедией. Ведь немцы в первую очередь принимали немцев, а уже затем членов их семей. При этом для одних и для других предусматривался разный уровень государственной помощи, льгот и других социальных гарантий.

И советские немцы бросились восстанавливать свои забытые имена, а некоторые – уточнять и воз-

вращать фамилии и даже национальность. Не сразу и не всем это удавалось, иные проклинали себя за то, что когда-то согласились стать Иванами и Федорами вместо Иоганов и Фридрихов... Дети выговаривали родителям-немцам, по воле которых они становились русскими. А ведь были еще и смешанные браки, когда у одних и тех же родителей сын вполне мог считаться немцем, а дочь – русской или украинкой...

Как это у нас нередко бывает, теперь процесс пошёл в обратную сторону – с точностью до наоборот. Теперь многие из тех, у кого была хоть какая-то для этого возможность, возжелали стать немцами. И их можно понять: немцев Германия принимает всех, а представителей других национальностей – лишь при условии состояния в родстве с первыми.

Немцами теперь записываются не только русские и украинцы. Вот какая история случилась с нашим знакомым. Отец у него казах, а мать – немка (дочь ссыльных немцев с Поволжья). Сына отец записал казахом, тот женился на русской, русской же записал родившуюся дочь, которая, в свою очередь, вышла замуж за немца и уехала с ним в Германию. Родилась внучка, которая уже ни слова не говорит ни по-русски, ни по-казахски. Она полноправная немка. Семья нормально обустроилась на своей «исторической», а вернее сказать, на новой родине и зовет постаревших родителей к себе. Но уровень приёма в ФРГ, как уже говорилось, может быть разным, и отец, записанный казахом, принимает решение сменить национальность – стать немцем. Основание? У него отец – казах, а мать – немка, так что это вполне возможно... Между прочим, ни в какую Германию он пока не собирается.

Зачем же менять национальность, спросите вы? На всякий случай...

Наверное, так или примерно так поступали в свое время депортированные немцы...

Гостеприимство

В нашу область приехал израильский миллиардер Айзенберг – на персональном самолете, в салоне которого, помимо всего прочего, была даже двухспальная кровать. Он предлагал области проект, связанный с развитием капельного орошения.

На ужин Айзенберга повезли в одно из хозяйств Аксуского района. Перекусили, затем по казахскому обычаю подали бесбармак.

– Неужели мы все это съедим? – удивился уже слегка посоловевший от сытости миллиардер.

– Съедим-съедим, – успокоил именитого соотечественника сопровождавший его сотрудник посольства Израиля, уже знакомый с традициями казахского гостеприимства.

...Говорят, после Айзенберг чаще всего вспоминал именно этот момент своего путешествия в Казахстан.

Что доказал Ельцин, или «Умом Бориса не понять...»

Ельцин доказал, что возможно всё, даже, казалось бы, самое невозможное.

Что сын репрессированного может стать видным партийным функционером.

Что можно бросить вызов вскормившей тебя всеильной партии и не быть при этом посаженным в тюрьму.

Что можно в одночасье, не предпринимая никаких сверхусилий, снискать едва ли не всенародную любовь.

Что можно объявить преступниками высших должностных лиц страны, пытавшихся защитить действующий на тот момент конституционный строй, и посадить их в тюрьму.

Что можно объявить преступниками своих вчерашних соратников и выдвиженцев, расстрелять здание парламента своей страны, а сам парламент разогнать.

Что можно давать любые обещания («Лягу на рельсы, если вырастут цены»), делать самые безответственные заявления («Берите суверенитета столько, сколько можете переварить!») без каких бы то ни было для себя нежелательных последствий.

Что можно предстать перед всем миром в ужасающе неподобающем виде и потом вести себя как ни в чем не бывало.

Что можно начать и проиграть войну на территории собственного государства, не понеся за это никакой ответственности.

Что можно управлять государством, даже будучи недееспособным... Даже если тебя не поддерживает большая часть населения.

Что можно быть по форме президентом, а по существу царем.

Что можно терпеть при этом любые измышательства в прессе, ни разу не прибегнув к закручиванию гаек.

И этот список, как принято говорить, можно продолжать и продолжать.

*Все равно – как, но только
с Иваном Ивановичем...*

Есть такой анекдот. Еще в советскую пору еврейская семья добилась разрешения эмигрировать в Израиль. Берут с собой и любимого попугая. На таможене им заявляют, что попугая как редкую, экзотическую птицу вывозить за границу нельзя. «А как можно?» – спрашивает глава семьи. «Ну, можно чучелом или тушкой», – отвечает таможенник. «Согласен – хоть чучелом, хоть тушкой», – неожиданно встревает в разговор сам попугай.

Этот анекдот я вспоминаю всякий раз, когда речь заходит о бывшем совхозе «Маяк»... Предстояло очередное его реформирование. Здешние работники, хорошо осведомлённые о том, чем обернулись спешные преобразования у большинства соседей, где хозяйства попросту развалились, за сохранение своего стояли насмерть.

– Да поймите вы, что не можете дальше существовать в статусе КСП (коллективного сельскохозяйственного предприятия), – увещевал их на собрании представитель района, – нет больше в Казахстане такой собственности – коллективной...

– А в каком виде можем? – допытывались мужики, опалевшие от бесплодных реформаторских шараханий, которые и довели село до ручки.

– В виде кооператива, ТОО, крестьянского хозяйства... Выбирайте сами.

– Нам один хрен, все равно как, но только с Иваном Ивановичем, – заявил кто-то, и его дружно поддержали остальные.

Иван Иванович Колодий – давнишний директор здешнего совхоза – смог не только спасти его от бездумного реформирования, но и сохранить основной производственный потенциал.

Не прогадали «маяковские» мужики. Теперь здесь – одно из немногих по-прежнему дееспособных сельскохозяйственных предприятий. И уцелело оно не благодаря, а вопреки реформам. А еще потому, что здесь оказался И.И. Колодий.

(1999 г.)

Какая теперь семья

В последнее время на российских телеканалах появилось великое множество всевозможных ток-шоу-передач, в которых люди рассказывают о своих жизненных коллизиях, а публика в студии выражает им участие, стремясь помочь советами.

Вот одна из недавних таких передач.

Женщина рассказывает о постигшей ее беде. Муж – бизнесмен, притом преуспевающий, нанял ей шофера, который по совместительству стал ее любовником. (Как оказалось, муж оплачивает шоферу и эти специфические услуги, поскольку сам настолько занят делами, что ему уже не до супруги).

Жена, излившая свое горе на присутствующих в студии, рыдая, вопрошает: а рожать ей от кого – шофера-любовника или все-таки от законного супруга?

И «добрые люди», от души забавляясь, дают ей дельные советы. А когда кто-то резонно заметил: зачем вообще такой муж такой жене, не лучше ли ей остаться с любовником, ведущий тут же возмутился: «Вы что: это программа «Моя семья»!»

Между прочим, эта передача транслируется РТР на всю страну и даже за ее пределы. И она далеко не единственная в своем роде...

Раньше и теперь

Лет двадцать назад одна из центральных газет опубликовала сенсационный материал. Мать гладила школьную форму дочки-десятиклассницы, нашла в кармане презерватив и избила её так, что той пришлось лечиться в больнице.

Теперь презервативы раздают в школах на специальных занятиях, а школьная беременность не есть нечто из ряда вон выходящее. Вот одна из таких историй, рассказанная «Комсомольской правдой». Девочку зовут Надя, ей 16 лет, учится в девятом классе, беременна, собирается рожать. Дальше диалог:

– Как ты забеременела?

– В первый раз? – уточняет Надя.

– А это не первый?

– Нет, третий... Я уже сделала два аборта...

– У тебя и муж есть?

– Мы не зарегистрированы, а живем уже три года.

– Как вы познакомились, где живете?

– В очереди в поликлинике, мне еще тринадцати не было... А живем мы у него, он сварщик...

– А что говорят родители, как со школой?

– Мои родители сначала ничего не знали, потом привыкли... В школе перевелась на вечернее – там проще...

– Учителя, подруги осуждают тебя?

– Да нет, теперь ведь многие рожают рано...

Мораль? Никакой морали газета не выводит. Ее интересует сам факт, Надя как таковая...

Что же до меня, то не знаю, какая из этих двух историй более неприглядна. По-моему, впрочем, обе...

Культурная программа

В университет, в котором работает мой младший брат Пётр, приехали американцы. Брату поручили организовать для них культурную программу. Он решил вывести их в воскресенье на природу.

Американцев было двое: еще крепкий семидесятилетний старик и его совсем молодая коллега. И – так уж вышло – ехать пришлось мимо огромного поля, где копали картошку многочисленные горожане.

– Что эти люди здесь делают? – изумилась молодая американка.

Картина и впрямь была впечатляющая: люди с лопатами, мешки, десятки, сотни задов, устремлённых в небо – как будто выставленных напоказ.

– Картошку копают, – ответил брат, не пускаясь в долгие объяснения.

Наступило тягостное молчание. Потом встрепенулся старый американец:

– Ну, как же, я помню: у нас до войны тоже иногда можно было видеть такое...

... И собкор в Тель-Авиве

Позвонил коллега – редактор областной газеты. У него репутация новатора-реформатора. Вот и теперь делится нововведениями:

– Недавно стали региональной газетой!

– А что это такое?

– Решили распространять газету в соседние области Казахстана и России... Собкоров держим в Алматы, Астане, Челябинске, Москве, Киеве... Вот только что в Тель-Авиве корпункт открыли...

– В Израиле-то зачем?

– Как ты не понимаешь? Представляешь: первая страница, рубрика «Диктует наш собкор из Тель-Авива!».

– А денег у тебя на счету много?

– Какие деньги, откуда? У меня долгов три миллиона.

– А как же зарплату платишь?

– Да кто ее теперь платит? Главное сейчас – раскрутиться!

...Моя мать в таких случаях говорит так: не вошь кусает, а гнида. По-моему, как раз про этот случай.

(1996 г.)

Что такое стихи?

Давно слежу за поэтическим творчеством Василия Лукова. Считаю его поэзию настоящим явлением, а некоторые строки – готовыми афоризмами. Такие, например:

«Позади гнилой застой,
Вперед – мираж.
То ли строить храм святой,
То ли рыть блиндаж!»

Или вот:

«Мы – самый читающий в мире
И самый нетрезвый народ.
Кто жил в коммунальной квартире,
Тот самый большой патриот!»

Или еще:

«Коммерцией заняты дети.
Голодные мрут старики...
Мы сами сплели эти сети,
Советских вождей дураки!».

Есть у него такое прекрасное четверостишье:

«Коварно обКУПОНены,
Безжалостно обПИКаны,
Нахально обреформлены
И до смерти обСИКаны»

Первая строка о том, как государство обмануло людей, наделив их купонами в ходе приватизации жилья, вторая – о том же самом, только речь уже о приватизационных инвестиционных купонах (их выделяли казахстанцам – как эквивалент полагающейся каждому бывшей государственной собственности, при этом обещали, что мы станем акционерами предприятий, и даже будем получать дивиденды). Третья строка в комментариях не нуждается. И последняя в образно-иронической форме повествует о новой пенсионной системе. СИК – это социальный индивидуальный код, который теперь имеет каждый казахстанец, перечисляя на него ежемесячно десятую часть своей зарплаты. Считается, что этим мы зарабатываем себе на старость – каждый сам. Но что будет с этими деньгами – одному Богу известно. Во всяком случае, один раз эти вклады уже были ополовинены после перехода на «свободно плавающий» курс тенге по отношению к доллару.

А в целом четверостишье и по форме, и по сути просто замечательное. В нем вся история реформ – как на ладони.

Нравятся мне и многие лирические стихи В. Лукова. Но есть у него строки, способные кого угодно поставить в тупик. Половодье на Иртыше поэт живописует так:

«Речное лоно тужится рожать...»

– Это же физиологизм какой-то, а не поэзия, – говорю ему.

– Нет, это образ, притом очень удачный, хоть и необычный! – не соглашается он.

А вот как характеризует В. Луков суть поэтического творчества:

«Стихи – как семязвержение:

Чем реже – тем сильней оргазм»

Тут, как говорится, и вовсе без комментариев.

Я немало сил приложил, чтобы отбить у Василия Лукова охоту к стихотворчеству. И очень рад, что у меня это не получилось.

А наши творческие разногласия несколько не мешают нам дружить.

Как-то в редакцию пришла открытка с эпиграммой на газетные публикации В. Лукова – всего из двух строк:

«Ах, Боже мой – какая скука:

Опять в «ЗП» Василий Луков!»

Игра слов, может быть, и хороша, но по сути это не так: уж чего-чего, а скуки ни в стихах, ни в статьях В. Лукова не бывает...

Момент истины

В России ли, в Казахстане ли – люди любят ругать власть, включая, разумеется, и президентов. Но вот президенты выходят в народ, и мы видим, во всяком случае на телевизионных экранах, одно сплошное ликование.

Российский канал ОРТ как-то организовал прямое включение из глухой московской деревушки. Пожилая пара видит себя по телевизору в программе «Время». Корреспондент, до того рассказывающий о беспросветности жизни в этой самой деревушке, говорит деду с бабкой: «Возможно, вас сейчас видит и слышит президент. Что бы вы ему

сказали, может быть, попросите чего-нибудь...». Дед сперва замаялся, а потом отвечает: «Да чего просить... Здоровья бы Борису Николаевичу...»

Вот вам и момент истины.

Хорошо еще бабка вовремя встрепенулась – толкнула деда в бок, будто говоря ему: ты что, мол, старый пень, забыл о чем старики день и ночь донят? И тогда дед добавил: «Ну, и песью бы маенько добавить».

Может быть, сами того не желая, телевизионщики отразили типичнейшую ситуацию, когда у людей всегда есть два мнения: одно, так сказать, для внутреннего потребления и другое – на публику. И они, как параллельные, никогда не сходятся...

Ударники капиталистического труда

В Японии нас, казахстанских туристов, повезли на один из заводов, выпускающих легковые автомашины знаменитой марки «Ниссан». Здесь, на сборочном конвейере, нам наглядно продемонстрировали, что такое интенсивный труд в высоко-развитой капиталистической стране.

Мы, человек семьдесят, шли вдоль конвейера (это метров сто) с остановками минут пятнадцать. И никто из работающих (их тоже было несколько десятков человек) ни на секунду не приостановился, не помахал рукой в белой перчатке, не улыбнулся. На нас вообще не обращали внимания. Потому что – некогда. У каждого рабочего места остов будущего автомобиля останавливался на считанные секунды, сборщик мгновенно что-то пристраивал или привинчивал, и машина проскакивала дальше. Люди в прямом смысле работали

как роботы, подчиняясь неумолимому движению конвейера.

Позднее нам сказали, что средний месячный заработок здесь – три тысячи долларов в месяц. Но выдерживают на конвейере очень немногие.

И вот я думаю: если мы на самом деле хотим жить как они, то готовы ли как они – работать?

О менталитете и чувстве ответственности

Наша туристическая группа восемь дней провела в Японии и лишь раз оказалась на берегу Тихого океана. Остановка тут, кстати, не планировалась, но идя навстречу нашим пожеланиям, сверхпредупредительные японские водители нашли место для парковки.

Спустя какие-то минуты двое или трое наших сограждан были уже в воде... Что из того, что февраль – он и в Японии февраль, пусть в тот день и без снега? Что из того, что каменистый берег, обрамленный к тому же специальным ограждением, отнюдь не был предназначен для купания? Может, парни всю жизнь мечтали окунуться в Тихий океан; а что момент не самый подходящий – так другого ведь в жизни, скорее всего, не будет...

Наша гид, сердечная и обаятельная японка Анясан, была близка к шоку: «Что они делают? Это же зима... Здесь нельзя... Меня отстранят от работы...»

Невесть как затесавшаяся в нашу группу канадка Хайди – фотокорреспондент из Москвы, напротив, пришла в неописуемый восторг от безумства горячих казахстанских парней: «Какие молодцы!» – и беспрерывно щелкала фотоаппаратом...

Хлеб родины

Несколько лет назад делегация Павлодарской области ездила в Китай – устанавливать экономические связи. Было много интересного: переговоры, поездки, общение. Мне запомнилась история, рассказанная акимом области Галымжаном Жакияновым:

– Первый раз я поехал в Китай, еще работая в Семипалатинске. Мне подыскали местного китайца – переводчика. У него была драматическая судьба. В свое время его послали учиться в Москву, что, конечно, считалось большой удачей и сулило хорошее будущее. Но в ту пору отношения Китая с СССР уже были изрядно подпорчены, потом дело дошло до военных столкновений (помните – Даманский, Жаланашколь), границы с обеих сторон оказались надолго перекрыты... Тот китаец не смог (а, может быть, не захотел) вернуться на родину, и судьба его забросила в Семипалатинскую область... И вот мы вместе едем в Китай – он, кстати, впервые после долгой разлуки... И как-то во время обеда я у него спросил: «А что, китайцы вообще хлеба не едят, или есть у них что-то свое, подобное?». Он перевел это хозяевам, они подсутились и скоро подали нам нечто непонятное и, мне показалось, малосъедобное: какие-то колобки из теста, причём, полусырые... Я только попробовал из вежливости, а мой переводчик чуть не прослезился, ел и приговаривал: «Какой вкусный – хлеб родины!»

А пиво у них хорошее...

Павлодарский художник Николай Федорович Залюбовский рассказывал мне:

– За границей я был один раз, еще в ГДР. Ездил с нами и один мужик из Экибастуза – монтажник-высотник с ГРЭС-1. Немцев он недолюбливал, говорил: «Они трех моих братьев убили...». И вот он один раз утром не поехал с нами по маршруту. Я, говорит, вас в пивбаре подожду. Вернулись мы часов в пять вечера и застали его там же – уже «хорошего». «Ну, как, – спрашиваем, – дела?». Он начал, как обычно: «Я, – говорит, – немцев не люблю, они трех моих братьев убили». Помолчал и добавил с совсем другими – уважительными нотками: «А пиво у них хорошее... И очереди нету... И приносят сами...»

Для сведения: хуже экибастузского пива в советскую пору в Казахстане, наверное, не было... Разве что качирское... Но даже и того, и другого летом было не достать.

На чужбине

Из письма однокурсницы, уехавшей в Германию:

«Ты знаешь, у меня все хорошо, я все же вписалась... Работаю... Квартиру недавно новую купили – сразу с мебелью, с телефоном... Все у меня есть...»

Но, понимаешь: телефон есть, а позвонить некому. Совсем некому... Живу среди людей, а как будто в лесу – одна-одинешенька... Чтобы хоть с кем-то поговорить по душам, я должна записаться на прием к психотерапевту. Час – пятьдесят марок...»

Персональный трап

Иногда спрашивают: почему в свое время не встали на защиту компартии ее рядовые члены, почти 18 миллионов человек, ведь не все же они были приспособленцами? Тут есть, конечно, над чем поразмышлять, но мне почему-то приходит на память письмо в редакцию – из перестроечных времен. В нем павлодарец, читатель газеты, рассказал о таком случае.

Он летел на обычном рейсовом самолете из Алма-Аты. Самолет был полон, пассажиру место досталось во втором ряду, за человеком, в котором он без труда узнал нового первого секретаря обкома. Тот, впрочем, ничем особым не выделялся; весь полет читал газеты и, едва самолет вырулил на стоянку, оделся и направился к первому выходу. Сюда, как успел заметить в иллюминатор сосед-пассажир, уже подруливал трап. Часто летавший павлодарец еще подивился такой оперативности, а также тому, что на этот раз к самолету подают сразу два трапа, и устремился вслед за первым секретарем... Но не успел – тот уже спустился, а трап отъезжал. Оказалось, он был персонально предназначен для первого секретаря. Все остальные, как всегда толпясь и подталкивая друг друга, стали спускаться по второму трапу.

Эту картину, возмущаясь, и описывал наш читатель.

Сначала я не поверил ему. Но оказалось – всё правда. Первому секретарю обкома, к тому же депутату Верховного Совета СССР, по какой-то инструкции полагалось подавать отдельный – первый трап.

Изменилось ли что-то в этом смысле за последние годы? Пожалуй... Нынешние руководители подобного ранга предпочитают спецрейсы...

«А яйца я возлагаю на комсомол!»

Комсомол в свое время всегда над чем-то шествовал: над овцеводством, над трудными подростками, над ударными стройками...

В целинные годы павлодарская комсомолия выступила с почином – возродить «голубую целину», организовать на селе повсеместно, где есть хоть какой-нибудь водоем, утиные фермы. А на первом этапе требовалось обеспечить энтузиастов утиными яйцами. Эту непростую проблему и готовы были взвалить на свои плечи комсомольцы, призвав на помощь своих соратников по союзу из других регионов страны.

Присутствующий на областной комсомольской конференции секретарь обкома партии одобрил инициативу, завершив свою речь так: «Мы, конечно, со своей стороны тоже подтолкнем кого надо, а по яйцам, считаю, договорились – яйца я возлагаю на комсомол!»

* * *

Теперь этот случай вспоминают как анекдот. Но я сам был свидетелем того, как секретарь уже райкома партии закончил выступление на районном совещании по проблемам искусственного осеменения в овцеводстве энергичным призывом:

– А теперь все – на случку!

И его прекрасно поняли: никто даже не улыбнулся.

Блестки от Беркетова

Сапарбек Султанович Беркетов – известный в области человек, лауреат Государственной премии СССР, академик международной академии. В 70-80 годы прошлого века он работал директором

суперсекретного Павлодарского химического завода, который, кроме мирной, выпускал также продукцию военного назначения. И вот об этой стороне работы предприятия его бывший директор даже теперь, спустя четверть с лишним века, предпочитает не распространяться. Но на недавнем своем восьмидесятилетнем юбилее чуть-чуть приоткрыл завесу тайны, давно оставшейся в прошлом, рассказав о трёх показательных историях...

Находчивость

– Завод наш был союзного подчинения и относился к Министерству химической промышленности СССР. По делам службы мне часто приходилось бывать в Москве, встречаться с министром – Леонидом Аркадьевичем Костандовым (впоследствии заместителем Председателя Совета Министров СССР), который ко мне хорошо относился и называл сынком, потому что я был самым молодым директором завода в отрасли. И вот только я однажды вернулся из столицы – звонит помощник министра: «Срочно вылетай в Москву!». Да я, говорю, только из Москвы, что случилось? Ничего не объясняет: «Вылетай, в аэропорту тебя будет машина ждать...». Самолет в Москву тогда летал каждый день, и я через несколько часов вылетел. Взял с собой кое-какие бумаги по заводу – на всякий случай, хотя по-прежнему не знал, зачем вызывают.

В Домодедово меня прямо у трапа ждала «Волга», чего прежде никогда не было, и мы поехали. Спрашиваю: «Куда едем?» – «Во Внуково...». А там стоял уже готовый к вылету самолет. Оказалось, только меня ждали...

Уже в полете узнал – летим на Камчатку, но зачем – все ещё не говорят. Разносят закуски, выпивку, а мне, конечно, не до этого...

На Камчатке состоялось совместное заседание коллегии трёх министерств: обороны, среднего машиностроения, также работавшего главным образом на оборону, и нашего – химической промышленности. Повод – неполадки в «изделиях», к которым все эти три ведомства имели отношение, – твердо-топливных баллистических ракетах. С Камчатки во время учений их запускали в определенные точки Тихого океана, за тысячи километров. А они до заданного района не долетали – сгорали и падали раньше. Предстоял «разбор полетов», который вели три министра: обороны – Дмитрий Федорович Устинов (член Политбюро ЦК КПСС, человек из ближайшего окружения Генсека Брежнева); среднего машиностроения – легендарный Ефим Павлович Славский, трижды Герой Социалистического Труда, возглавлявший это министерство лет тридцать, и мой министр – Леонид Аркадьевич Костандов.

Нас вызывали по очереди, и, провожая меня, начальник одного из главков Минхимпрома произнес загадочную фразу, смысл которой мне стал понятен лишь много позже: «Желаю тебе, Беркетов, и обратно выйти через эту дверь...».

И вот стою я перед тремя союзными министрами и держу ответ. Мы поставляли компоненты для этих самых ракет, но не напрямую, а другому предприятию, в город Навои, которое использовало их в следующем цикле производства. И по чьим-то докладам выходило, что это якобы мы напартачили. И обстановка в зале уже наэлектризована... Я её всей кожей чувствую... И молчу... Покрываюсь холодным потом...

«Ты что молчишь, Беркетов?» – не выдерживает Костандов. «Так я же нерусский», – говорю я. «Ну и что? – он даже как будто опешил. – Я тоже нерусский...».

«Я, – говорю, – казах, и мне надо время, чтобы перевести ваши вопросы на казахский, сообразить, что ответить – на казахском, опять перевести на русский и только потом...».

Министры рассмеялись, и обстановка сразу разрядилась. А я стал спокойно объяснять, тем более, что суть вопроса была мне ясна: «Компоненты, которые мы поставляем в Навои, соответствуют всем требованиям, есть все необходимые заключения, подтверждающие документы... Да здесь и директор завода, которому мы отправляем продукцию, пусть он скажет, есть ли к нам претензии». Тот отвечает, притом твердо: «Претензий нет».

Словом, куда надо вырулил и обратно вышел в ту дверь, в которую надо... Но хотите верьте, хотите нет – ноги в ботинках были мокрые – это пот стекал с меня, когда я перед министрами отчёт держал... А кое-кого, говорят, увели прямо с коллегии для разборок уже в другом месте...

«Для нас тюрьма построена...»

– Дело было в конце семидесятых или в начале восьмидесятых годов. Тогда все крупные предприятия облагались своего рода данью – за счет средств, выделяемых союзными министерствами на их развитие, строились нужные городу объекты социальной сферы. Мы, кстати, таким образом построили больницу, теплицы, бассейн, много жилья.

И вот звонит мне однажды первый секретарь обкома Исаев и говорит: «Готовься, полетим с тобой

в Москву». А что мне готовиться – я там в иной месяц по два раза бывал – завод-то наш был союзного подчинения. Спросил только: «К чему готовиться?» – «К твоему министру, – говорит, – пойдём, будем деньги просить». – «На что?» – «На новую тюрьму».

Я удивился такому повороту дела, но спорить не стал – не принято было. А старая тюрьма, еще до-революционная, если кто помнит, стояла между улицами Ленина и Дзержинского, на их пересечении с улицей Лермонтова. Представляете себе: тюрьма – на улице Ленина!

Пришли мы к министру химической промышленности Леониду Аркадьевичу Костандову. Ему было в ту пору уже за шестьдесят, а мне, когда я принял завод – 45 (я был самый молодой директор в отрасли). Леонид Аркадьевич хорошо ко мне относился, можно сказать – по-отечески, называл меня «сынком». Поговорили с ним о делах, сказали про тюрьму. И он вдруг – мне: «Ты-то, говорит, сынком, особенно не беспокойся – для нас с тобой тюрьма давно построена...» Я понял, что он имел ввиду: в интересах дела любому руководителю крупного завода и министру тоже приходилось идти на разные нарушения и, стало быть, нас всегда можно было «взять за жабры»... И я больше в разговор не встречал. А денег министр дал... Так в Павлодаре появилась новая тюрьма. А старую снесли.

Мастер Мошкин

– На нашем заводе было немало сложной техники, в том числе мощные дорогостоящие компрессорные установки – охладители, регулировать которые умел лишь один человек, по фамилии...

ну, скажем, Мошкин. Он был из мастеров мастер, понимал и чувствовал эти установки, как хороший музыкант чувствует инструмент, на котором играет...

Я этого Мошкина лично возил на работу и обратно. Потому что он был любитель выпить, и если запивал, то пиши пропало... Мы даже зарплату его жене отдавали – от греха подальше.

И вот он как-то приходит ко мне на прием и говорит: «Во что вы меня превратили? Я самый бесправный человек на заводе!». «Да ты что говоришь, – отвечаю, – у меня на заводе шесть тысяч работающих, а сюда и обратно я тебя одного вожу!». «А надо мной люди смеются: какой ты, говорят, мужик, если сам на работу не можешь ездить и даже зарплате своей – не хозяин...». И вижу – чуть не плачет.

«Чего же ты хочешь?» – спрашиваю. «Хочу на работу, как все, на трамвае ездить и зарплату сам получать!». «Ладно, – говорю, – как хочешь», – хоть и знаю, что будет дальше.

Конечно же, недолго он продержался... Раз сорвался, другой, у нас вся работа стоит... Жена пришла в слезах – дома скандалы...

Вызвал его: «Не могу, – говорю, – без тебя обойтись, да и ты пропадешь с такой жизнью...». Голову опустил, молчит...

И я опять стал его возить на работу и с работы...

Аберрация сознания

Эту историю рассказал мне Н.Г. Шафер.

В свое время он отбывал срок за «систематическое распространение клеветнических измышлений о советском государственном строе». (На са-

мом деле ничего подобного Шафер не совершал и впоследствии был реабилитирован).

Первые три месяца своего срока, пока велось следствие и шел суд, Н.Г. Шафер провёл в Павлодарской тюрьме.

— Сначала я попал в «привилегированную» камеру, — рассказывал Наум Григорьевич. — Она была рассчитана на четырех человек, в ней был деревянный пол и через зарешеченное окно даже проглядывал кусочек неба. А потом меня перевели в общую камеру, человек на тридцать, к уголовникам... И знаете, какое у меня было самое большое желание? Вернуться в прежнюю камеру! Не домой — об этом даже не думалось, а именно туда, где деревянный пол, краешек неба в окне и нормальные сокамерники...

Безысходность

Я знал его лет тридцать. Его звали Сергей. И всегда он мне казался волевым, мужественным человеком. Всю жизнь занимался спортом, испытывал себя на предельных нагрузках. Как-то затеял забег на сто километров, потом — заплыв на 25 километров.

Работал тренером по плаванию, подрабатывал грузчиком. Всегда был собран, сдержан, деловит.

Однажды вечером Сергей отнёс сестре двух живших у него кошек, попросил 15 тенге на проезд, сказал, что его не будет несколько дней... Вернулся домой и повесился.

Почему он так поступил? Может, что-то у него случилось? В общем, ничего особенного. В бассейне его сократили, в магазине сказали, что грузчики им больше не нужны, другой работы не на-

ходилось... Семейно завести не успел, жил одиноко, замкнуто... В петлю его загнали беспросветность настоящего, пугающее своей неизвестностью будущее, страх одиночества.

Провидческие строки

В свое время актер и талантливый пародист Валентин Гафт написал ядовитую эпиграмму: «Россия, слышишь страшный зуд? Три Михалкова по тебе ползут». Имелись в виду отец, поэт и общественный деятель Сергей Михалков, и его дети — знаменитые кинематографисты Андрон и Никита. Все трое — сверхактивные люди.

И когда, уже совсем недавно, Россия приняла новый текст государственного гимна, отдав предпочтение из многих предложенных вариантов, опять Михалковскому (старший Михалков соавтор первого — сталинского, автор второго — послесталинского, а теперь вот и третьего), российские юмористы язвительно иронизировали: большое видится на расстоянии — в той эпиграмме была заложена более глубокая аллегория. Под ползущими по России тремя Михалковыми В. Гафт иносказательно имел в виду три версии государственного гимна.

Благодарность

Ухоженная могила на городском кладбище. Уже не один год за ней присматривает пожилая интеллигентная женщина. Она делает это по собственной воле, хотя тут похоронен чужой ей человек.

Вот ее история.

1942-й военный год. Глухая деревенька, затерявшаяся в необъятных просторах Северного Ка-

захстана. Школа-восьмилетка. Расшалившиеся на перемене ученики уронили висевший в классе портрет Сталина в застекленной рамке. Стекло разбилось, порезав непрочную бумагу с изображением вождя народов.

Классная руководительница – немка с Поволжья, спецпоселенка. Она знает, что у нее в школе есть недруг, и он тотчас сообщит о случившемся «куда следует». И она сама едет в район, идет к начальнику районного НКВД. Обливаясь слезами, рассказывает...

– Знаю-знаю, – говорит он ей, – уже есть сигнал.

– Что же мне теперь делать? – в отчаянии спрашивает она.

– Вам надо немедленно уехать, – отвечает он, – идите в районный отдел образования за новым назначением, я позвоню заведующему.

Умный человек, он сразу понял, что дело не стоит выеденного яйца, как и то, что житья ей в той школе не будет.

Ее с охотой взяли в другое место, где она продолжала преподавать свою математику. Первое время ждала, что за ней придут, а потом успокоилась.

Спустя годы судьба свела их в столице Казахстана. Она подошла, напомнила о себе. Он ответил: «Да-да, я помню». Она помогала жене хоронить своего спасителя, когда он умер. Потом его жена уехала в другой город к детям. А старая учительница много лет ухаживает за могилой.

Встречи с чудом

Очищение

Такое случается, наверное, с каждым... Бессонной ночью услышишь вдруг, что дождевики стучат по жестяной крыше вразной. Или заметишь свежим морозящим вечером, что луна нынче матовая, а влажные провода блестят, как натянутые струны.

Почувствуешь горько-свежий запах опавших листьев в осеннем лесу и ни с чем не сравнимый, до боли знакомый запах пыльного зерна у совхозного тока.

Такое случается, наверное, с каждым. И невольно остается в тайниках памяти, чтобы отозваться тихой радостью или щемящей грустью. И делает нас добрее к людям, лучше и чище...

Сила жизни

В Баянауле красивые и своеобразные горы. Но самое удивительное здесь – не они, а деревья, растущие прямо на камнях.

Каменные глыбы, как блины, пластами выходят из-под земли, наслаиваясь друг на друга; прямо на пластах неизвестно за что цепко держатся щупальца корневищ сосен, берёз... Трудно дереву бороться с камнем, гнется оно, рвется вверх – вкривь и вкось, изгибается, словно в танце, но камню не уступает: глыба трескается, появляются расщелины, за которые с удвоенной силой цепляются корни деревьев... Чтобы выжить, снова дробить камень, давать потомство.

Вот она – сила жизни, которой можно позавидовать.

Мелодия дождя

Было тепло и тихо, как бывает почками в наших местах только в середине лета. И дождь пошёл незаметно, теплый, спокойный и очень редкий. Не было слышно привычного монотонного шелеста, только тишина становилась все ощутимее — в такие минуты невольно ждешь звука, который бы ее нарушил. И он пришёл также незаметно и тихо, как сам дождь: чуть слышный, но явственный — будто кто-то едва коснулся колокола. Казалось, мелодичный звон родился только для того, чтобы коснуться уха и исчезнуть. Это первая капля дождя, скатившись с крыши, попала на пустое ведро, висевшее вверх дном на заборе.

Странная и пока еще не волнующая нота родилась снова и звучала теперь громче, отчётливее. Не успев оборваться, зазвучала опять, тревожа и настораживая.

Звук был однотонный и печальный, похожий на перезвон маленьких колоколов. Он не раздражал почему-то, только тревожил. Но это была еще не мелодия, она пришла чуть позже — просто и ненавязчиво — звуки были теперь разной силы и тональности. Так, случается, играют лишь для себя, словно задумавшись и не мешая другим.

Ветер случайно тронул листья клена, на дно ведра упали сразу несколько капель, и этот неожиданный аккорд оборвал грустную мелодию.

Потом она пришла снова, но это уже была другая мелодия, и слушать ее уже не хотелось.

Ошибка

Как-то осенью в Алма-Ате зацвели яблони. Странно и непривычно было видеть рядом с жел-

теющими и уже пожухлыми листьями маленькие и беззащитные розовые и белые бутоны.

Яблони хотели, наверное, пережить весну в одном году дважды. А это не всегда удается даже людям.

Маленьким бутонам было одиноко и неуютно холодными осенними ночами, и они не понимали, что обречены на гибель.

А синоптики объясняли все очень просто: в Алма-Ате была на редкость теплая осень.

Иней

Вечером упал туман. Сгладил очертания домов и деревьев. Яркие огни редких фонарей стали матово-бледными кругами и полукружьями. Потускнели звезды.

Всю ночь трудился туман, оседая на голые ветки деревьев, провода, окна домов и столбы.

А утром туман растаял, словно его и не было. Зато остались совсем седые деревья, пушистые провода, посеребренные крыши домов и столбы. На улице тихо и торжественно. Воздух свеж и прозрачен.

Но посмотришь на солнце – воздух искрится и переливается: то ветер сдувает с проводов и деревьев мельчайшие снежные иглы, еще недавно бывшие туманом. И странно – смотреть больно, а отвернуться не можешь.

Тополиная метель

Невесомая пышная шаль липнет к заборам, укутывает калитки, прозрачным слоем стелится по земле...

Мой трехлетний сын бежит по белым островкам, взметая за собой белый туман – так, наверное, можно бегать по облаку...

Пух, гонимый ветром, лезет в нос и в уши, серебрит волосы.

– Ну, чисто буран, – говорит мать, прикрывая ладонью глаза.

Скворцы прилетели

На совхозной улице переполох – скворцы прилетели. Сидят рядком на проводах, по-хозяйски орудуют в садах среди голых еще ветвей тополей и кленов, наполняя округу щебетаньем и щелканьем, трелями и пересвистом. Во всех дворах царит праздничное оживление: ребятня и взрослые шарят по кладовкам и чердакам, извлекая на свет божий скворечники... А то непорядок получается – хозяева прилетели, а квартиры не готовы...

Удивительный факт: никто не видит, когда именно и как прилетают скворцы. Просто однажды утром обнаруживается, что они прибыли, и теперь дело чести каждого двора встретить новоселов как подобает. Очищаются от мусора и пыли старые скворечники, спешно готовятся новые, и вот уже то там, то здесь поднимаются в небо шесты с разнокалиберными птичьими домами – выбирай, кому что нравится!

Соседям везет: дед Годун не успел как следует шест закрепить, а две скворчиных семьи уже затеяли шумную ссору за право обладания жилищем... Чрезвычайно довольный этим обстоятельством, дед спешит к нам поделиться радостью: «Мой-то, вишь, заселился...» Достает кيسет, степенно закуривает и поучает отца: «Ты бы, Митьк, развернул

скворешню к востоку – птице, ей, вишь, наспротив солнца сподручней...»

Я жду, затаив дыхание: остаться без скворцов было бы в высшей степени обидно и несправедливо. И вот откуда-то сверху спикировал скворец и на крышу вывешенного нами домика. Мигом обследовал внутренности скворечника, видно, остался доволен. На его призывный пересвист явилась хозяйка... Новоселье состоится. И душа полнится рвущейся через край радостью: на улице – весна, всю греет солнце, скворцы прилетели...

Весной

Весна. Уже подсохли пригорки, и мы, пацанва, по вечерам играем на них в лапту... На приусадебных участках хозяева жгут скопившийся за зиму мусор, прошлогоднюю картофельную ботву, остатки ненужной соломы. Голубые сумерки... Плывет, слонится по совхозным улицам сизоватый ароматный дымок... Еще не тепло, но уже и не холодно. Душу переполняет ни с чем не сравнимое, ни на что не похожее светлое чувство. Хорошо, сам не знаешь отчего. До сладких слез хорошо...

Нигде больше и никогда не бывало так безмятежно и светло на душе, как в те уже теперь далекие весенние совхозные вечера с плывущим по улицам слоистым ароматным дымом.

Холодно

Морозный день. Только взошло солнце. Воробей на ветке нахохлился, топорщит перья – видно, так греется. И при каждом его движении можно заметить, как из крохотного клюва вылетает едва за-

метное облачно пара. Ох и холодно воробью! А не поможешь...

Тихая охота

Грибы как люди: у каждого свой нор, свои привязанности. Всякий уважающий себя грибник знает, за чем идет он в лес, и соответственно этому лес выбирает.

За грибами на жареху лучше всего пойти в смешанный лес, где спокойные берёзы уживаются с нервными молодыми осинами и разномастным семейством тальника. Первой вас обязательно встретит нарядная сыроежка. Она вообще любит яркие одежды и шляпку свою красит едва ли не во все существующие цвета радуги, с самыми неожиданными оттенками – от бледно-желтого и малинового до светло-зеленого и густо-синего. Сыроежка – гриб бесхитростный и неприхотливый: ее можно встретить и в березняке, и в осиннике, на опушке и в тени, она не прячется, как ее многочисленные собратья, а, наоборот, сразу бросается в глаза. Сыроежка не слишком ценима основной массой грибников, а без нее и лес не лес...

Застенчивый подберёзовик и франт подосиновик в смешанном лесу нередко соседи. Вот среди редкой травы застыл на тонкой ножке подберёзовик, а рядом, в осиннике, маячит густо-красная шаровидная шляпка подосиновика, корень у него забирается глубоко в землю и бывает во много раз больше головы. Иногда ошибешься, приняв издали за подосиновик молодой мухомор, на котором еще не проклюнулись характерные белые пятна.

Если особенно повезет, вам встретится боровик, он же белый – гриб степенный и важный. У боро-

вика выпуклая смуглая шляпка, которую держит плотная осанистая ножка, чем-то похожая на короткую перевернутую морковку. В хороший год боровик растёт все лето, но встречается он не часто, так что найти его – большая удача. Этот гриб хорош в любом виде – жареном, вареном, маринованном, его можно сушить и солить; при этом боровик всегда остается белым – отсюда, наверное, и второе название.

Ближе к осени любители тихой охоты наведываются в лес в поисках груздя. Из соленых грибов он самый вкусный. У нас растёт несколько видов груздей, поэтому встретить их можно в любом лесу – березовом, осиновом, смешанном, на пойме. Поросшие травой опушки и лесные поляны облюбовал белый степной груздь – истинные грибники называют его белянкой. Сухой груздь предпочитает сумрачные осинники. Срежешь его, и на ножке мгновенно выступает белый сок, напоминающий молоко, поэтому такой груздь называют еще молочным.

Но особенно ценим у грибников житель влажного и тенистого колка – настоящий, или сырой груздь. Опытный глаз обратит внимание на характерный, едва заметный бугорок рядом с березкой. Под шапкой из листьев и прячется влажно-горький упругий, ворсистый красавец. Белый гриб почти невесом, а срезав этот, сразу чувствуешь благородную тяжесть. Вот это удача! Но не спешите. Настоящий сырой груздь не любит одиночества, гриб он семейный. У молодых груздей шляпка выпукловогнутая, с плавно закругленными вниз краями; у старых – широкая, в форме развернутой воронки.

Далеко не каждый год бывает урожайным на грузди, особенно сырые. Последний раз они нео-

бычайно уродились дождливым летом 1980 года. В августе и сентябре почти в каждом колке обитало тогда и несметное количество опрятно-рыжих волнушек, а их у нас тоже далеко не каждую осень встретишь. Тот год грибки окрестили годом сырого груздя и волнушки.

Впрочем, кто ищет – находит грибы в любой год. В лесопосадках в середине осени упрямо лезет из земли неистребимое племя стойких валуев. В колках и на пойме каждые лето и осень попадаетесь степной белый груздь...

Осенний лес не только красив, но загадочно щедр: случалось, подберезовики и грузди в нашем краю находили и в конце октября, по первому снегу.

Запах родины

Хорошо оказаться ранним утром, на исходе мая, в нашей павлодарской степи... Земной простор до самого горизонта, голубой купол неба – и ничего больше. Неброский, радующий взор пейзаж. Легко, привольно дышится. Тихо до звона в ушах. Накатывает легкими волнами шаловливый майский ветер, принося с собой родной, до боли знакомый запах...

Этот неповторимый, с горчинкой, запах – то внятный, резкий, то едва осязаемый – мне никогда не забыть и ни с чем не спутать, я помню его с первых мгновений своей осознанной жизни. Это запах моего детства, моей родины. Это запах полыни.

В нашем целинном краю она отвоевывала себе место всюду – на приусадебных домашних огородах, на обочинах дорог, в привольной степи. На окраинных совхозных пустошах полынь вымахивала высотой в человеческий рост, и мы, пацанва,

затевали в ее пахучей чащобе свои нехитрые игры с захоронками-поисками-преследованиями... Когда полынь цвела, мне нравилось срывать с ее макушек покрытые пылью зеленоватые шарики-плоды, прихватывая мелкие, узкие листья, и, растерев на ладони, нюхать... Запах был густой, насыщенный. И потом ладонь еще долго хранила аромат полыни, ее стойкую горечь.

В первые годы целины полыни в нашем краю было так много – целые дремучие заросли – что ее использовали вместо камыша как строительный материал. У некоторых наших соседей в наскоро сооруженных сараях стены были из стеблей полыни, обмазанных глиной. И ничего – десятки лет стояли! Сухими, ломкими полынными стеблями подтапливали хозяйки «походные» летние печурки, на которых готовились – прямо во дворах – обеда и ужины. А как аппетитно хрумкали зимой овцы, выискивая в степном сене полынок и курай! Считалось, что без витаминной полынной добавки для овец и корм – не корм... Еще помню полынные веники – их мы заготавливали в поле из какой-то особой полыни, похожей на кустарник, с упругим, почти древесным стеблем...

Кто-то считает полынь грубым, бестолковым растением. А я ее люблю. Наверное, не меньше, чем ароматную степную землянику моего детства...

Самая удивительная встреча с полынью была у меня несколько лет назад в Америке. В штате Джорджия нас, казахстанских туристов, повезли в экзотический сад цветов, который нам показался раем земным. Диковинные цветущие деревья, благоухающие кустарники, необыкновенной красоты растения со всего света... И вдруг у самой дорожки, посыпанной мелким гравием, такие неожиданно

знакомые сероватые, с легкой голубизной, совсем крохотные кустики. Неужели полынь? Оказалось – она самая. Ее тут выращивают как редкое экзотическое растение. Не знаю, как и когда она здесь оказалась, но пахла совсем как у нас дома...

Последняя ночь в Майами

У подножия отеля ворочался, вздыхал, поудобнее устраиваясь на ночь, Атлантический океан...

В это было трудно поверить, но это было: бесконечный Майамский пляж, смутные силуэты кораблей на горизонте и океан, который можно потрогать...

Дороги

Проселочные дороги появляются неожиданно и сразу – вместе с людскими заботами. Верно служат, пока нужны, и забываются, уступая место новым, большим и более удобным; они зарастают травой, стареют и умирают в одиночестве.

Проселочные дороги чем-то сродни первопроходцам. На их долю выпадает самое трудное и неожиданное. Они многое знают, многое помнят, они, и умирая, могут служить случайному путнику.

Я люблю их, эти полузабытые, ничего не говорящие случайному человеку просёлки. Они дороги мне, как пожелтевшие старые книги, как верные друзья детства.

Что сильнее?

Однажды весной на наши дачные участки очень долго не подавали воду. Все сохло буквально на

глазах, даже комаров почти не было. И вот, наконец, воду дали. Я открыл все краны, и около большого бака с водой образовалась лужица. Тут же, неизвестно откуда, возникла ящерица и как-то совсем по-собачьи жадно стала лакать воду. Она была совсем рядом, в каком-то метре от меня, делала короткие передышки и снова пила...

Жажда оказалась сильнее инстинкта самосохранения? Или, наоборот, инстинкт самосохранения заставил пренебречь явной опасностью?

...Я отошёл в сторону, чтобы не мешать ящерице...

Живая душа

Ранней весной на даче бывает так же неуютно, как поздней осенью. Пожухлая прошлогодняя трава, сквозь которую едва-едва проклёвывается новая зелень; жалкие и не очень опрятные кусты и деревья, остатки грязноватого снега в укромных местах... Даже птиц в такую пору почему-то не слышно. В такие минуты как-то особенно сильно ощущаешь одиночество и неприкаянность.

Так было в тот раз и со мной. Делать еще вроде нечего, пришёл, сам не знаю зачем... И вдруг услышал какой-то шорох в глухом, самом запущенном углу, где перемешались невесть как туда забравшиеся кусты малины, черемухи и чего-то еще, чему я не знаю названия, потому что мы ничего здесь не сажали... Подумал сначала – просто показалось. Но оттуда снова послышался шорох и куда более явственный... Пошёл посмотреть и обнаружил среди кустов серого степного ежика, маленького, с кулачок... Похоже, он зимовал где-то здесь и теперь приходил в себя после долгой

спячки. Как я обрадовался этому бродяге-ежику: все же еще одна живая душа! И сразу будто отлегло от сердца, и уже не было так неуютно и одиноко на еще не проснувшейся после зимы даче.

Я видел кукушку

Каждый из нас, и наверняка не один раз, слышал кукушку. Но кто может похвалиться, что он кукушку видел? Эта птица очень осторожная.

Прошлым летом мне удалось понаблюдать за кукушкой на даче. Она куковала уже несколько дней – то где-то на острове, за неширокой протокой, то в пойменном лесу, что тоже недалеко от нас. И вот майским вечером уже привычное гулкое «ку-ку» послышалось совсем рядом. Такого чистого и звонкого голоса кукушки мне еще не приходилось слышать – может быть, потому, что он звучал так близко?

Я завертел головой в надежде увидеть неожиданную гостью. И рассмотрел метрах в пятидесяти на самой верхушке старого, полусохшего карагача ее продолговатый, будто литой силуэт. Он очень рельефно смотрелся на фоне вечернего леса и по своим контурам напоминал хорошо знакомую нам сороку, с той лишь разницей, что тело у кукушки длиннее, а оперение у нее менее яркое, однотонное.

«Ку-ку! Ку-ку!» – продолжала свой вечный зов кукушка, а я все смотрел и смотрел, совершенно забыв о том, что надо бы спросить у нее: «Кукушка, кукушка! Скажи, сколько лет мне еще жить?»

*Еще зима, но уже весна
(Предощущение весны)*

Я очень люблю это пограничное состояние в природе.

Еще, конечно, зима, но уже чуть-чуть весна. Уже потрудились солнце и растопило предутренний туман. В воздухе разлита прозрачная, хрустальная свежесть... И хрусткий ледок под ногами в пристывших за ночь лужах, и легкий морозец, и высокое небо, и звонкий птичий концерт в соседнем парке...

Все это пьянит, будоражит душу, и ты невольно ускоряешь шаг, и дышишь полной грудью...

Потом разойдётся солнце, начнёт слепить глаза или греть спину... Притаает лед... И будет тоже хорошо... Но лучше всего – утром, февральским утром, когда отчётливее всего понимаешь: уже весна, хотя еще, конечно, зима.

Степь. Времена года

Один из знаменитых путешественников, побывавший в наших местах в конце девятнадцатого века, написал, что он не видел ничего более однообразного и унылого, чем павлодарская степь.

Вряд ли с этим согласятся те, кто родился и живёт здесь. Для тех, кто способен видеть и понимать степь, она прекрасна в любую пору, во все времена года.

Хорошо оказаться в степи весной, на исходе мая или в начале июня, ранним утром... Зелёный ковёр трав, внятный запах полыни... Степь благоухает... Песня невидимого в небе жаворонка... Земной простор до самого горизонта – неоглядная зелёная равнина, небо и ты... Найдётся ли человек, чью душу не тронет этот неброский, радующий взор пейзаж?

Умытая быстрым июньским дождём степь ходит под утренним солнцем волнами и лоснится, как круп молодой сытой кобылицы.

Осенняя степь в погожие дни дышит спокойствием и умиротворением, а в ветреную пору поёт: это ветер играет на струнах трав свою никогда не повторяемую мелодию.

Осенью в степи можно увидеть самую земную из всех земных картин – рукотворную: золотистые хлебные поля от горизонта до горизонта... Всюду, куда хватает взгляда, хлеб, хлеб, хлеб... Разве такое забудешь?

Полна очарования и тайны скованная морозом зимняя степь, когда над ней курится позёмка и когда на белой равнине так гармонируют, дополняя друг друга, цвет снега и прошлогодней травы.

В степи хорошо, неспешно думается, здесь отдыхаешь душой, как будто оттаиваешь, и начинаешь верить в то, что кажется совершенно недостижимым в «другой» жизни...

Боевая ничья

Когда я впервые попал в Баянаул, то был очарован не только его красотами, но и поражён невероятной силой жизни деревьев, растущих здесь прямо на камнях. Вообще же примеров живучести в природе настолько много, что их трудно описать. Вот ещё один...

Около двух десятков лет назад наше семейство стало хозяином дачного участка. Совсем небольшого – в четыре с половиной сотки, зато в тихом, укромном месте, на самом берегу старого русла Иртыша, ставшего протокой. Прежние хозяева дачки посадили за её забором несколько карага-

чей – с вполне определённой целью: чтобы они, набрав силу, держали своими корнями берег, не давая ему осыпаться. И вот уже полвека карагачи успешно справляются с этой задачей. Но им давно стало тесно на глинистом, твёрдом, как камень, берегу... Мало того, что карагачи затеняют добрую половину нашего и без того крошечного сада-огорода, лишая его солнечного света, но они каждую осень щедро рассыпают по всему участку свои семена. И молодой карагач каждой весной всходит как сорняк повсюду, порой в самых, казалось бы, не подходящих для этого местах – среди зарослей малины, под раскидистой яблоней-«уралкой», в центре грядки лука-батунна... И если вовремя не вырвать эту юную поросль, потом уже ничего нельзя сделать. Как-то росток карагача забрался в куст черноплодной рябины, так быстро окреп там и укоренился, что мне – что бы я ни делал – никак не удавалось его выжить. Каждой весной карагач вновь давал отростки, а рябина всё хуже плодоносила и чахла, чахла, чахла... В конце концов пришлось выкорчевать карагач вместе с ней...

Так и проходит наша совместная жизнь со старыми карагачами – в постоянной борьбе, с переменным успехом. Каждые два-три года мы беспощадно обрезаем их кроны, а они затем отрастают вновь. И меня вполне устраивает то, что у нас с ними в этой упорной борьбе – боевая ничья...

Любимая пора

В детстве я больше всего любил пору ранней весны. Когда, оттаивая, совсем по-особому пахнет земля, наполняясь живительными весенними соками, когда пробивается к солнцу первая робкая

травка, когда едва набухают почки... В такую пору хорошо было выйти за село, присесть на уже подсыхший пригорок, ощущая, как сильно и свежо тянет холодком и сыростью из близкого берёзового колка, где ещё лежит снег... И просто посидеть, ни о чём не думая...

На набережной...

На набережной Иртыша я живу, по ней уже много лет хожу на работу и часто гуляю. С ней связано много впечатлений и воспоминаний. Может быть, они будут интересны ещё кому-то...

Камыш

Когда-то на этом отрезке набережной – там, где теперь стоят наши десяти-двенадцатиэтажные «кривые» дома, многоэтажек не было. Не было острова, что на наших глазах возник правее Лермонтовского пляжа. Не была обустроена и средняя часть набережной – с теперешними фонтанами и террасами к Иртышу. Зато был внизу «камышинный остров» – густые высокие заросли, через которые вела неширокая дорожка. Летом, в самую жару, в этих зарослях можно было ощутить желанную прохладу. Ещё тут чуть-чуть пахло болотной сыростью от никогда не высыхающей лужи, покрытой зелёной ряской. А зимой, особенно во время бурана, в сердцевине этого «островка» было тихо и как-то очень уютно. Наверное, и потому ещё, что шум ветра был слышен и тут, но сам ветер сюда не добирался, и даже снег сверху падал почти отвесно. Ещё откуда-то сверху проникал зимними вечерами свет, завершая картину умиротворяющей гармонии.

Дерево-жизнь

Этот могучий старый клён на набережной стоит особняком. И его не спутаешь ни с каким другим деревом. У клёна короткое, мощное основание,

а дальше вместо ствола – кривые, искорёженные ветви, растущие во все стороны. Мне он напоминает ушедший двадцатый век – со всеми его кровавыми изломами, противоречиями, бедами...

«Всё уже было, – как будто говорит нам клён, – и я всё это видел, пережил и продолжаю жить».

Этот клён для меня – символ жизненной силы и стойкости. Я называю его дерево-жизнь и показываю своим друзьям, которые впервые бывают со мной на набережной.

Иртыш

Настоящего ледохода-ледолома на Иртыше нет с тех пор, как он не стал замерзать в черте города. Но можно наблюдать подвижку льда у речного вокзала. А ниже по течению – картину, чем-то напоминающую вечное движение... Шуршание льдин, трущихся друг о друга, лёгкое позванивание... Однажды я видел часть зимней дороги с уцелевшей прорубью на проплывающей льдине...

* * *

Во время разлива Иртыш в широких местах как будто не течёт, а стоит на месте.

* * *

В Павлодаре самое узкое место на Иртыше – у спасательной станции... Вечер... Взгляд каким-то образом захватывает одновременно полосу воды и ущербный диск луны над ней, отчего кажется, что луна тоже движется навстречу течению.

* * *

Ночь. Узкий серп луны над Иртышом и серебряные проплешины на воде... Картина, достойная кисти Куинджи...

* * *

Яркий июльский день, на Иртыше лёгкая рябь, и он серебрится на повороте, как бок большой сильной рыбы...

* * *

Самая чистая, прозрачная вода в Иртыше – в середине осени. Именно в эту пору он – «беглец зеленоводый», как назвал его когда-то Павел Васильев.

* * *

24 августа 2009 года. Иртыш сегодня утром был так тих, так умиротворённо спокоен, что в нём, сохраняя цвет и едва заметно подрагивая, отражался пойменный лес на другом берегу.

* * *

В жаркую июльскую пору на набережной, под соснами, можно услышать, как раскрываются на деревьях с лёгкими щелчками молодые сосновые шишки.

И ещё увидеть, как через несколько дней после обильного дождя собирают под деревьями на берегу шампильоны наши предприимчивые земляки.

Птицы

Набережную уже давно облюбовали дятлы. Чаще всего их можно тут встретить зимой. С одной стороны, это говорит о неблагоприятии зелёного наряда правобережья в пределах городской черты, ведь дятлы добывают себе пропитание главным образом на больных деревьях. Ну а с другой – о том, что эти птицы стали признавать зелёную часть набережной лесом. И хотя ещё не устраивают здесь свои гнёзда, как, например, сороки, но зато охотно кормятся. И стучат, стучат, стучат...

Иногда на отрезке пути от улицы Лермонтова до спасательной станции я насчитывал до четырёх-пяти дятлов. Раньше это всегда были чёрно-пёстрые короткохвостые птицы, а недавно стали встречаться их сородичи совсем другого, если так можно сказать применительно к дятлу, – страшно-ватого вида. Эти – сплошь чёрные, с удлинённым, конусообразным туловищем – чем-то напоминают героя зарубежных фильмов-страшилок Бэтмана, который в своём тёмном плаще летает по небу и вершит свой суд.

Однажды в конце лета я видел, как дятел, устроившись на вершине клёна, лутил сосновые шишки. Через несколько дней под ним была целая россыпь «растопыренных» шишек. Я показывал этот «феномен» нескольким людям и предлагал им объяснить, что это, откуда под клёном столько сосновых шишек? И никто не мог правильно ответить, а некоторые мне не верили, когда я им говорил, что это дятел.

...Когда я утром иду на работу и встречаю дятла, у меня сразу улучшается настроение – для меня это всегда добрая примета. Такой же считаю суетящуюся пару трясогузок, которые стали попадаться мне (жаль, только летом) у фонтана в верхней части набережной.

* * *

Иртыш в районе Павлодара не замерзает из-за тёплого течения протоки, охлаждающей турбины Аксуской ГРЭС. Это плохо и для самой реки, и для живущей в ней рыбы, и для пойменного леса, вынужденного зимовать в сырости.

В сильные холода, когда нет ветра, Иртыш как будто отгораживается от города белой, зыбкой завесой пара...

В тот год морозы в январе стояли под сорок, и почти каждый день на Иртыше, в районе спасательной станции, можно было видеть пару диких уток, прилетающих на открытую воду то ли кормиться, то ли греться... А может, за тем и за другим одновременно. Где они проводили остальное время суток, где ночевали, пережили ли зиму?

* * *

Конец октября... Холодно, но снега ещё нет. На берегу неуютно и ветрено. И только сорокачистюля неслышно скользит меж голых ветвей у самой воды.

* * *

18 августа 2009 года. Опять видел по пути на работу стаю коршунов, летящих откуда-то из-за Иртыша к Павлодару. Впрочем, стай в прямом смысле слова их вряд ли можно было назвать, хотя, насчитав больше трёх десятков, я сбился со счёта. Они летели разрозненными группами, по нескольку птиц и поодиночке, на разной высоте, некоторые «притормаживали» и кружили над поймой и над рекой... И почему-то коршуны не обращали никакого внимания на потенциальную добычу – голубей, пролетающих внизу и сидящих на песке у воды.

Никогда ещё я не видел над Павлодаром столько коршунов, как мипувшим летом. Или это был взрыв их рождаемости, связанный с какими-то природными «сдвигами», или изменились традиционные маршруты миграции коршунов, и наш город оказался на их пути по этой причине?

Впрочем, тем летом мне приходилось наблюдать обилие коршунов и в степи, неподалёку от Железинки. Наверное, всё же их вывелось в предыдущие годы больше обычного.

Моржиха

Конец декабря. Раннее утро, ещё темно... Мороз за 30 градусов. На набережной ни души, и только ближе к спасательной станции замечаю впереди одинокую фигуру. Догоняю и слышу:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте...

– Вы меня не узнаете?

– Нет... Да и темно...

– Я мама Гали Шестопаловой.

– А что вы тут делаете в такое время?

– У нас назначен сбор группы моржей на девять утра...

– Вы что, и купаться ещё будете? В шесть утра, кажется, 36 градусов было...

– Это в шесть утра, а в начале десятого будет всего тридцать или меньше... Уже можно будет купаться...

Пришёл на работу, послал молодого журналиста: хотелось удостовериться – будут всё же окунаться в воду или нет?

Купались!

Теперь вот и сама Галина Павловна Шестопалова стала завзятой «моржихой». Удовольствие, уверяет, неопишемое...

Кто как оздоравливается

Никого уже не удивляют сегодня павлодарцы, обнимающие по утрам на набережной деревья, – кто сосну, кто берёзу. Отождествляя себя с ними, наши земляки черпают из них энергию...

Но вот совсем другая картина... Милицейский пост-будка на набережной... Напротив – сосна, у неё вниз головой не то стоит, не то висит, зацепив-

шись валенками за ветку, мужчина. Чуть притор-
маживаю...

– Привет редактору, – слышится снизу, – ну как там у вас в редакции, власти не донимают?

– Здравсьте, – отвечаю машинально и замолкаю: как-то не очень часто приходилось говорить с человеком, стоящим-висящим вниз головой...

– Что – удивляетесь? А ничего тут такого нет – нормальное упражнение, я его делаю уже лет двадцать... Отлично себя чувствую – всегда в тонусе. Никакого простатита и прочих мужских болячек. Женщины до сих пор не обижаются...

Лет ему – 72. На дачу и обратно с весны до осени (она в районе тракторного завода) ездит только на велосипеде.

Лошадиная тропа

У поэта Василия Лукова есть такая строчка: «Как вкусно пахнет конский пот...». Кто-то, может, сморщит нос от подобного сравнения, между тем оно очень верное: если вы когда-нибудь в жизни имели дело с лошадью, то никогда не забудете этого неповторимого запаха. Да и вообще, общение с этими удивительными животными, особенно в детстве, остаётся в памяти навсегда. Как первая любовь...

При чём здесь набережная? При том, что в последние годы здесь неизменно появляется статный казах средних лет, а с ним две или три его лошади. На них он за символическую плату катает верхом всех желающих. Чаще всего вокруг него собирается ребятня, которой всё интересно. Девчонок, кажется, всегда больше... Они и смелее садятся на главного хозяйского коня – высокого, статно-

го, тонконового (они чем-то похожи с хозяином). И тогда «учитель» бежит рядом с наездницей, подсказывая ей на ходу, как надо себя вести.

Не думаю, что этот человек много зарабатывает таким образом. Но то, что он делает, заслуживает огромного уважения. Потому что он пробуждает в детях лучшие из человеческих чувств. Как жаль, что наши чиновники от образования до сих пор не додумались до того, чтобы найти достойное применение урокам доброты и человечности, которые он по сути бескорыстно даёт на глазах у всех...

Предложение

Она встретила меня, как только я повернул на набережную. Сначала просто бежала поодаль, будто сама по себе, будто ей нет до меня никакого дела... Потом приблизилась чуть-чуть, словно приглашая обратить на неё внимание. Потом забежала вперёд и бежала прямо передо мной, всё время оглядываясь и как будто говоря: «Ты посмотри, какая я – красивая, умная, воспитанная, хочешь, я буду с тобой? Вот увидишь – ты не пожалеешь об этом!».

Это и вправду была очень хорошая собака, она сразу мне понравилась...

Я остановился. Остановилась и она, как будто вновь говоря: «Ну что же ты, давай, решайся!».

«Извини, – сказал я, – вижу, какая ты хорошая, но куда я тебя возьму?», «Эх ты, – читалось в её ответном взгляде, – я к тебе со всей душой, а ты...».

Я ушёл. А она осталась. И больше мы с ней не встречались.

Упорство

Начало 90-х годов теперь уже прошлого века... Каждое утро, идя по набережной на работу, я встречал эту пожилую женщину, бегущую на лыжероллерах. И делала она это так истово, упорно, как будто хотела кому-то (или, может, себе самой) что-то доказать... Я не знал, кто она, есть ли у неё семья, близкие... Мне почему-то казалось, что она одинока. И я пытался представить себе историю её жизни... Когда-то она была молода и, вероятно, обременена шлейфом житейских забот; любила и была любима, растила детей... А теперь всё в прошлом; остались лишь старость да одиночество, да эта давняя страсть к движению – наверное, единственное, что приносит ощущение полноты жизни. И этот бег стал своеобразным ритуалом, с которого начинается её день. Это – и образ жизни, и смысл её, и мировоззрение...

Той женщины на набережной давно уже нет. Теперь мне встречается бегущий мужчина средних лет: коренастый, жилистый, на длинных кривоватых ногах. Бывает, когда я иду от улицы Лермонтова до спасательной станции, он успевает мне встретиться дважды. В нём то же упорство и та же неистовость, что были в женщине на лыжероллерах. Он ни с кем не заговаривает и не здоровается на бегу. Он весь – в этом беге. И, как когда-то давно, я пытаюсь представить его жизнь. Пытаюсь и не могу... И тогда говорю себе: «Движение есть жизнь» – и ускоряю шаг.

Ярмарка тщеславия

Когда-то берег Иртыша от бывшего Дворца тракторостроителей и до речного вокзала был застроен сплошь одноэтажными домишками. Исключение составляли трёхэтажный «обкомовский» дом да спасательная станция. Теперь же иртышский берег — настоящая «ярмарка тщеславия», на которой новые хозяева жизни будто соревнуются друг с другом — чей особняк или дворец круче. Новые жилища, налепленные вдоль береговой линии, где по-хорошему и строить-то подобные «хоромы» не следовало, вполне отражают вкусы их хозяев. Вернее сказать, пристрастия, потому что о чувствах вкуса и меры говорить не приходится. А роднят их все — высоченные глухие заборы, как будто хозяева постоянно ждут нападения невидимого противника. И будто в назидание потомкам стоят многие из новых хором на улице основоположника учения, заклеившего капитализм, — Карла Маркса.

Содержание

Блѣстки	3
Золотое слово	92
У нас в семье... ..	106
«Звездизмы»	121
Так это было... ..	149
Встречи с чудом	215
На набережной... ..	231

Юрий Поминов

Блестки

Издание второе, дополненное

Сдано в набор: 10.10.2013 г. Подписано в печать 10.11.2013 г.

Формат: 60x84/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,56

Тираж 1000 экз. Заказ № 849ц

Отпечатано в ТОО «Дом печати»

140000, Республика Казахстан, г. Павлодар, ул. Ленина, 143

